

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ КОННИЦА

Дж. К. АНДЕРСОН

Памяти Т. Д. Данбэбина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большинство вопросов, рассмотренных в настоящей книге, было поставлено передо мной ученым, памяти которого она посвящается. И если мне не удалось ответить на них так, как я, возможно, сделал бы под его руководством, то это моя собственная неудача и, конечно, не моих друзей, которые, читая и критикуя предварительные наброски или делаясь со мной своими знаниями как-то иначе, значительно улучшили данный окончательный вариант книги и уберегли меня от многих ошибок.

Прежде всего я должен поблагодарить профессора Г. Р. Ментона из Отагского* университета за ту помощь, которую он оказывал мне с самого начала моей работы над книгой. Мисс Сильвия Бентон, мисс Д. Х. Ф. Грей и мистер Х. Винмален приложили огромные усилия, разбирая ранние варианты этой книги, которая благодаря их критике была в итоге значительно улучшена. Я должен также поблагодарить мистера Х. Винмалена за то, что он разрешил цитировать отрывки из своих книг «Искусство верховой езды» и «Объездка лошадей». Я также хочу выразить признательность мистеру Д. Э. Л. Хейнсу, мистеру Р. Д. Барнетту, мистеру Дж. Бордману и мистеру Р. М. Куку не только за их советы по отдельным вопросам, но и за то, что они сделали для меня доступными материалы для продолжения моей работы в то время, пока я находился в

Англии. Профессора Д. А. Эмикс, Дж. Фонтенроуз, А. Э. Гордон, У. С. Хелболд и У. К. Притчет из Калифорнийского университета больше всех уделяли время на решение моих проблем, а профессор Х. Р. У. Смит помог мне добрым отношением и советами. Доктор Мэриан Стюарт и мистер У. Хейсти из Данедина** консультировали меня по техническим вопросам, мистер Макс Э. Найт из издательства Калифорнийского университета был снисходителен к моим личным слабостям, но строго критиковал мои ошибки. Я особенно благодарен ему и его коллегам.

Многим лицам и учреждениям, которые помогли мне в работе с иллюстрациями, я приношу благодарность особо в примечаниях к вклейкам.

Большая часть работы по этой книге была выполнена, когда я находился в отпуске, предоставленном мне Отагским университетом, Ученому совету которого я выражаю свою признательность. Членам правления Калифорнийского университета я благодарен за научный грант, покрывший многие расходы при подготовке мной окончательной рукописи.

Глава I

ЛОШАДИ В ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Лошадь, как говорили прорицатели царю Лидии Крезу, — это враждебное и чужеземное животное. В Греции она появляется вместе с захватчиками. Дикие лошади были неизвестны в землях, лежащих вокруг Средиземного моря, древним жителям Месопотамии и долины Инда. Но для первобытного человека из Северной Европы, южнорусских степей и Сибири они служили объектом охоты с целью получения пищи. Иногда выделяют три основных типа лошадей¹.

1. Порода из Северной Европы и западных степей. Ее представители невелики по размерам, но норовисты, у них красивая голова и ноги, а также изящный хвост.

2. Лошадь Пржевальского, которая еще сохранилась в небольшом количестве в Центральной Азии, отличающаяся крепким сложением, манерой низко держать голову и в целом простым внешним видом.

3. Западноевропейская «холоднокровная», или «лесная», порода, чья кровь, вероятно, течет в жилах большинства тяжеловозов в настоящее время.

Из степной зоны знакомство с лошастью проникло на Иранское плато². В Рана Гундаи (Белуджистан) были обнаружены конские кости и зубы. Число находок позволяет предположить, что лошадь была уже одомашнена и что само это место представляло собой лагерь для кочевых наездников³.

В III тыс. до н. э. клинописные таблички из Месопотамии иногда упоминают лошадь под названием «горный осел», и этот перифраз не только демонстрирует относительное незнание авторами этих табличек лошадей, но и позволяет установить источник, откуда были получены сведения о последних⁴. Прежде чем II тыс. до н. э. подошло к концу, лошадь распространилась в юго-западной Азии. Ее появление совпадает с вторжением воинственных народов, говоривших на родственных индоевропейских языках: хеттов в Малой Азии, митаннийцев в Армении, касситов в Вавилонии и ариев в северо-западной Индии. В Египте появление лошади связывалось с вторжением гиксосов (возможно, азиатских семитов), однако скелет лошади, недавно обнаруженный в Бухене (в Судане), по мнению археологов, датируется концом Среднего царства, во всяком случае, временем более ранним, чем первое разорение данной крепости, произошедшее приблизительно в 1675 г. до н. э. В Греции и в Трое лошадиные кости появляются в достаточном количестве в середине Бронзового века (приблизительно после 1800 г. до н. э.), когда материк находился под контролем пришельцев, предшественников ахейцев Гомера, говоривших на одном из ранних вариантов греческого языка⁵.

Упомянутые лошади, видимо, произошли от первой группы. Самые ранние их изображения были найдены в «шахтовых гробницах» в Микенах, могилах династии, правившей приблизительно с 1650 по 1550 г. до н. э. На одной золотой печати⁶ мы видим лучника, охотящегося на оленя с колесницы. Ее везут два бешено мчащихся пони с развевающимися по ветру гривами и хвостами. На изображениях последующих десятилетий встречаются животные с более короткой шерстью и ухоженные; однако так как стрижка и уход могут сильно изменить недавно обьезженную лошадь, я не думаю, что это какая-то улучшенная порода, как могло бы показаться⁷. Изображения на каменных печатях и кольцах с печаткой, разумеется, очень малы. Правда, сохранились рельефы на надгробных плитах, которые показывают героев на колесницах, преследующих пеших врагов⁸, но они вырезаны слишком грубо, чтобы дать точное представление о деталях. По-видимому, у этих лошадей стройные ноги и гладкая шерсть, небольшие красивые головы, хвосты хорошо уложены. Уже заметна характерная особенность коней классической Греции: они высоко держат голову и шею. Отчасти, возможно, это результат примитивной запряжки, при которой хомут давит на дыхательное горло⁹.

С материковой Греции лошадь была завезена на Крит в XV в. до н. э. или чуть позже. На клинописных табличках, содержащих сведения о последнем периоде существования дворца на Кноссе (ок. 1400 г. до н. э.), кони упоминаются в связи с колесницами и доспехами для воинов¹⁰. Данные таблички написаны на одной из форм греческого языка¹¹. Поэтому можно предполагать, что лошади также пришли туда вместе с воинами, говорившими на индоевропейском языке. Не исключено, что последние были обязаны именно боевым колесницам тем, что они смогли установить власть над народом, гораздо дальше продвинувшимся по пути цивилизации.

Тем временем в Египте и Месопотамии, в Сирии и Малой Азии основная военная сила как народов-пришельцев, так и местных держав заключалась в колесницах, запряженных двумя лошадьми, которые несли возницу, лучника или дротометателя, иногда щитоносца. Подобные колесницы атаковали целыми отрядами, выстроившись в правильные линии, а воины сражались со своих повозок, не спешиваясь. Памятники египетских фараонов прекрасно показывают лошадей того времени. Это небольшие, но прекрасно ухоженные и норовистые животные, высоко несущие голову, обычно с «дискообразной мордой» (с изогнутым в виде полукруга профилем), с прекрасными головами, ногами и хвостами. На египетских памятниках, которые точно передают особенности одежды, оружия и внешних характеристик различных народов Азии и Африки, не видно разницы между лошадьми египтян и таких их азиатских врагов, как хетты. Поэтому вероятно, что в данное время «африканская» и «азиатская» породы не имели четких отличий. Трудно также выделить на изображениях заметное несходство между колесничными и верховыми лошадьми. Действительно, верховая езда изображается редко, и, похоже, она не играла особой роли с военной точки зрения. Иногда среди колесниц можно увидеть всадников, спешащих с донесениями к отставшим частям армии или спасающихся бегством; возможно, во время трудного похода незапряженных колесничных лошадей ловили и садились на них верхом, но они не играли большой роли в сражениях. По крайней мере, искусство верховой езды было известно — имеется несколько фигурок всадников из Египта и Сирии. Они старше, чем какие-либо изображения колесниц, запряженных лошадьми, найденные в этих странах¹².

В Греции колесничное дело не получило такого развития, как в Азии и Египте. И египетские лучники, и хеттские дротометатели выстраивали свои колесницы в длинные линии и атаковали галопом, а равнины Греции слишком малы, чтобы эта тактика получила широкое распространение. Возвышенности, которые разделяют равнины на небольшие котловины и покрывают большую часть страны, круты и скалисты и в целом непроходимы для лошадей (особенно неподкованных). Царями Микен была построена система мощенных камнем дорог, которые вели через перевалы и связывали Аргивскую равнину с открытой местностью возле Коринфского перешейка. И хотя колесницы могли передвигаться по этим магистралям, и подобные дороги, несомненно, существовали в других местах, колесницам не удалось бы отклониться от них, чтобы совершить маневр или развернуться для боя. К тому же система разведения лошадей требовала широких пространств под пастбища. Большие табуны кобылиц оставляли свободно пастись на заливных лугах, а при необходимости к ним посылали жеребцов. В Греции было мало мест (особенно на востоке), где круглый год доступен хороший подножный корм. Обычно солнце выжигает траву в течение сухого лета. Кроме того, на земле, используемой под пастбище, нельзя было выращивать сельскохозяйственные культуры. С тех пор как лошадей начали разводить в Египте и Месопотамии, правители этих плодородных и хорошо орошаемых земель вскоре смогли оказывать помощь соседям, которым не хватало пастбищ для собственных конных заводов. От лошадей, разводимых на этих хороших пастбищах, через несколько поколений можно было ожидать, что они станут крупнее своих степных предшественников. (Я полагаю, что лошади арабской породы, разводимые сейчас в Англии, явно больше тех, которые живут в Аравии, хотя их кровь остается чистой.) Более крупные, откормленные лошади смогли бы лучше нести всадников, но ими было бы труднее управлять.

В конце XV в. до н. э. хеттский царь Хаттусили II попросил у касситского царя Вавилонна молодых лошадей крупного размера; именно молодых, потому что зимние холода на Анатолийском плато, куда они направлялись, погубили бы старых лошадей¹³. Однако в III тыс. до н. э. кони были неизвестны в Месопотамии, и даже за триста лет до указанного времени торговля ими шла в другом направлении. Существуют «ясные указания на то, что искусство быстрого вождения колесниц пришло вместе с лошадьми в Северную Сирию из Анатолии»¹⁴. Поэтому просьба Хаттусили также доказывает существование превосходящей другие местной месопотамской породы. Покупка же царем Соломоном лошадей в Египте в X в. до н. э. свидетельствует, что Африка была родиной лучших в мире скакунов¹⁵.

Лошади, импортируемые из равнин Анатолийского плато, нуждались в акклиматизации. Этот процесс, по-видимому, описан в знаменитой книге Киккули из Митанни (клинописные таблички с ее текстом найдены в столице хеттов)¹⁶. Они содержат детальные, буквально по дням, инструкции, как в течение нескольких месяцев готовить колесничных лошадей: суровое голодание, физическая нагрузка, поэтапные тренировки, упражнения для каждой стадии обучения.

В искусстве ухода за лошадьми хетты ориентировались на Митанни. Ахейские же правители, в свою очередь, видимо, заимствовали опыт хеттов. Возможно, они посещали хеттский двор, чтобы научиться конному делу, хотя свидетельства на сей счет небесспорны¹⁷. По крайней мере, памятники материальной культуры показывают, что, так же как и правители Египта и Азии, ахейцы полагались на колесницы. Верховая езда, похоже, не имела большого значения и не представляла интереса для художников этого периода. Правда, сохранилась грубая глиняная статуэтка (Микены, ок. 1300 г. до н. э.) конного воина, неуклюже сидящего на крестце животного (предположение о том, что это животное — осел, отвергается)¹⁸.

Ставился вопрос и о том, одновременно ли лошадь и боевая колесница появились в Греции. Ведь существует, в конце концов, интервал примерно в двести лет между вторжением в начале второй половины Бронзового века «приручивших лошадь» племен и самых ранних изображений колесниц. И нет никаких остатков лошадиной упряжи и деталей колесниц, таких как удила, чеки колес, т. е. тех, которые могли быть сделаны из металла или других долго сохраняющихся материалов, что объясняло бы временной разрыв. Поэтому возникло предположение, что захватчики, которые привели лошадь, или передвигались на ней верхом (и не только в одной Греции, но и на всем Среднем Востоке)¹⁹, или же использовали ее как вьючное животное²⁰. В Египте и Месопотамии, а, возможно, также на Крите²¹ салазки и телеги, передвигаемые быками и ослами, уже давно применялись и на войне, и в мирное время. Считается, что это ценное животное, приведенное захватчиками, соединили с колесной повозкой цивилизованного мира для того, чтобы создать новое колесное средство. Оно получило широкое применение, которое через Малую Азию пришло в Грецию.

Я нахожу теорию «вьючной лошади» непривлекательной. Кони (в отличие от ослов и мулов) изредка использовались для перевозки тяжестей в период поздней античности. Кроме того, от Греции до Индии индоевропейцам удалось добиться господства над народами, значительно превосходящими их по численности, а отчасти и по уровню культурного развития. Для объяснения всего этого недостаточно одной возросшей

стратегической мобильности, которую обеспечивала вьючная лошадь (и это для племени, где было немало женщин и детей, в том числе и грудных?). Чтобы покорить более многочисленный народ, в чьем распоряжении были укрепленные города, требовалось некое новое оружие, дававшее тактическое превосходство. И недостаточное количество остатков лошадиной упряжи большого значения не имеет. Как отмечает Худ (и это будет показано ниже), «снаряжение для примитивной верховой езды, в конце концов, находилось еще в зачаточной форме» и, возможно, состояло всего лишь из веревки или хлыста. В любом случае, в Венгрии среди предметов, датированных концом III тыс. до н. э., были найдены вместе с лошадиными костями роговые псалии поводьев²².

То, что захватчики были всадниками, на первый взгляд кажется вполне правдоподобным. История дает много примеров того, как всадники из степей опустошали густонаселенные страны. Однако кажется, что тяжелые четырехколесные повозки, влекаемые быками, а не лошадьми, были уже известны в Центральной Европе в конце III тыс. до н. э. Их начали использовать в Месопотамии (где они были изобретены в IV тыс. до н. э.), откуда, видимо, через Кавказ этот опыт перешел в степную зону. Поэтому возможно, что изобретение колеса со спицами (важная особенность легкой, запряженной лошадьми боевой колесницы) для того, чтобы заменить тяжелое цельное, сделанное из дерева колесо старых телег, и развитие самой колесницы предшествовали появлению «приручивших лошадей» племен в юго-западной Азии, а не последовало за ним²³. Само слово «ярмо» и различные родственные слова в греческом, латинском, на санскрите и в германских языках говорит о том, что запряжка животных (не обязательно лошадей и тем более не обязательно в боевые колесницы) была знакома индоевропейцам еще до того, как они рассеялись по широким пространствам завоеванных ими земель. Эпосы, составленные на греческом и санскрите, рассказывают о правящих колесницами богах и героях и упоминают верховую езду только как что-то редкое и исключительное²⁴. Наконец, если захватчики обладали достаточно боеспособной конницей, то тогда трудно понять, почему они отказались от нее в пользу колесниц. В историческую эпоху общее развитие шло в противоположном направлении.

Мне кажется, пони западных степей не могли стать хорошими боевыми конями из-за своих малых размеров и до изобретения колесницы выглядели на поле боя не слишком внушительно, хотя, возможно, их одомашнили в более ранний период. Именно благодаря колесницам обладатели лошадей смогли прорваться на густонаселенные земли Среднего Востока, где было много зерна и хороших пастбищ. Лучшее питание в течение многих поколений дало возможность появиться более крупным животным. Однако более крупными и лучше ухоженными лошадьми править было труднее, чем их предками, и, прежде чем конница заняла место колесниц, потребовалось изобрести новое снаряжение и разработать более развитую технику езды. Не было внезапной революции, вызванной появлением новой породы коней. На лошадях же центральноазиатского типа, родственных лошади Пржевальского, приведенных захватчиками в VIII в. до н. э. и позднее, во время сражения скакали верхом, а не впрягали в колесницу. Потомки подобных пород могут еще быть различены в исторический период. Свидетельства об этом будут рассмотрены нами ниже.

В конце XIII в. до н. э. новые вторжения нарушили покой цивилизованного мира. Держава хеттов в Малой Азии подверглась жестокому разгрому. Многонациональные потоки беглецов и захватчиков пробили себе путь через Сирию. Египет, на который напали одновременно и с востока, и с запада, где орды «народов земли и моря» двигались вдоль

Ливийского побережья, отбился от врагов только после нескольких жестоких битв. Важнейшую роль в них сыграли лучники, ездившие на колесницах. Вскоре после этого Греция, согласно традиции, подверглась нашествию дорийцев, грекоговорящего народа с севера, которые захватили дворцы ахейских правителей в Пилосе и Микенах.

За дорийскими вторжениями последовал период хаоса и тьмы, который длился до второй половины VIII в. н. э. Греческий мир разделился на маленькие независимые государства, враждовавшие друг с другом и отрезанные от стран Леванта. Города последнего, оправившись от бедствий вторжения, сохранили традиции цивилизации, утраченные в самой Греции. Греки рассеялись по бедным деревушкам. Крестьяне сами изготавливали свои плуги, войлочные шляпы, водонепроницаемые плащи, обувь и телеги, перевозимые быками, поскольку лошади принадлежали знати, мелким землевладельцам, которые в глинобитных лачугах или слегка подновленных остатках древних крепостей отстаивали силой оружия притязания на царский сан и божественное происхождение.

В сельской экономике существовала лишь одна ремесленная специальность — кузнечное дело. Техника обработки железа, до этого времени неизвестная, во время потрясений конца XIII—XII в. до н. э. распространилась через Средний Восток и, возможно, была принесена захватчиками, дав им преимущество над теми, кто использовал бронзу. Однако это одно техническое достижение не компенсировало общей бедности и падения жизненного уровня. Гесиод, писавший в VIII в. до н. э. в продуваемом ветрами сельском доме на плоскогорьях Беотии, жалуется, что он родился в Железный век труда и нищеты²⁵.

Аристократы, несмотря на то что у них было ненамного больше материальных благ, чем у простых крестьян, имели по крайней мере возможность заниматься политикой, охотой и войной. На поле боя господствовали колесницы. В ранних эпических сказаниях, которые возникли предположительно в начале Железного века, хотя они и рассказывают о событиях Троянской войны, происшедшей несколькими веками раньше, герои во время битв и путешествий используют небольшие колесницы, обычно запряженные двумя лошадьми по обе стороны дышла. На колеснице ехали два человека — вооруженный воин, который спрыгивал с нее и начинал сражаться с мечом и копьем в руках, и колесничий, лицо менее высокого ранга, правда, благородного происхождения. Он вез своего старшего товарища в битву и, после того как тот спешил, держался рядом с ним, чтобы при необходимости благополучно вывезти его с поля боя. Воин и колесничий действовали как одна команда, а с остальными людьми из их войска объединялись лишь в случае личной договоренности, часто в наиболее критический момент битвы. Колесницы не выстраивались по отрядам в ровные линии (хотя, предания, возможно, и сохранили воспоминания о том, что в Бронзовом веке «люди прошлых времен именно так грабили города и крепости»²⁶). Но самым важным отличием от азиатской и египетской практики было то, что бой с колесницы был неизвестен. Воин обычно спрыгивал, и человек на земле имел преимущество, когда он атаковал неприятеля, все еще находившегося в колеснице. Такая тактика изображена на аттических вазах VIII в. до н. э.²⁷, и, по моему мнению, она существовала и раньше. Была ли последняя разработана уже в период Бронзового века — это вопрос, не входящий в задачу данного исследования.

Как в литературе, так и в искусстве сохранилось мало свидетельств о верховой езде. Эпические сказания упоминают ее дважды — когда проводят сравнения, лежащие за

рамками основного сюжета. Возможно, речь идет об обычаях, современных поэту, а не героическому веку, о котором он рассказывает²⁸. Однажды во время ночного набега Диомед и Одиссей сели на колесничных лошадей и поскакали верхом, поскольку обстоятельства не позволяли запрячь их²⁹. Другая история из эпического цикла, появившаяся, возможно, в VII в. до н. э., но сохранившаяся только в кратких позднеантичных изложениях, часто изображается на вазах VI в. до н. э.³⁰ и более позднего периода. Когда троянский царевич Троил выводил на водопой своих лошадей у ворот, он подвергся неожиданному нападению и был убит Ахиллом. Обычно Троила изображают скачущим на одной лошади и ведущим другую. Если бы он выезжал на битву, то лошади были бы запряжены в его колесницу, однако он решил не тратить времени на запряжку, поскольку рассчитывал на непродолжительную и спокойную прогулку. Отсюда, конечно, нельзя сделать вывод о том, как себя в действительности вели герои Бронзового века. Но можно по крайней мере предположить, что поэтическая традиция не сковывала себя воспоминаниями о времени, когда никто и ни при каких обстоятельствах не сел бы верхом на лошадь. Вероятно, верховую езду изобрели в очень давние времена, однако вопрос том, кто ее придумал — боги, герои, амазонки или кентавры, — был для древних предметом спора.

Изображения верховых лошадей редки до приблизительно 700 г. до н. э. На одной критской вазе (возможно, IX в. до н. э.) имеется грубое, но живое изображение вооруженного человека на спине лошади, очевидно, сидящего боком³¹. Однако то, что практиковалось на Крите, могло не иметь места в материковой Греции. Лучники, ездившие на колесницах, и хорошо известные по материалам Крита конные лучники более позднего времени, которые стреляли не спешиваясь, не характерны для Греции в целом. На материке, начиная со второй половины VIII в. до н. э. и позже, всадники появляются на вазах, металлических брошах и на краях золотого орнамента на рельефах. Некоторые изображены в условиях боя или скачущими по лежащим на земле врагам, но большинство их не вооружено и спокойно следует позади мирных процессий, в которых участвуют и колесницы³². Археологические свидетельства, таким образом, подкрепляют точку зрения, что в доисторический период Греции конница в целом не играла большой роли или даже не существовала. Однако столь же неверно утверждение, что там никогда не ездил верхом или что лошади греков были неспособны нести седоков. Скорее всего, в этот ранний период люди верхом редко совершали деяния, достойные прославления художниками или поэтами. Малозначительный случай с Троилом был отмечен из-за своих трагических последствий, а не потому, что был интересен сам по себе.

О внешнем виде греческих лошадей в это время вазовая геометрическая живопись, изображавшая лошадей лишь в виде условных силуэтов, дает недостаточное представление. Гривы и щетки лошадей всегда подчеркнуты, хвосты обычно подняты вверх, и все еще заметна высокая постановка головы, отмеченная как характерная черта лошадей Бронзового века. Когда лошади с седоками появляются на тех же самых вазах в качестве колесничных лошадей, то они не выделяются большим размером или чем-либо еще, и нет никаких причин предполагать, что они представляют другую породу. В классическом искусстве не наблюдается особой разницы между верховой и колесничной лошастью. У греков не было тяжеловозов, и один и тот же тип животного, судя по всему, обычно использовался и для верховой езды, и для езды на колеснице вплоть до IV в. до н. э. и позже. У римлян же, как это будет показано в следующей главе, было больше разных пород лошадей, что позволяло делать выбор. Для Сенеки само собой разумеется, что одно и то же животное не может быть скаковой, верховой и тягловой лошастью³³.

Тем временем в Азии развивалась настоящая конница, включавшая в себя и копейщиков, и лучников. Постепенно она заменила колесницы. Копейщики появляются на рельефах из небольшого хеттского царства Тель Халаф (X в. до н. э.). Царь и военачальники все еще скачут на колесницах, но гонцы между ними — всадники, и кавалерия, все еще уступавшая в IX в. до н. э. по численности колесницам, ко времени Иезекии состояла из «областена начальников и градоправителей... одетых пышно, всадников, едущих на конях, отборных юношей»³⁴. Их детальные изображения сохранились на рельефах из дворцов ассирийских царей, которые возродили могущество своей державы и уже проявляли активность к западу от Евфрата, в итоге раздвинув границы Ассирийской империи от Египта до берегов Каспийского моря. Их конница ездил верхом, без седла или чаще на стеганых чепраках, прикреплявшихся нагрудным ремнем, иногда подпругой, реже подхвостником. Стремян не было, как нет и никаких следов седла с жестким каркасом. Ассирийцы управляли лошадьми с помощью удили или уздечек, а на поздних рельефах изображен замечательный прообраз современного мартингала (насколько мне известно, не использовавшегося древними народами). Поводья прикреплялись к большой кисточке, висевшей под шеей лошади, которая обеспечивала контроль за ртом лошади, когда всадник бросал поводья. Таким образом, всадник мог высвободить руки и стрелять из лука на полном скаку. Это мастерство развивалось по мере того, как росла роль конницы. Оно подчеркивается контрастом между уверенной и свободной посадкой всадников на поздних рельефах и внешним видом их предшественников IX в. до н. э., ссутулившись едва ли не на крупах лошадей и стесненных в движениях³⁵.

Ассирийские кони были более крупного и грубого сложения, чем их собратья на египетских рельефах. «Горы» оставались краем, откуда во множестве поставляли скакунов в Месопотамию, и ассирийские цари неоднократно водили свои армии в Мидию, главным образом для захвата жеребцов³⁶.

В течение VIII в. до н. э., когда власть ассирийцев достигла Западной Азии, контакты между Грецией и цивилизованным миром возобновились. Восточные товары снова достигли материковой Греции. Греческие купцы обосновались в устье Оронта в северной Сирии, по крайней мере, уже в середине этого века³⁷, а в конце его геометрический стиль в греческом искусстве, медленно развивавшийся с начала Железного века, перенял немало традиций и мотивов Востока, среди которых можно выделить финикийские, сирийские, египетские и ассирийские элементы. Более важным (и довольно ранним) новшеством было внедрение финикийского алфавита, который греки улучшили, добавив гласные буквы.

Одновременно возрождение ремесла и торговли усилило приток населения в города. На Сицилии, в Северной Италии и на берегах Черного моря были основаны новые греческие колонии. Подъем городского торгово-ремесленного класса сломал власть старых, строившихся на наследственном принципе царских династий и аристократий, а политические изменения были ускорены внедрением нового военного снаряжения и тактики, возможно, пришедшей от карийцев из Малой Азии. На смену дуэли героев-одиночек, ехавших на колесницах, пришла схватка масс тяжелой пехоты, выстроенной в плотном порядке и имевшей на вооружении мечи, копья, шлемы, панцири, поножи и круглые щиты³⁸. Они были недоступны беднякам, но стоили гораздо дешевле лошадей и колесниц, так что старая знать утратила свою власть, и в течение VII-VI вв. до н. э. ее в

большинстве случаев сменили тираны, которые в свою очередь уступили дорогу городским республикам среднего класса.

В «ориентализирующий» период (т. е. начиная с приблизительно 700 г. до н. э.) всадники на лошадях становятся обычной темой вазовой живописи и других форм искусства. Сначала они в целом скачут плохо, неудобно сидя на спинах своих лошадей. Как было замечено, они часто не вооружены, и это показывает, что художники интересовались не только новыми методами войны. До середины VII в. до н. э., судя по вазописи, наездники сидели не слишком удобно и держались неуверенно. Необходимо учитывать значительно возросшее мастерство художников, но именно в это время, в 648 г. до н. э., на Олимпийских играх были введены скачки на верховых лошадях. Колесницы, запряженные двумя лошадьми, соревновались еще в глубокой древности, а квадрига появляется на вазах позднегеометрического периода³⁹ с 680 г. до н. э. Эти даты⁴⁰ лишний раз доказывают, что в те времена верховая езда имела сравнительно небольшое значение.

Даже после того как начались соревнования верховых лошадей, мастерство всадника, по-видимому, не имело большого значения. В этой связи интересен следующий рассказ Павсания. «Кобыла коринфянина Фейдола, по воспоминаниям коринфян, ее имя было Аура (Ветерок), случайно в начале бега сбросила с себя своего всадника, но тем не менее продолжала бежать как следует, повернула около столба (меты) и, услышав звук трубы, дала полный ход, первой пришла к гелландикам и, поняв, что она победила, остановилась. Элейцы провозгласили победителем Фейдола и разрешили ему поставить статую этой кобыле»⁴¹.

Глава II

ПОРОДЫ ЛОШАДЕЙ

Хотя в Греции в доисторический период коней использовали как для верховой, так и для колесничной езды, тем не менее до VII в. до н. э. вторая была гораздо важнее первой. В это время влияние Востока начинает ощущаться в жизни греков буквально во всем, и поэтому вполне можно предполагать его и в использовании лошадей, тем более что в Сирии и Месопотамии конница уже в целом заменила колесницы. По мнению научной школы, которую возглавлял ныне покойный профессор Риджвей⁴², именно выведение новой, улучшенной породы лошадей сделало возможной верховую езду. И хотя эта теория больше не находит сторонников, поскольку было показано, что кони Бронзового века могли носить и носили всадников, тем не менее дополнительное изучение свидетельств, большинство из которых собрал сам Риджвей, способно иметь самостоятельную ценность.

В V в. до н. э. греческая лошадь, судя по изображениям и литературным описаниям⁴³, была небольшим животным, по-видимому, редко достигавшим 15 ладоней* с красивой головой и ногами, высокой постановкой головы и довольно тяжелым туловищем. В то же время у варваров сикиннов, живших за Дунаем, была порода пони «с совершенно косматым телом, волосами длиной в пять пальцев, маленьких и с плоским носом, не способных нести седока, но очень быстрых, когда их запрягали в колесницы»⁴⁴. На современный взгляд лошадь классической Греции выглядит так, словно была помесью между грубыми пони (от которых, возможно, берет начало ее не слишком изящное сложение) и чем-то напоминающим современных арабских скакунов, родством с которыми объясняются красивые очертания ее головы, ног и хорошо лежащего хвоста. Одно обстоятельство наводит на мысль, что греческая порода изменилась между героическим и историческим периодами в результате скрещивания⁴⁵. Гомеровские лошади обычно именуется *xanthos* — цвет светлых или, возможно, каштановых человеческих волос, у лошадей, видимо, гнедая масть, хотя Риджвей, чтобы подкрепить свою теорию, обычно переводит это как «желто-коричневый». У лошадей лучшего происхождения и более высокого качества обычно были другие окрасы. У фракийского царя Реса были белые кони, а грек Диомед захватил у троянца Энея красно-каштанового (*phoīnix*) скакуна с белой звездой во лбу, в котором текла божественная кровь, дар Зевса, отца богов и людей.

Напротив, лошади периода классической литературы, похоже, имели не более постоянный цвет, чем современные чистокровные лошади. Юные расточители тратили целые состояния на скаковых лошадей «цвета скворца»; молодых гнедых кобыл можно было встретить в военных лагерях; полководцы и их дамы сердца разъезжали на сикионских серых лошадях; женские имена Меланиппа и Ксантиппа говорят о том, что вороные и гнедые кони были предметом восхищения в аристократических кругах; наконец, мы можем сказать о замечательной красно-каштановой лошади, принадлежавшей Сею, которая приносила несчастья всем своим хозяевам⁴⁶. Цвет белых и пегих скакунов на вазовой живописи VII в. до н. э. и позднее не так заметен, поскольку художник геометрического периода в живописи, вероятно, не мог изображать белых лошадей, даже если и хотел это сделать.

Однако прилагательное *xanthos* не единственное, которое Гомер использует в отношении обычных лошадей. Длинногривые кони Ахилла, рожденные от союза Западного ветра и Гарпии Подарги («быстроногой»), были названы Ксанф и Балий («Балий», возможно, означает «в яблоках»)⁴⁷. Поэтому не исключено, что нам не следует проводить резкое различие между «обычной» каштановой или серой лошадью и «божественной» гнедой.

Гомер упоминает и других божественных коней, произошедших от Северного ветра и смертных кобыл, пасущихся на заливных лугах возле Трои⁴⁸. Однако ни на одной из божественных лошадей не ездили верхом, хотя они и могли скакать по морю, не замочив ног, или через нивы, не потоптав верхушек колосьев. Однажды Одиссей и Диомед скакали верхом на белых лошадях Реса, но, как уже было отмечено, лишь по той причине, что обстоятельства не позволяли запрячь их в колесницу. Короче говоря, в эпосе нет свидетельств о существовании породы верховых лошадей лучшего качества. И, как было отмечено в предыдущей главе, археологические свидетельства показывают, что уже в период Бронзового века лошади Греции были способны нести всадника и имели по крайней мере некоторые из черт лошадей классического периода.

Но если в «ориентализирующий» период, и это весьма вероятно, греческие лошади были скрещены с другими породами, что, возможно, повлияло на различные окрасы лошадей классического периода, то нужно ответить на вопрос, о каких породах может идти речь. Выше было замечено, что на современный взгляд лошади классической Греции кажутся помесью между арабскими скакунами и какими-то грубыми пони, хотя в древности Аравия не экспортировала лошадей⁴⁹. Цари Ассирии неоднократно устраивали походы на Мидию, и кавалерийские кони составляли важную часть их добычи. Они также организовывали военные экспедиции на юг, вдоль арабской границы, но здесь, хотя они и вводили верблюдов, лошадей не обнаружено. На барельефе из дворца Ашшурбанапала изображены арабы. Они сидят на верблюдах (одногогорбых дромадерах), спасаясь от ассирийцев, которые преследуют их верхом на конях⁵⁰.

Два столетия спустя Геродот составил описание армии, которую персидский царь Ксеркс вел на Грецию в 480 г. до н. э. Это описание, где численность Ксерксова войска определяется примерно в 5 млн человек, конечно, не является точным отчетом об экспедиционных силах, но, возможно, было основано на официальных документах о мобилизационных источниках всей персидской империи. Подробно перечислены народы, поставлявшие конницу, а об арабах говорится, что «все ехали на верблюдах, по быстроте не уступающих коням»⁵¹.

О лошадях Персидской империи превосходное представление дают вырезанные из камня печати и рельефы, прежде всего рельефы из дворца в Персеполе, на которых изображены народы мира, приносящих дань Великому царю. Собственные скакуны царя — возможно, знаменитой нисейской породы — были небольшого роста, но крепкие и, по-видимому, очень сильные, с массивными головами и характерными римскими носами. Большой размер персидских лошадей, особенно если их сравнивать с греческими, был предметом гордости самих персов и вызывал восхищение всего мира, однако кажется, что внимание привлекали их вес и массивность, а не рост⁵². У сагартийцев, согдийцев и других центральноазиатских племен были в целом подобные кони, но меньше, легче и с более длинной спиной. (По-видимому, в жилах их всех течет кровь лошади Пржевальского. Возможно, их скрестили сами мидийцы и персы или скифы, конные степные кочевники, которые вместе с другими племенами прорвались в VII в. до н. э. в северозападную Азию и сыграли роль в разрушении Ниневии в 612 г. до н. э. Спустя поколение они сами уже были разбиты мидийцами, но их лошади, вероятно, перемешались с лошадьми завоевателей⁵³. Особенно удивляет разница между ассирийскими и персидскими скакунами, сохранившаяся и через два с половиной столетия, хотя оба народа получали племенных жеребцов из Мидии.)

Другие азиаты показаны с парой красивых пони, запряженных в колесницу. Головы животных грубее, чем головы на египетских рельефах семью или восемь веками раньше, да и выглядят они явно меньше. Индийцы представлены с симпатичными мулами. Среди покоренных народов можно увидеть и арабов, хотя та группа, которая, кажется, их изображает, ведет одногогорбых верблюдов, а не лошадей⁵⁴.

Это свидетельство, конечно, касается северных племен, находившихся в прямом контакте с Ассирией и Персией. Однако караванные пути, по которым царица Савская прибыла с

края земли, чтобы убедиться в мудрости царя Соломона, связывали Счастливую Аравию с севером. После того как Персидская империя была завоевана Александром Великим (336—323 гг. до н. э.), греки смогли вести прямую морскую торговлю с Востоком через Красное море и Персидский залив, и в этой торговле Южная Аравия, родина пряностей, играла важную роль. К началу новой эры греки благодаря непосредственным наблюдениям хорошо знали аравийское побережье и, разумеется, были осведомлены о товарах, служивших предметом коммерции, по крайней мере об экспортных. Соответствующие данные приводит географ Страбон⁵⁵, писавший во времена римского императора Августа. Он упоминает скот, верблюдов, оленей и диких ослов (*hemionoi*, или полуослов — это же слово использовалось и для обозначения мулов) и других животных, как диких, так и домашних, обнаруженных в Аравии. При этом Страбон постоянно подчеркивает, что лошади, мулы и свиньи там неизвестны. Его сведения на сей счет, по-видимому, являются устаревшими, поскольку существует известное количество арабских изображений животных и всадников, причем некоторые из них относятся ко времени Страбона, хотя, вероятно, ни одно из них нельзя датировать эпохой Александра⁵⁶.

Данное свидетельство наводит на мысль, что жители Аравии использовали коней с начала новой эры, но арабские лошади не слишком ценились в остальном мире, и другие народы не стремились приобретать их. Это подтверждается тем, что арабские лошади не упомянуты в последующих каталогах знаменитых пород, составленных античными авторами⁵⁷. В этих сборниках прослеживается развитие пород тяжелых боевых скакунов, особенно в азиатских провинциях Римской империи. Их материал доказывает, что греческие породы легких лошадей, использовавшихся теперь уже только для скачек и смотров, постепенно ухудшались, правда, еще в течение веков эти лошади, по крайней мере внешне, были похожи на своих предков классического периода. Тяжелого боевого коня с маленькой красивой головой, массивной шеей, сильным и крепким туловищем и красивыми, стройными ногами прекрасно демонстрирует конная статуя императора Марка Аврелия (161—180 гг. н. э.) в Риме. Однако данный тип уже отличается от легкой и изящной скаковой лошади IV в. до н. э. Это отличие ясно видно на бронзовой статуе скаковой лошади и наездника в натуральную величину, найденной на мысе Артемисий (восточное побережье Греции). Фигуру всадника, в которой мастерски передано энергичное движение, можно датировать первой половиной II в. до н. э. Однако его лошадь, прекрасно ухоженная, но легкая почти до худобы, совершенно не похожа на других лошадей того времени. Поэтому некоторые ученые предположили, что данная часть статуи была сделана на три века раньше и снята с памятника классического периода, чтобы стать частью скульптурного изображения какого-либо призера эллинистического периода. Я же разделяю мнение тех, кто считает, что лошадь и всадник были сделаны одновременно и что это животное является прямым потомком греческих лошадей V в. до н. э., в то время как кони, изображенные на большинстве памятников того периода, явно несут на себе признаки примеси азиатских пород⁵⁸.

Продолжим обзор литературных свидетельств. Граттий, младший современник Страбона, начинает с греческих лошадей, фессалийских и аргивских. Они были крупного размера, высоко вскидывали ноги, из них выходили превосходные скаковые лошади, но при всех своих достоинствах эти кони не обладали качествами, необходимыми для использования на войне и охоте. О лошадях из Сиены (Верхний Египет) известно мало. Парфянский скакун, превосходно показывавший себя на родных равнинах, очень скоро сбивал копыта в скалистой Италии. Он был очень горяч и неплохо поддавался дрессировке, но указанный его недостаток сводил на нет названные качества. Испанские лошади были знамениты, однако их не решались использовать в битвах, поскольку их грубыми ртами едва можно

править даже при помощи удила с железными шипами. И наоборот, назамоны из Северной Африки правят своими лошадьми легким прутиком. Так от рассказа о лошадях Фракии, Сицилии, Эпира и Македонии поэт, по-видимому, приближается к главной части повествования — родной Италии, правда, тут его книга обрывается, а конец утрачен.

Африканец Немезиан два с половиной века спустя упоминает лошадей Греции; затем он описывает замечательную внешность широкоспинных каппадокийских скакунов, когда они бьют копытом о землю. Представители знаменитой породы, которая обитает за крутыми вершинами Кальпе (т. е. испанской породы), могут скакать большие расстояния по полям и не менее красивы, чем греческие лошади. Кони этой породы храпят, ржут и грызут удила, когда бьют копытами землю. Лучший из всех — мавретанский конь, которого смуглый мазак тренирует в пустыне, чтобы он постоянно выполнял тяжелую работу. Не следует презирать данное животное за то, что оно держит голову низко и его грива покрывает плечи. Это происходит от того, что конь не носит уздечки и им легко управлять слабыми ударами веточки, которая учит его «трогаться с места, поворачиваться и бежать прямо». На обширных пространствах равнин он постепенно обгонит всех своих противников.

Поэт Оппиан в III в. н. э. перечислил в книге об охоте тирренских, сицилийских, критских, макидских, ахейских, каппадокийских, мавретанских, скифских, магнесийских, эпейских, ионийских, армянских, ливийских, фракийских и эрембийских коней. Он дает описание идеальной лошади для охоты, которое очень похоже на описание Ксенофонтom наилучшей боевой лошади и, вероятно, основывается на нем, добавляя: «Таковы тирренские, армянские, ахейские и знаменитые каппадокийские кони, которые пасутся неподалеку от Тавра». Он также замечает, что сицилийские скакуны быстры, парфянские еще быстрее, самые же быстрые из всех иберийские, правда, им недостает выносливости. На длинных дистанциях лучше всех мавретанские лошади в яблоках; после идут похожие на них ливийские из Кирены, которые, однако, крупнее.

Оппиан добавляет удивительную историю о крапчатой породе, называемой оринкс, очевидно, помеченной подобно современной аппалузе, говоря, что пятна произошли от клеймения жеребят раскаленным железом.

Апсирт и Гиерокл, авторы трудов по ветеринарии, которые занимали посты на императорской службе — первый при Константине Великом, последний, возможно, столетие спустя, — приводят сходные списки⁵⁹. Гиерокл просто замечает, что лечение больной лошади не зависит от ее породы, будь она аркадская, киренская, иберийская, каппадокийская или, коли на то пошло, фессалийская или мавретанская, или той породы, которой так гордится персидский царь, нисейской. Апсирт более конкретен: парфянские лошади крупные, красивые и горячие, с удивительно хорошими ногами (что расходится с наблюдением Граттия); мидийские (т. е. нисейские) большего размера; в армянских или каппадокийских течет персидская кровь, но они довольно тяжелы и неповоротливы; испанские — крупны, симметрично сложены, несут высоко свои красивые головы, однако у них нехорошие крупы. Это выносливые дорожные лошади, хотя они плохие бегуны и не способны переносить побуждение, смирные при рождении, но непослушные после того, как их объезжают. Говоря о конях Греции, автор отмечает их размеры, красивые головы, высокую осанку и живость, правда, говорит, что у них плохие крупы. Самые лучшие — это фессалийские лошади; эфирские часто с норовом. Фракийские состоят из всех

возможных недостатков (на Фракию постоянно обрушивались вторжения, и хорошая порода была, несомненно, истреблена). Лошадей Кирены особенно ценят за выносливость. У истрийских и сарматских особые достоинства; у аргивских хорошие ноги, плохие крупы, прекрасные головы и хорошо скрытые под шкурой хребты.

Если эти различные породы расположить географически, то окажется, что лошадей, которые были лучше всего известны римлянам в III—IV в. н. э., можно разделить на следующие группы.

Крупная порода, предками которой среди прочих были большие лошади, изображенные на рельефах Персепополя, пришла с территорий, граничащих на востоке с Персидской империей; сасанидские цари, властвовавшие над теми краями, добились независимости от парфянских правителей в 224 г. н. э., хотя лошади на сасанидских памятниках⁶⁰ не имеют таких ярко выраженных римских носов. В Армении и Каппадокии порода была не такого качества, как в Мидии, хотя Риджвей отмечает, что Страбон хвалил армянские пастбища, которые, по его словам, вскормили нисейских лошадей Великого царя⁶¹. Однако Ксенофонт, писавший на четыре века раньше, еще до того как Персидскую империю поделили между собой македоняне и парфяне, говорит, что армянские лошади хотя и похожи на мидийских, но меньше по размерам и более горячи⁶².

Для лошадей самой Греции, среди которых отмечаются ахейская, эпейская (из Элиды), критская, ионийская (возможно, из Западной Малой Азии), аркадская, эпирская, аргивская и фессалийская породы, характерны красивая голова и гордая осанка, хотя при этом у них плохие крупы и они недостаточно выносливы. Мы можем признать в них потомков классической породы, испорченной веками разведения лошадей для смотров и спринтерских забегов на равнине.

Качества итальянских и сицилийских лошадей описаны не слишком подробно, но, возможно, они не очень отличаются от лошадей Греции.

Испания, по-видимому, дала два различных вида лошадей, каждый из которых может быть прослежен еще в классический период. Писатели эпохи ранней Римской империи рассказывают, как кобылы Лузитании забеременели от Западного ветра и дали потомство, известное своей быстротой, хотя никогда не живущее больше трех лет⁶³. От этой породы произойдут иберийские кони, упоминаемые у Оппиана, которые оставляют позади себя всех остальных лошадей, однако являются недостаточно выносливыми. У верховых дорожных лошадей Апсирта также были предшественники в период поздней Республики и ранней Империи, когда верховые испанские лошади ценились юристами и людьми других профессий⁶⁴. Дикие лошади, как будет видно позже, существовали в Испании даже во II в. н. э.

Лошади Северной Африки, похоже, сохранили больше первобытных качеств, чем европейские. И Оппиан, и Апсирт хвалят их за выносливость. Несмотря на то что иберийские скакуны считались более быстрыми, все же в Риме для скачек особенно охотно приобретались африканские⁶⁵. Крупнейшие из них, киренские, кажется, имели достоинства коней Греции без присущих им недостатков.

О лошадях северных провинций, постоянно опустошаемых варварскими вторжениями, мы слышим очень мало. На границах по нижнему Дунаю и землях, лежащих за ним, водились фракийские лошади — низкорослые, уродливые, с низкими плечами, плоскими ногами, шеями как у овец, плохие ходоки, еще худшие бегуны. И хотя истрийские или сарматские кони, очевидно, были в своем роде полезны, они явно не отвечали классическим стандартам красоты.

Начиная с IV в. н. э. и позже гунны близко познакомили римлян с центральноазиатским пони, происшедшим от лошади Пржевальского. Аммиан Марцеллин говорит, что они выносливы, но безобразны на вид; их всадники едва когда-либо спешиваются и даже нужду справляют, сидя на лошадях боком, как женщины. Вегеций говорит, что у этих лошадей очень искривленные (с римскими носами) головы, глаза навывкате, узкие ноздри, широкий рот, сильная и негибкая шея, свисающая до колен грива, крупные ребра, изогнутая спина, густой хвост, берцовые кости большой величины, небольшие бабки, широкие копыта, худая поясница, все тело костлявое, без жира на задуге или мышц на спине, оно скорее длинное, чем высокое, живот вытянутый, кости огромные. Изрядная худоба этих лошадей многим нравилась, и даже в их уродливости была своя красота. Вегеций добавляет, что они спокойны, восприимчивы и хорошо переносят раны⁶⁶.

С этим типом можно сравнить пони скифов, с которыми греки Северного Причерноморья веками находились в контакте. Но раскопки в Пазырыке показывают, что лучшая разновидность данного животного достигла Центральной Азии уже в IV в. до н. э., хотя большинство коней, найденных там, было породы лошадей Пржевальского⁶⁷ (возможно, скрещенные).

Мы пропустили свидетельства о лошадях Галлии, прежде таких знаменитых. О них, однако, сообщает хирург-ветеринар Теомнест. Он рассказывает, что в феврале 313 г. н. э. ему пришлось сопровождать императора Лициния при переходе через Альпы. Лициний ехал на свою свадьбу и, сгорая от нетерпения, пренебрег дурной погодой. На его отряд внезапно обрушилась снежная буря, во время которой многие воины замерзли насмерть да так и были вывезены своими лошадьми, сидя прямо и сжимая оружие в руках, губы же их были оттопырены. Когда окоченевали и лошади, они оставались стоять на тропинках. Восьмилетняя галльская лошадь самого Теомнеста начала замерзать также, «что очень сильно огорчило меня, поскольку больше ничего не было у человека, кроме красивой и норовистой лошади». Однако они вовремя пробились в город, где благодаря чрезвычайной доброте хозяина, принесшего ему много дров и всего, в чем он нуждался, Теомнест смог спасти жизнь животного⁶⁸. Кони Галлии, кажется, были легкой породы, сходные с теми (и, возможно, ими представленные), что обнаружены теперь в Камарге (хотя нельзя сбрасывать со счетов и вероятность того, что в результате вторжений сарацинов местные скакуны могли скреститься с лошадьми североафриканских и арабских пород). Профессор Эварт изучил останки трех различных типов лошадей, найденных в Ньюстедде неподалеку от Мелроуза — римского форта, в котором во II в. н. э. располагалась галльская кавалерия. Это «кони, достигавшие 14 ладоней в высоту, с такими же красивыми головами и конечностями, как у современных арабских лошадей», «чистокровные пони не более 13 ладоней в холке» и «пони с широкими лбами и крупными костями лесного типа или типа *robustus*»*. Последние, служившие, возможно, в качестве грузовых животных, «вероятно, происходили из Германии и относились к тем

“плохим и уродливым” местным германским породам, о которых рассказывал Цезарь». Не исключено, что при изучении этих лошадей Эварт находился под сильным влиянием теории Риждвеля о ливийском происхождении легкой лошади. Тем не менее он замечает, что «зубы и кости конечностей из плейстоценовых отложений во Франции и Англии указывают на существование породы с красивой головой, высотой от 12 до 13 ладоней, с конечностями стройными, как у лошадей арабских пустынь...», и они могут, по-моему, быть предками коней классической Галлии. Будучи легкой породой, они перестали представлять интерес, когда кавалерийское вооружение стало заметно тяжелее, что могло послужить причиной их не упоминания в списках лошадей позднеантичных авторов — специалистов по ветеринарии.

Самое раннее из дошедших до нас описаний арабских скакунов принадлежит Тимофею из Газы (предположительно VI в. н. э.), автору труда о четвероногих животных у индусов, арабов, египтян и ливийцев⁶⁹. Он говорит, что арабские лошади, «живущие вблизи гор индийской земли», хорошего размера, обычно рыже-гнедой окраски, высоко держат шеи, у их морд правильные пропорции; головы они держат близко к лицам седоков, высокомерные и норовистые, необычайно гордые, очень умные, быстрые, с гибкими конечностями, скачущие во весь опор, скорее прыгающие, а не бегущие галопом. У них небольшие бока и худощавые туловища, спины «пустые» (т. е. спина, покрытая плотью, а мышцы на каждой стороне гребня спины так хорошо развиты, что позвоночник кажется как будто притопленным между ними; на такой лошади, конечно, сидеть гораздо удобнее, чем на той, у которой выступают позвонки; в античности такая «двойная спина» необычайно ценилась: «*At duplex agitur per limbos spina*», — говорит Вергилий об идеальной лошади⁷⁰). Арабская лошадь неумоима в знойную погоду, ее шкура красива, пища проста, осанка благородна. Она без труда преодолевает препятствия.

Тимофей описывает также и других лошадей, но гораздо короче⁷¹. Его рассказ в целом согласуется с рассказами более ранних авторов. Армянские лошади значительных размеров, живые, с широкими спинами, хребет утопает в плоти, профиль морды иногда искривленный (т. е. с римским носом), иногда как у быка. Каппадокийская порода, похоже, является гибридом между армянской и фригийской, а также и далматская — редкая порода, но превосходного качества, красивая и сочетающая послушание и храбрость. Лидийские лошади большие и красивые, с длинными головами и широкими спинами, с добрыми глазами и темными радужными оболочками глаз, у них красивые шкуры и густые хвосты, однако они непослушны и драчливы; трудно переносят плохую погоду; у них отличные рты (? дословно «их челюсти мягки»); они превосходны и в тяжелой кавалерии, и как тягловые животные (в V и IV вв. до н. э. западная Малая Азия давала хороших коней более массивного сложения, чем кони классической Греции; об этом свидетельствуют колесничная лошадь Мавсола и более ранний рельеф из Ксанфа). Мидийские скакуны — средних размеров, у них маленькие уши, а головы непохожи на лошадиные, они храбры, но в жару им трудно дышать и они быстро устают. Для коней нисейской породы, как отмечает Тимофей, характерны огромный рост и ноги, которые буквально сотрясают землю.

Продолжая рассказ о лошадях Европы, Тимофей говорит, что фессалийских скакунов отличают значительные размеры, но они худы, к тому же на их спинах заметно проступают позвонки, за исключением одной породы, называемой кентаврами, чей хребет достаточно скрыт под шкурой, чтобы обеспечить относительно удобную посадку. Луканские лошади из Италии жалки, с маленьким телом, уродливы по окрасу,

низкорослы, однако отлично работают в упряжке. Сицилийские кони во многом на них похожи. Одрисские несколько лучше фракийских, они крупных размеров, однако тяжело приручаются; галльские — хорошие работники, горячего норова; иберийские — небольшие, легкие и, очевидно, произошли от диких лошадей, они хорошие бегуны, но бесполезны как ходоки.

Крупнее всех этих лошадей превосходные сарматские скакуны с севера. У лошадей Гиркании глаза навывкате, они пугливы, но ждут седока, если тот упал. Это хорошие боевые кони, и вскормлены они на сене, а не на зерне.

Говоря о лошадях Африки, Тимофей упоминает ливийскую породу, представители которой невелики и уродливы на первый взгляд, но это неплохие бегуны. На них садятся без узды, и поэтому они высоко несут головы. Мавретанские лошади без дрожи встречают копы и звук трубы, очень быстры и так послушны, что ими можно править просто прутиком; хорошо переносят голод и жажду. Баркейские (киренские) примечательны длиной своих боков.

Какая-то часть данных Тимофея, возможно, является анахронизмом и взята из других книг, однако следующие факты кажутся довольно точными.

Накануне исламских вторжений арабы вывели превосходную породу легких лошадей, предков современных арабских скакунов, намного превосходящую по качествам все прочие. Эту породу вывели в Аравии в течение предшествующих семи или восьми столетий, до которых лошадь была там неизвестна.

В то же время легкие породы классической Европы дегенерировали, и их представители выглядели теперь довольно вульгарно. В суровых условиях Северной Африки более сильная порода выжила. Большинство западных провинций подверглось вторжениям варваров, в результате чего местные лошади испытали на себе сильное влияние центральноазиатских пород. Но лучшие времена тяжелой кавалерии, предшественницы средневековых рыцарей и современницы Круглого стола короля Артура, пока не пришли.

В восточных провинциях и в Персидской империи все еще продолжали разводить хороших тяжелых лошадей для кавалерии. Однако катафрактам не хватало мобильности, которой обладала арабская легкая конница, и, начав с нею сражение, они не могли сойтись врукопашную и разбить ее. Гиббон отмечает, что при дележе добычи после битвы при Ярмуке «равная доля полагалась воину и его коню, а благородным скакунам арабской породы полагалась двойная»⁷².

Указание Тимофея на то, что дикие лошади сохранились в Испании до сравнительно позднего периода, судя по более ранним свидетельствам, представляется достоверным, хотя и нет полной уверенности в том, что эти животные были действительно дикими и не являлись потомками лошадей, убежавших от хозяев. Надпись II в. н. э. сообщает, что Туллий Максим, префект легиона, расквартированного в Испании, охотился на диких коней и сам садился на лошадь иберийской породы. Страбон также отмечает, что это

дикие кони, и четко различает кельтиберских и иберийских скакунов. Удивляет его утверждение, основанное на свидетельстве Посейдония, что иберийские кони похожи на парфянских. Однако отрывок из Вегеция (ок. 400 г. н. э.) позволяет предположить, что это сходство, возможно, заключалось в их манере двигаться: «Как считается, благодаря парфянам появилось следующее нововведение. У них есть обычай приучать лошадей к плавной поступи, доставляющей удовольствие всадникам. Они не отягощают ноги коней тяжелыми поножами, чтобы научить их усиленным движениям, но тренируют специальных лошадей, обычно именуемых *trepidarii*, а по-военному *tottonarii*, резвости и плавности в движениях, так что они были похожи на испанских верховых лошадей (*asturcones*). На сухой ровной поверхности между рядами заполненных туров размечается скаковой круг, пятьдесят шагов в длину и пять шагов в ширину, наподобие стадиона. Его делают еще более неудобным при помощи борозд, которые служат препятствиями при состязаниях лошадей на скорость. В таком месте лошадь часто тренируют. Сначала она не может не задевать борозд ногами, как передними, так и задними, и иногда падает или спотыкается так сильно, что кажется, будто она упала. Позже, наученная тяжким опытом, она поднимает ноги выше и плавно несет своего седока, сгибая суставы в коленях и щетках. Кроме того, она учится делать очень короткие шаги, чтобы ставить ноги между бороздами, ибо если она попытается перескочить через них, то ударится о гребни земли между ними. При очень коротких шагах лошадь несет седока более удобно для него и при этом являет собой прекрасное зрелище».

Из этого отрывка становится ясно, что испанские и парфянские верховые лошади бежали не иноходью (передвигая одновременно обе ноги с одной и той же стороны), как это часто предполагается, а очень быстрой рысью при коротком шаге, что все еще можно увидеть у лошадей азиатской Турции. Всадник ощущает при этом удивительную плавность — правда, я не знаю, как этому учат турецких лошадей. Вегеций не раз отмечает, что у персов самые лучшие седельные лошади (очевидно, имея в виду этих рысаков), хотя для войны наиболее подходящими являются сильные и выносливые лошади гуннов, а после них — лошади бургундов и других германских племен⁷³.

Элиан и Арриан, жившие в правление Адриана, подтверждают это свидетельство. Элиан указывает, что выше других Ксенофонт ставил коней Эпидавра, но сам с наибольшей симпатией отзывается о замечательных ливийских кобылах, быстрейших из всех лошадей, которым едва ли знакома усталость. Будучи сами легкого сложения, они подходят для легких всадников. Когда эти кони уставали, то их хозяева не ухаживали за ними и не чистили, не приводили в порядок их копыта, не расчесывали и не заплетали им гривы, не мыли их, а просто спешивались и отпускали попастись⁷⁴. Арриан отмечает, что Ксенофонт не знал о кельтских скаковых лошадях или лошадях Скифии и Ливии. Он описывает охоту на оленей на скифских и иллирийских конях, к которым во время соревнований на короткие дистанции с лошадьми из Сицилии, Фессалии или Пелопоннеса можно относиться с небрежением. Однако даже после того, как крупные, быстрые, яркие скакуны вымотаются, скифские и иллирийские еще долго продолжают бежать, пока добыча не будет настигнута и пока охотник не застрелит или не заарканит ее к своему удовольствию. Кроме того, Ксенофонт говорил, что даже у Кира, сына царя Персии, не было лошадей, которые могли бы догнать диких ослов. Однако ливийцы охотились на диких ослов на своих конях, отличавшихся необычайной понятливостью. Восьмилетние мальчики скакали на них без седла, правя ими с помощью прутика, в то время как грекам требовались для этого удила и уздечки⁷⁵.

У императора Адриана, друга и повелителя Арриана, был любимый конь для охоты по имени Борисфен. В дошедшей до нашего времени надписи на могильной плите, под которой похоронен скакун, говорится о храбрости, которую он выказывал, когда ему приходилось встречаться с паннонскими вепрями. И само его имя*, и то, что его называют аланским, предполагает, что это был конь скифской породы, из тех областей к северу от Черного моря, где аланы и другие кочевые племена постоянно нападали на границы империи⁷⁶. Сам Арриан, будучи наместником Каппадокии, в 134 г. н. э. отражал нападение орды аланов, которая прорвалась через Кавказ в Малую Азию. И диспозиция одной из битв этой кампании, и его рассказ о приморских районах Черного моря дошли до наших дней.

Следует отметить, что на римских памятниках мы обычно видим лошадей более грубого и тяжелого сложения, чем афинские кони на изображениях VI и V вв. до н. э. Небольших скифских и ливийских лошадок ценили как охотников, а не боевых скакунов.

Свидетельства о большом размере греческих лошадей на первый взгляд кажутся удивительными, но они подтверждаются описанием лошади Сея, приведенным выше. Последняя относилась к аргивской породе, родоначальниками которой считались мифические фракийские кобылицы, похищенные Гераклом. Это животное, по рассказам, отличалось необычными размерами, высокой постановкой головы, рыже-гнедого окраса, с роскошной струящейся роскошной гривой — словом, средоточие всевозможных достоинств. Она вошла в поговорку, если речь идет о невезучих владельцах какого-либо скакуна — последним ее хозяином был Марк Антоний. В конце концов, размер — вещь относительная, и для древних греческие лошади в сравнении с другими породами этого времени, возможно, казались большими, а для нас — маленькими. Знаменитые нисейские кони выглядели бы карликами по сравнению с нашими скакунами клайдсдейльской породы.

Даже в IV в. до н. э. недостаток выносливости был проблемой. Поэтому Ксенофонт рекомендовал, чтобы всадники, демонстрировавшие своих лошадей перед афинским Советом 500, проезжали бы вдвое больше, а кто не мог — признавались бы негодными⁷⁷. И для доставки посланий на большие расстояния специально обученных бегунов предпочитали всадникам на лошадях.

В последнее время история необычайно выносливых и послушных лошадей Северной Африки была прослежена по грубым изображениям, нацарапанным на скалах Сахары. Эти свидетельства были недавно собраны и проанализированы Лотом⁷⁸, отчету которого я следую. Относительная датировка этих рисунков может быть установлена лишь на основании особенностей стиля. Точную хронологию установить гораздо труднее, поскольку стиль изображений (независимо от того, нарисованы они на скале или нацарапаны) груб, и их редко можно напрямую связать с поддающимися датировке объектами. Но Лот отмечает, что самые ранние рисунки, на которых мы видим легкие двухколесные колесницы, запряженные двумя лошадьми с каждой стороны одного дышла, иногда с третьей пристяжной лошадью, бегущей впереди них, имеют параллели в искусстве микенской Греции. В частности, сходен условный метод изображения галопа: лошади показаны в «летающем галопе», где все четыре ноги вытянуты, в то время как в Египте и позднее на Среднем Востоке и в архаической Греции коней обычно изображали становящимися на дыбы⁷⁹. Спиральные рисунки, ассоциируемые с колесницами,

напоминают схожие спиральные рисунки из шахтных гробниц. Это свидетельство дает основания связать описанные колесницы с наступлением «народов моря» и ливийцев на Египет в конце XIII в. до н. э. Несомненно, стиль этих рисунков довольно груб и детали, которые позволили бы связать «народы моря» с Микенской Грецией, по-видимому, просто не отображены на них. Речь идет об идентификации акайваша, народа, упоминаемого в египетских надписях, с ахейцами — отождествление, против которого, как указывал профессор Пейдж, имеются серьезные возражения⁸⁰. Впрочем, были они ахейцами или нет, но «народы моря», по крайней мере, находились в контакте с Эгеидой. И есть дополнительные свидетельства (правда, не очень надежные), что лошадь появилась в Ливии в позднем Бронзовом веке. Когда фараон Сахура из пятой египетской династии (ок. 2475 до н. э., т. е. задолго до того, как лошадь стала известна в самом Египте) напал на Ливию, то в качестве добычи его воины захватили огромное количество голов скота — ослов, козлов и овец. Однако Рамсес III приблизительно в 1175 г. до н. э. возвращался из похода в те края с лошадьми — наряду с другими животными, упомянутыми его предшественником⁸¹.

Во второй группе рисунков из Сахары есть изображения нескольких замечательных колесниц, запряженных четверкой лошадей. У них очень широкие корпуса, к которым присоединены два дышла, у каждого на конце ярмо для пары лошадей. Такие колесницы, возможно, двигались быстрее, чем те, которые тянула одна пара, но им было труднее поворачивать, и для них требовались широкие дороги. Поэтому их изображения встречаются только в тех районах Сахары, где есть большие ровные песчаные пространства⁸².

В Греции, где равнины невелики, возвышенности неровные, а дороги обычно так узки, что пехота шла только колонной по двое, они не обнаружены⁸³. Греческие колесницы, запряженные четверкой лошадей, обычно имели одно дышло, с ярмом на конце для средней пары лошадей. Кони, скакавшие по краям упряжки, присоединялись только постромками и, видимо, прибавляли мало скорости, но, возможно, были полезны, если требовалось совершить резкий поворот. Ярмо, достаточно длинное для всех четырех лошадей, прикреплявшееся к одному дышлу посередине, стало применяться позднее, самое раннее в IV в. до н. э.⁸⁴ Не исключено, что повозки с двумя и более дышлами существовали в Азии. По крайней мере, Ксенофонт в «Киропедии» описывает персидские серпоносные колесницы. Каждая из них имела четыре дышла, четыре ярма и перевозилась восемью лошадьми, а также имела башни, которые везли быки, каждая с восемью дышлами и ярмами и шестнадцатью тягловыми животными⁸⁵. Это выдумка, а не реальность. Однако есть сведения, что когда Александр Великий умер в Вавилоне, то его тело перевозили в Александрию на огромной погребальной колеснице, снабженной четырьмя дышлами, к каждому из которых были прикреплены четыре ярма, каждое с четырьмя мулами, итого — шестьдесят четыре мула⁸⁶. В связи с двудышловыми квадригами из Сахары, хотя они и запрягались иначе, вспоминается рассказ Геродота о том, что греки научились запрягать четверку лошадей в колесницу у ливийцев, и его сообщение о гарамантах, которые преследовали «пещерных эфиопов» (кто бы они ни были) на колесницах, запряженных четверкой лошадей⁸⁷. С гарамантами Лот ассоциирует современных туарегов⁸⁸. Опубликованный им материал об их украшенной кисточками одежде из козьих шкур определенно подтверждает точку зрения Геродота, что именно от ливийских женщин греки научились изображать эгиду Афины. По мнению Лота, именно гараманты-туареги провели лошадь через Сахару, отправившись из Киренаики и проникая все дальше к юго-западу, туда, где ландшафт позволял двигаться колесницам. Важно отметить, что в Ливии, как и везде, колесница повсюду

предшествовала верховой лошади — это подтверждается наскальными рисунками. Когда именно перешли от езды на колесницах к верховой, точно установить невозможно, это был постепенный процесс. Боевые колесницы все еще использовались в Африке в 308 г. до н. э., когда сиракузский тиран Агафокл высадился там и осадил Карфаген⁸⁹, но во время Пунических войн в следующем веке римлян приводило в замешательство мастерство нумидийской конницы. Ливии описал, как жалко выглядели нумидийцы, когда впервые появились на поле боя: маленький рост и худоба людей и животных, из оружия — только дротики; лошади скачут нестройным и неуклюжим галопом, без уздечек, вытянув шею; всадники умышленно вызывали у неприятелей насмешки, нарочно сваливаясь с коней. Однако когда римляне узнали своих противников поближе, то научились уважать их⁹⁰.

Лот полагает⁹¹, что от этих замечательных животных в основном и произошли современные берберские кони. На сегодняшний день из лошадей Северной Африки они наиболее распространены. Все чистокровные арабские скакуны, изолированные группы которых зафиксированы в Мавретании, относятся к известной и установленной породе. На юго-востоке Сахары найдена донгольская лошадь, завезенная арабскими завоевателями из Верхнего Египта в XIII в. н. э.

Любопытно, что верблюд, который, как мы уже видели, был одомашнен в Аравии задолго до лошади, поздно появился в Северной Африке. Страбон полагал, что верблюдов завез в Египет Птолемей II Филадельф (285—246 гг. до н. э.). Однако верблюжьи караваны, подобные тому, что привез в Египет Иосифа, вероятно, достигали отдаленных областей долины Нила и в куда более ранние времена.

К 46 г. до н. э., когда Юлий Цезарь захватил несколько верблюдов нумидийского царя Юбы, о них, по-видимому, уже знали в большей части Северной Африки, хотя, возможно, они были там и немногочисленны⁹².

Североафриканские лошади, согласно описаниям, сделанным в начале новой эры и позже, выглядели меньше и некрасивее греческих. Поэтому очень маловероятно, что греческие лошади своему размеру и внешнему виду были обязаны скрещиванию с породами из Северной Африки в VIII или VII вв. до н. э. Более того, мы видели, что египетские лошади в Бронзовом веке были того же самого типа, что и азиатские лошади, и не относились к какой-либо лучшей породе. Поэтому совершенно не обязательно, что они берут начало от неазиатской породы. Нет необходимости и в гипотезе о существовании в предшествующие века коней в Ливии, чтобы объяснить происхождение египетских лошадей⁹³. Были ли сами ливийские лошади вывезены из Египта или же их завезли «народы моря» — это вопрос, на который пока нет точного ответа. Но можно считать установленным, что греческие, хеттские, египетские, ливийские и позднее арабские кони точно так же произошли от общей или родственной породы, завезенной во II тыс. до н. э. во время индоевропейских вторжений. Это объясняет их сходство. Позднейшие же различия отчасти вызваны местными условиями или специальным разведением в рамках различных видов в течение более тысячи лет, а отчасти, как мы уже видели, скрещиванием с центральноазиатскими породами, что привело к возникновению разновидности животного, отличающейся массивностью сложения.

Сомнительно, что крылатый Пегас, на котором Беллерофонт выступил против Химеры, произошел из Ливии и являлся представителем божественной породы верховой лошади. Но Химера и Беллерофонт также связаны с малоазиатской мифологией, и крылатая лошадь, подобно другим гибридным животным, была известна на Востоке задолго до того, как греческие художники позаимствовали этот образ в начале VII в. до н. э.⁹⁴ Хотя родиной матери Пегаса, Медузы, к V в. до н. э. считали Африку, Гесиод, самый древний автор, писавший на эту тему и, возможно, использовавший азиатские источники, говорит о далекой земле за истоками Океана (т. е., возможно, за пределами мира людей, на дальнем Западе)⁹⁵. Пегас, сын Посейдона и Медузы Горгоны, состоял в близком родстве с другим божественным конем, Арионом, рожденным от Посейдона и богини плодородия Деметры на беотийских равнинах или среди гор Аркадии, иначе говоря, в Греции⁹⁶. Мифы о Посейдоне и происхождении от него божественных лошадей, возможно, принадлежат к слою наиболее примитивных греческих верований⁹⁷.

Кроме того, цари греческого города Кирены, основанного в 632 г. до н. э. поселенцами с острова Фера, побеждали в конных состязаниях в течение V в. до н. э. и были прославлены поэтом Пиндаром в его одах. Пиндар процитировал (или придумал) пророчество, что колонисты, «на быстрых коней променяв короткоперых дельфинов, вместо весел будут здесь править уздой и колесницами быстрее бурь»⁹⁸. Однако другие богатые и могущественные греки также достигали славных успехов. Кирена оказалась превосходным местом для разведения лошадей, но это не доказывает существования лучшей местной породы лошадей. Как хорошо кем-то сказано, победа Фар Лапа во время соревнований на кубок Мельбурна доказывает, что чистокровная порода ведет свое происхождение из Новой Зеландии. Более того, мы уже отмечали свидетельство писателей римского периода, что в то время лошади Кирены были крупнее, чем представители других североафриканских пород. Поскольку последние не улучшали пород легких лошадей Европы, вполне возможно, что цари Кирены ввозили в свои владения европейских лошадей.

Все это, однако, не означает, что греки не ценили чужеземных лошадей. Одно интересное свидетельство из первоисточника, относящееся к VII в. до н. э., пришло к нам, как ни удивительно, из Спарты. Поэт Алкман (говорили, что он был лидийским рабом, писавшим для своих спартанских господ) шутливо сравнивает молодых девушек, исполняющих ритуальные танцы, с венетскими, колаксайскими и ибенскими лошадьми (использованное им слово определенно означает верховую лошадь)⁹⁹. К сожалению, у этих наименований довольно неопределенные значения, и неясно, имеются ли в виду лошади (очевидно, что все они были превосходными животными, хотя этот отрывок предполагает, что колаксайские кони не так хороши, как другие), водившиеся к северу от Адриатического моря, куда начала проникать греческая торговля, или же из родной для поэта Малой Азии. Не исключено, что под колаксайской породой подразумевается скифская, грубый, но сильный и выносливый пони кочевников, которые вторглись в Западную Азию, дав цивилизованному миру возможность оценить качества их лошадей. Как уже было сказано, эти животные, произошедшие от лошади Пржевальского из центральноазиатских степей, положили начало породе тяжелых персидских лошадей.

Ибенская лошадь, возможно, является кельтской или даже греко-ионийской, в то время как венетская напоминает энегов Гомера с южного побережья Черного моря, где рождались «дикие полуослы» (т. е. онагры). Однако венеты верхней Адриатики, где их название сохранилось в названии современной Венеции, определенно пользовались

славой коневодов с V в. до н. э. и позже. Именно для спартанца венетские лошади одержали свою победу на Олимпийских играх (хотя это произошло не раньше 440 г. до н. э.), и в следующем веке сицилийский тиран Дионисий использовал их для выведения породы скакунов. Их, похоже, запрягали в колесницы, а не скакали на них верхом, и, возможно, они были родственниками быстрым пони сигиннов, чья территория, согласно Геродоту, граничила с территориями адриатических венетов. Древние скачки на колесницах включали в себя повторяющиеся повороты на 180° после относительно коротких прямых участков галопом, и проворные пони могли это делать лучше, чем крупные лошади, едва ли способные на такой трюк.

О происхождении венетской породы рассказывали любопытную историю. Как-то одному человеку, который был известен своей готовностью давать поручительство, встретились несколько охотников, ведших в сетях живого льва, и он в шутку согласился дать за него залог и заплатить за весь тот вред, что он причинил. За это благодарное животное согнало большой табун неклеименых лошадей и привело их к своему благодетелю. Тот заклеймил их изображением волка, отчего они и получили название *lycophori*, или волконосцы. Его наследники сохранили эту породу, которая отличалась скорее быстротой, чем внешностью, и решили никогда не допускать, чтобы хотя бы одна из кобыл ушла из их рук, так что только они одни могли обладать этой чистокровной породой. Однако к началу новой эры лошади едва ли еще разводились в той стране¹⁰⁰.

Эти *lycophori* иногда ассоциируются с *lycospad.es*, или лошадьми, «разорванными волками». Последние были низкорослыми, с небольшими и дискообразными мордами. Говорили, что они испытывают особую симпатию к грекам, в обществе которых они радуются как днем, так и ночью, и Элиан, который дает самое полное их описание, определенно не связывает их с венетами. Когда приближался варвар, они храпели и убегали, словно от дикого зверя. «Разорванный волками», по-видимому, первоначально было эпитетом, применявшимся без какого-либо точного значения вообще ко всем норовистым лошадям. Каллимах (III в. до н. э.) использует его для фессалийской лошади. Четыре века спустя Плутарх дал два довольно сомнительных объяснения. Некоторые говорят, что упрямый дух таких лошадей следовало укрощать «волками» на удилах (эти «волки», вероятно, представляли собой острые шипы, которые Ксенофонт называет «ежами»; слово, которым их называет Плутарх, — латинизм, не встречающийся у более ранних греческих авторов). Однако отец Плутарха отмечал, что молодые лошади, подвергшиеся нападению волков и сумевшие спастись, в большинстве случаев становились хорошими лошадьми. По этому поводу сам писатель резонно замечает, что «и Одиссей не стал разумным, спасшись бегством от Киклопа, но потому и спасся, что был разумным»¹⁰¹.

Я ничего не сказал о различиях между разными породами самой Греции, поскольку не считаю, что какие-либо свидетельства источников позволяют нам провести их. Античная система разведения коней, как было описано выше, когда кобылы свободно паслись на лугах, не обеспечивала научной точности, к которой стремятся в настоящее время. Римские авторы — специалисты по сельскому хозяйству со всей серьезностью продолжали пересказывать легенду о кобылах, забеременевших от ветров, хотя нельзя не признать, что они говорили об этом как о необычном событии, которое происходит лишь в далеких краях, таких как Крит и Лузитания. Случайное спаривание между породистыми и бродячими скакунами было, несомненно, обычным делом, поскольку большинство рабочих лошадей были жеребцами, а холощение, о котором Ксенофонт знал и которое

одобрял¹⁰², редко применялось в древности, возможно, из-за опасения занести инфекцию. Это помогает объяснить разницу между древней и современной традицией: мы говорим, что лошадь относится к определенной породе, например клайдсдейльской, даже если она из Ланкашира или Отаго. Однако, как мне кажется, для древнего писателя фессалийской была только та лошадь, которую вырастили в Фессалии. Хотя табуны породистых кобыл в целом, несомненно, продолжали пастись в течение поколений на одних и тех же пастбищах, возможность случайного скрещивания с другими породами была очень велика. И во время войны породистые кобылы были желанным трофеем¹⁰³, при смешении с табунами неприятельских армий в их жилы вливалась новая кровь. При отсутствии точных сведений результаты даже целенаправленного спаривания животных вряд ли можно было проследить в течение более чем нескольких поколений. Кроме того, мы уже видели, что развитие тяжелой кавалерии отрицательно сказалось на породе легких лошадей и что из-за стремления к скорости на коротких дистанциях и красивому внешнему виду скакунов к началу новой эры греки испортили породу своих коней.

Впрочем, не вызывает сомнений следующее: они сделали все, что могли, в соответствии с собственными взглядами. Феогнид, представитель древнего рода, отмечал:

Кирн! Выбираем себе лошадей мы, ослов и баранов

Доброй породы, следим, чтобы давали приплод

Лучшие пары. А замуж ничуть не колеблется лучший

Низкую женщину брать — только б с деньгами была!¹⁰⁴

Глава III

ПОВОДЬЯ И ПЕРВЫЕ УДИЛА

Лошадьми, как и другими животными, можно править по-разному. В предыдущей главе мы не раз упоминали сообщения о лошадях древней Ливии, где всадники скакали без седел, правили лошадьми при помощи либо прутьев, либо обычных веревок, проходящих вокруг шеи. Лефевр де Ноэтт отмечает, что второй из этих способов ради

забавы вновь стали использовать молодые французские кавалерийские офицеры в 1885 г.¹⁰⁵ Это помогло ему спустя несколько лет правильно интерпретировать изображения нумидийцев на колонне Траяна. Использование палочек для управления невзнузданными лошадьми подтверждается наскальными рисунками в Сахаре и монетами нумидийского царя Сифакса (204 г. до н. э.)¹⁰⁶. Однако ни один из этих способов не использовался в Греции, так что нет необходимости говорить о них в дальнейшем.

Большинство народов обычно управляют лошадьми, оказывая давление или на наружную часть носа, или на наиболее чувствительные внутренние части рта, или же сочетая оба этих способа. Для давления извне могут применяться поводья или нахрапник уздечки, т. е. веревочный или кожаный ремень, проходящий вокруг носа лошади. Они наиболее эффективны, когда подогнаны довольно низко, чтобы касаться мягких и хрящевых ноздрей, но в данном случае это, очевидно, будет мешать дыханию лошади, что нежелательно, если она должна бежать быстро и долго. Если нахрапник пригнан выше, то он будет давить только на костные части головы, и его воздействие окажется гораздо менее ощутимым, так что с его помощью можно скорее наметать лошади на свои намерения, чем управлять ею.

Удила, воздействующие на внутреннюю часть рта, являются более эффективным средством контроля, когда лошадь верховая или находится в упряжке, но они, очевидно, не подходят, чтобы водить лошадь вокруг загона или привязывать ее в стойле, поскольку это помешает принимать пищу. Более того, как указывает Ксенофонт¹⁰⁷, не рекомендуется вести лошадь за удила, поскольку это может повредить ей рот — на одну сторону оказывается более сильное давление, чем на другую. Повод («ослиный повод») для привязывания лошади в стойле уже отличался от уздечки и металлических удил, которыми она привязывалась митаннийцем Киккули в XIV в. до н. э.¹⁰⁸ Такие поводья часто изображались на греческих вазах архаического и классического периодов и использовались для того, чтобы привязывать лошадь к стойлу, а также чтобы вести вьючных животных и обозных мулов или ослов, везущих пожилых и малоподвижных седоков — например Гефеста, хромого бога-кузнеца, чье возвращение на Олимп в сопровождении дионисийской свиты было излюбленным сюжетом греческих художников.

налобный ремень

суголовный ремень

нахрапник

суголовный ремень

псалий

кольца для крепления поводьев

подбородный ремень

псалий

грызло

боковая дужка псалия

отверстия (для крепления суголовного ремня уздечки)

боковая дужка псалия

детали грызла

Наименования частей уздечки и повода

Возможно, из-за этой связи с богом вина *rhyta* (рога для питья), сделанные в виде голов мулов или лошадей, изображены с поводьями, а не с удилами или уздечками.

Простейший тип поводьев состоит из нахрапника, разделенного на переднюю и заднюю половины, которые удерживались с помощью третьего ремня, протянутого вокруг головы лошади за ушами. Соединялись эти ремни (на каждой стороне головы лошади) обычно с помощью двух больших колец — по-видимому, металлических. Единственный чумбур прикреплялся к задней части нахрапника, под подбородком. Наиболее искусно выполненные образцы имеют налобный и подбородный ремни или два ремня, пересекающихся под подбородком вместо одного ремешка.

Различия между поводом, удилами и уздечкой отчетливо видны на вазе, расписанной ок. 540 г. до н. э. афинским художником Неархом и найденной в виде фрагментов на афинском акрополе¹⁰⁹. Ахилл запрягает квадригу, две упряжные лошади уже стоят на своих местах с удилами во рту; Ахилл подгоняет удила левой пристяжной лошади. Правую пристяжную только что привели. У нее повод упоминавшегося выше простого типа, с единственным чумбуром, прикрепленным под подбородком. Когда животное встанет на свое место, то его поводья заменят удилами и уздечкой, которые вместе с хомутом будут висеть на конце ярма, готовые к применению. В большинстве подобных сцен на аттических вазах конца VI в. до н. э. мы видим пристяжных лошадей в намордниках и с поводом. Ксенофонт рекомендует использовать повод всякий раз, когда

коня ведут без уздечки¹¹⁰. Те поводья, которые донесла до нас вазовая живопись, были, возможно, сделаны из кожаных ремней или сплетены. Сохранившиеся же металлические экземпляры изготовлены позднее. «Намордник-страж с шипами со всех сторон» упомянут в посвящении упряжи победившей беговой лошади Посейдону Истмийскому, датированном временем ок. I в. до н. э.¹¹¹

Стоит отметить, что у лошадей на большой афинской «конеголовой» амфоре первой половины VI в. до н. э.¹¹² есть поводья (Илл. 14 Б). Поэтому, как я полагаю, подразумевается, что эти лошади находятся в стойле или загоне.

Поводья простого типа конюх мог надевать или снимать, не расстегивая ремней; ни одно из известных мне изображений не позволяет сделать вывод, что ремни могли расстегиваться. Современная пряжка с язычком была неизвестна. К этому обстоятельству нам еще придется вернуться, когда речь пойдет об уздечке. Веревка, с помощью которой следует привязывать или вести лошадь, обычно изображается прикрепленной к ремню, проходящему под подбородком. Ксенофонт подчеркивает, что не следует прикреплять ее к тому ремню, который проходит по макушке головы лошади. Ведь если наверху возле ушей лошади будет узел, то она натрет себе язвы, когда будет чесаться об ясли, и в итоге станет непослушной при взнуздывании и чистке¹¹³.

Phorbeia, древний термин для обозначения поводьев, связан со словом phorbe, т. е. фураж; следовательно, я полагаю, это то, с помощью чего во время приема пищи привязывали лошадь. Как и наше слово «поводья», слово phorbeia, похоже, применялось как для обозначения кожаного недоуздки, так и для привязывающей веревки. Так, Аристотель говорит, что у македонян прежде существовал закон, по которому человек, который не убил ни одного врага, должен подпоясываться phorbeia¹¹⁴. Однако это слово также используется и для обозначения кожаного ремешка вокруг головы, с помощью которого флейтист поддерживал свой инструмент¹¹⁵. Страбон говорит, что колесницы индийской армии на марше перевозятся быками, а лошадей свободно ведут в phorbeia¹¹⁶. Таким образом, можно предположить, что это не просто веревка.

Когда животных вели, то для лучшего контроля над ними иногда к поводьям добавлялось грызло, состоявшее, возможно, из цепочки, протянутой между двумя кольцами¹¹⁷. Действие этого грызла целиком зависело от того, как функционировал нахрапник, что отличало его от действия обычных удили. Необходимо отметить тот факт, что если рот животного открыт, его зубы обнажены, а уши повернуты назад, то это еще не доказывает наличия грызла (промежуток между кольцами поводьев и углами рта позволяет сделать однозначный вывод).

По-видимому, иногда у верховых лошадей уздечками были недоуздки, так что всаднику при спешивании не требовались поводья, чтобы вести лошадь или привязать ее¹¹⁸. Использование кожаных ремней, прикреплявшихся под подбородком (а также к поводьям или к металлическому кавес-сону такого типа, который будет описан позже, или к подбородному ремню уздечки), показано на нескольких греческих вазах и, судя по всему, пришло из Ассирии. Однако с одними поводьями в древней Греции ездили верхом столь же редко (по крайней мере, после VII в. до н. э.), как и сейчас.

На большой чаше для питья, изготовленной в Коринфе в начале VII в. до н. э., мы видим обнаженных мальчиков, сидящих боком, как пахари, на своих неуклюжих лошадях с покачивающимися спинами. Всадники сидят по правую сторону, держа в левой руке палочки, а в правой — веревки, которые привязаны к простым поводьям. Лошади, очевидно, идут шагом. Однако Кастор и Поллукс, изображенные на другой коринфской вазе, сделанной несколько раньше, по-видимому, должны спешить и потому мчатся галопом за Тесеем, который увозит их сестру Елену. Но до сих пор у одной из их лошадей есть только повод и чумбур¹¹⁹.

На кувшине для воды из Цере в Италии, изготовленном предположительно ок. 530 г. до н. э., всадник, скачущий галопом за оленем, размахивает дротиком. Под ним нет седла, и он правит лошадью с помощью обычных поводьев. Правда, на других вазах той же самой группы изображены лошади с похожими поводьями, которые держат спешившиеся мальчики или женщины. Вполне допуская, что на лошади можно ездить с поводьями, мы тем не менее в состоянии задаться вопросом: а не были ли для художника лошади, которых вели в стойло, более привычным зрелищем, чем верховые скакуны на охоте¹²⁰?

От исторического периода сохранилось много свидетельств о поводьях. В Бронзовом веке для управления колесничными лошадьми часто использовалась другая форма нахрапника. Его надевали на голову несколько ниже, и он таким образом оказывал более сильное давление. Большая часть свидетельств происходит из Египта. Так, уздечки, найденные в гробнице Тутмоса IV вместе с колесницей, состоят из «носового, налобного, трех суголовных и одного подбородного ремня». Поводья были «прикреплены к носовому ремню и проходили через петлю, соединенную с грудной упряжкой и подпругой». Раскопки дали дополнительную информацию, позволившую прийти к выводу, что лошадью управляли просто с помощью носового ремня, а не трензелей уздечки или удила¹²¹.

Данный тип уздечки с суголовными ремнями, разделяющимися как раз под глазами лошади на два или три отдельных ремешка, наброшенный нахрапник, налобный ремень и подбородный ремень, — все это мы видим на памятниках. На барельефе Сети I в Фивах поводья, которые обвязаны вокруг талии колесничного, прикреплены к передней части нахрапника и, очевидно, оказывают давление прямо на ноздри. Существовал также несущий повод, прикреплявшийся к задней части нахрапника и соответственно к ярму, которое удерживало лошадей, когда колесничий брал в руки оружие. Однако на египетских рельефах показан и другой вид уздечки, похожий на первый, если не считать круглого диска, который закрывал уголки рта и к которому крепились поводья. Этот круглый диск, по-видимому, представлял собой конец грызла. И действительно, бронзовые удила, найденные в Газе и в других местах, состоят из прямого или слегка изогнутого цельного грызла, прикрытого с каждого конца круглым диском, и, подобно колесу со спицами, были обиты изнутри короткими шипами. Эти диски мешали бы грызлу выпадать в бок через рот лошади, а их шипы усилили бы действие нахрапника, к которому они прикреплялись. Такие удила замечательно описал Хермес, назвавший их «гиксосскими»¹²². Однако, оставляя в стороне вопрос о том, кем были гиксосы, мы можем отметить, что похожий метод применялся в Индии во времена Александра Великого или даже позже. Арриан пишет: «Лошади у индийцев не оседланные, не носят уздечек ни с греческими, ни с кельтскими удилами, но вокруг намордника лошади прилажен ремень из прошитой сыромятной кожи, на котором имеются не очень острые

бронзовые или железные острия, повернутые внутрь. Богатые люди используют острия, сделанные из слоновой кости. Во ртах их лошадей есть детали из железа наподобие вертела, к которым крепятся поводья. И поэтому, когда повод натянут, то вертел удерживает лошадь, как и острия, которые как если бы крепились к нему, укалыванием лошади не позволяют ей сделать что-либо, кроме как повиноваться поводьям». В том же духе пишет и Страбон: «Вместо уздечек индийцы используют нахрапники (phimoi), мало отличающиеся от намордников, а в губы лошадей продеты шипы»¹²³.

Сходное средство, возможно, использовалась в Греции Бронзового века; по крайней мере, на фрагменте фрески из Тиринфа показана голова лошади с круглым диском, прикрепленным к нахрапнику за углом рта¹²⁴. Не исключено, что греки научились этому от народов Среднего Востока (египтян или хеттов?). Но нельзя исключить, что индоевропейцы пользовались данным изобретением еще до того, как рассеялись по Евразии, хотя и не существует никаких археологических свидетельств, подтверждающих это. Поразительно, однако, что удила чрезвычайно похожего типа (одночастные грызла с большими, имеющими украшения псалиями и с шипами на внутренней стороне) были обнаружены в большом числе в Луристане, диком горном районе Западной Персии. Псалии этих удил сделаны в виде животных, как правило, фантастических крылатых чудовищ с большими головами, растущими из спин. Эти создания имеют большую дыру в своем теле, через которую свободно проходит прут грызла, и две петли на спине для прикрепления расходящихся суголовных ремней уздечки. Они датируются приблизительно VIII—VII вв. до н. э. и связываются с влиянием скифских захватчиков, хотя их мог сделать и местный мастер, поскольку ничего похожего в Скифии не найдено¹²⁵. Если не считать того, что у них были псалии в виде животных, эти удила не имеют ничего общего с гладкими составными трензелями из Италии того же периода. Примечательно, что хотя трензеля с составными грызлами использовались и в Луристане, все они имели совершенно разные псалии.

В период Бронзового века в Египте и Греции также использовался другой тип удил. Благодаря любезности руководства Эшмольского музея в Оксфорде и мисс Бентон я могу проиллюстрировать образец, найденный в Телль-Амарне и датированный предположительно не раньше начала XIV в. до н. э. Эти удила состоят из грызла, образуемого двумя сцепленными кольцами, вокруг которых вырезаны небольшие спирали, возможно, имитирующие скрученную проволоку. Они проходят через псалии с помощью искусно отлитых трубок, в которых они свободно двигаются, и оканчиваются прочной литой D-образной деталью для крепления поводьев. Псалии состоят из прямых прутьев, плоских с внутренней стороны и слегка выпуклых с внешней, отлитых заодно вместе с трубками для колец грызла. На каждом конце у них имеется по отверстию для крепления суголовных ремней уздечки, а с внутренней стороны между концом боковой дужки псалия и его центром выдается острый шип длиной около четверти дюйма.

Эти удила можно сравнить с другими, найденными в одном микенском захоронении. Они датируются поздним Бронзовым веком и представляют собой самый древний экземпляр удил, известных в Греции¹²⁶. У них скрученные части грызла — возможно, своего рода воспоминание о временах, когда грызлом служила веревка. Они оканчиваются простыми петлями для прикрепления поводьев и проходят через широкие отверстия в псалиях, вместо литых трубок, как в египетских удилах. На внутренних сторонах псалиев имеются шипы.

Вряд ли эти поводья прикреплялись к наброшенному нахрапнику того типа, о котором только что шла речь (хотя они могли использоваться вместе с ним; правда, я могу ошибаться на этот счет, поскольку наброшенный нахрапник, похоже, всегда изображался на египетских картинах и рельефах). Невозможно надежно прикрепить плоский кусочек металла к искривленному кусочку кожи с помощью короткого шипа; необходим достаточно длинный гвоздь с большой шляпкой. Кроме того, составное грызло, когда оба поводя натянуты, сгибается посередине, в чем и состоит суть его действия. Это было бы невозможно сделать, если бы оно крепилось прямо к нахрапнику.

Удила очень похожей формы, правда, без шипов, позднее использовались в Ассирии, хотя определенно без наброшенных нахрапников¹²⁷. Не следует думать, что древние из гуманных или практических соображений не вонзали острые шипы в губы лошади. Позднее мы увидим много более жестких удил. Кроме того, имеются уже приведенные свидетельства Страбона и Арриана¹²⁸.

Принцип действия этих удил понятен. С каждой стороны головы лошади суголовные ремни уздечки разделялись на два ремешка, один из которых был прикреплен к каждому из отверстий на концах псалий удил. Удила таким образом держались на псалиях примерно у правых уголков рта лошади¹²⁹. Поводья крепились к концам колец грызла на каждой стороне. Когда они были натянуты, грызло сгибалось в середине, и два псалия, вместо того чтобы быть примерно параллельными, сходились и давили на нижнюю челюсть лошади между их нижними концами. Это действие усиливалось шипами.

В том, что шипы должны были оказывать воздействие на лошадь, а не соединять кожаный ремень или подкладку с псалиями, мы можем убедиться, взглянув на другие удила из Египта¹³⁰. У них имеются шипы (по три на каждой стороне) на нижней боковой дужке только у псалий. Это более логично, поскольку именно нижняя боковая дужка давит на челюсти, когда поводья натянуты.

Без шипов эти поводья напоминали по своему действию современные составные трензеля. Два экземпляра таких удил без шипов, датированных чуть позже, чем удила из Микен, были найдены в Милете¹³¹.

Глава IV

ПОЗДНИЕ УДИЛА И УЗДЕЧКИ

Челюсти у лошади длинные и узкие; они имеют U-образную форму, верхняя челюсть, в отличие от нижней (как и у всех других животных), неподвижна. На каждой имеется шесть резцов, расположенных вместе вокруг передней части челюсти (кривая U). За ними в некотором отдалении следуют клыки, по два на каждой челюсти (у кобыл их обычно нет). За клыками находится широкий промежуток («полосы рта»), где челюстная кость не имеет зубов и покрыта тонким слоем чувствительной десны. После этого промежутка вдоль верхней части каждой дуги U снова идут коренные зубы.

Весь рот прикрыт мягкими и чувствительными губами. Их уголки как раз достигают спереди фронтальных коренных зубов на каждой стороне.

Корни языка прикреплены к основанию нижней челюсти, внутри углубления которой он обычно лежит в состоянии покоя. Свод рта (или небо), располагающийся за верхними резцами, имеет слегка вогнутую форму и состоит из кости, покрытой тонким слоем чувствительной десны.

Под нижней челюстью есть четко различимый желобок («подбородочный желобок»), идущий от одной стороны к другой.

Важнейшая часть удила — это грызло, лежащее поперек рта. С помощью поводьев, прикрепленных к каждому концу грызла, всадник может надавливать на какую-либо сторону рта, чтобы заставить лошадь повернуть, или сразу на обе стороны, для того чтобы остановить ее. Очевидно, грызло может быть устроено так, что будет воздействовать и на язык, и на небо (например, если грызло толстое и покрыто шипами). Однако эти части будут испытывать небольшое воздействие от тонкого и гладкого грызла.

Грызло может быть связано с уздечкой таким образом, что во рту лошади оно будет висеть более или менее свободно. Тогда, если поводья натянуты, удила будут стремиться вытянуться назад и вверх так далеко, насколько этому позволят уголки губ. Следовательно, большая часть данного воздействия будет перенесена с ротовых полос на губы. Такие удила (существует много их разновидностей) и есть то, что называется трензелями.

Если один повод натянут сильнее другого, то трензельные удила будут скользить вбок через рот лошади, если у них нет псалиев, достаточно больших для того, чтобы помешать этому. Кроме того, к псалиям крепится уздечка, с помощью которой удила удерживаются на своем месте. Удила также воздействуют на лошадь иным образом, за счет того, что псалии оказывают давление на наружную сторону ее щек и губ. Как и грызло, псалии могут иметь различную форму.

Второй тип удила имеет помимо грызла еще одну часть — цепочку, проволоку, ремень или металлический стержень, проходящий под нижней челюстью лошади и лежащий в подбородочном желобе. Это подгубный ремень. Поскольку нижняя челюсть более или менее плотно удерживается между подгубным ремнем и грызлом, то удила не

выскальзывают через уголки рта, а продолжают воздействовать на прутья. Более того, сильного рычажного действия можно достигнуть, прикрепив удила не к концам грызла, а к длинным псалям.

Что касается известных мне древних образцов, то подгубный ремень (сделанный из проволоки или металлического стержня) просто прикреплялся к этим псалям на удобном расстоянии под грызлом. Соответственно, когда поводья натянуты, удила целиком вращаются вокруг оси грызла, и подгубный ремень поднимается, чтобы давить на дно нижней челюсти, которая таким образом сдавливается между грызлом и подгубным ремнем.

Современные подгубно-ременные удила обладают еще большим воздействием, так как подгубный ремень (состоящий из регулируемой цепочки) свисает с крючков, прикрепленных как раз над грызлом. Он действует как точка опоры рычага, чьим длинным плечом является нижняя часть псаля, к которой прикреплен повод.

Вообще говоря, трензель должен поднимать голову лошади, поскольку давление идет вверх, в уголки рта, а подгубный ремень — опускать ее, поскольку давление направлено вниз на ротовые полосы. Однако, как указывает Ксенофонт¹³², всадник может опустить голову лошади с помощью трензеля, низко держа руки. И наоборот, лошадь, вскидывая голову и открывая рот, может переместить воздействие как трензеля, так и подгубного ремня с прутьев на уголки рта, поскольку тогда поводья будут натянуты более или менее параллельно ее челюстям, а не поперек. Ксенофонт советует не дергать рот лошади слишком грубо, чтобы она вскидывала голову вверх. Также он советует «не злоупотреблять удилами, прищипывать и бить ее хлыстом, благодаря чему, как полагает большинство, лошадь будет выглядеть эффектно. Ведь подобными мерами седоки добиваются вовсе не того, чего им хотелось. Дергая лошадей за рот, они ослепляют их, вместо того чтобы позволить лошадям видеть, куда они идут; прищипывая и стегая лошадей хлыстом, всадники сбивают их с толку, так что у тех может возникнуть ощущение опасности. Прежде всего это относится к тем своевольным лошадям, которым не нравится ходить под седлом»¹³³.

Мы не станем уделять большого внимания подгубному ремню, поскольку он был неизвестен в классической Греции. Похоже, что его изобрели галлы, которые, придя из Центральной Европы, в течение долгого времени угрожали Италии, а в начале III в. до н. э. прорвались на Балканский полуостров, напали на Грецию и затем обосновались в Галатии, в самом сердце Малой Азии. Галлы часто служили в качестве наемников в армиях различных держав, а после римского завоевания играли важную роль во вспомогательной коннице империи. На Илл. 34 d (грызло здесь выглядит просто ужасающе) — одни из самых ранних известных подгубноремненных удил¹³⁴, происходящих из той области Фракии, которую, возможно, заняли галлы в 276 г. до н. э., потерпев поражение от македонского царя Антигона Гоната. Позднейшие, более мягкие, образцы с составными или одночастными грызлами были найдены на месте поселений, относящихся к римскому периоду. Я полагаю, что это и есть те самые кельтские удила, которые Арриан противопоставляет греческим и римским удилам, а также индийскому шипованному нахрапнику и одночастному грызлу.

Прежде чем начать рассказ об удилах древней Греции, я должен с сожалением отметить, что их полностью сохранившиеся образцы встречаются редко. Известно немало образцов удил, найденных в Италии, Центральной Европе, южной России и Луристане, где существовал обычай закапывать конскую упряжь, а иногда и самих лошадей вместе с покойниками. Однако в захоронениях Греции удила встречаются очень редко. Полностью сохранившиеся образцы и множество фрагментов найдены в святилищах, куда они, возможно, были принесены в качестве посвященных даров удачливыми владельцами скаковых лошадей; кроме того, в музеях имеется несколько экземпляров, чье происхождение сомнительно или неизвестно¹³⁵. Вначале я попытаюсь прокомментировать рассуждения Ксенофонта на этот счет¹³⁶, а затем попробую показать, как археологический материал иллюстрирует его замечания. Это нелегко, поскольку Ксенофонт не описывает удила, но упоминает их как нечто хорошо знакомое его читателям; в результате мы не можем быть абсолютно уверены, что он имеет в виду те типы удил, которые нам известны. По крайней мере, ясно, что Ксенофонт не говорит о тех удилах, которые используются в настоящее время. (Так, например, напрасно искать в его словах прямое указание на современную двойную уздечку. Две пары удил, о которых он говорит, должно быть, использовались в различных случаях, но не клались в рот лошади одновременно.)

Ксенофонт объясняет, как «обращаться с хорошим боевым конем так, чтобы во время езды он являл собой великолепное зрелище», и в своем повествовании говорит об удилах следующее.

Х, 6. Прежде всего, тебе нужно иметь не менее двух грызел. Одно из них должно быть гладким, с кольцом подходящего размера. У другого кольцо должно быть тяжелым и узким (?), а «ежи» — острыми, чтобы конь, когда возьмет это грызло, вследствие шероховатости выпустил его, а когда возьмет гладкое, радовался бы его гладкости, и то, чему его научило грубое, исполнял бы с гладким.

Х, 7. Если же конь презирает его гладкость и часто полагается на него, то в таком случае мы прибавляем к нему большие кольца, чтобы заставить его раскрыть рот и выпустить грызло. Грубые грызла можно делать различные: и давящие, и тянущие¹³⁷.

Х, 8. Но сколько бы у тебя не было удил¹³⁸, пусть все они будут гибкими. Ведь когда конь закусывает твердое, то за какую бы часть он ни схватил, он держит целое, как копье: где ни возьмешь — поднимешь целое. Х, 9. А гибкое все равно что цепь: мы держим лишь ту ее часть, что у нас в руке, а прочее виснет. И лошадь, то и дело хватая то, что ускользает из рта, выпускает грызло. Вот почему серединные кольца висят на осях, чтобы конь, щупая их языком и зубами, не старался хвататься челюстями за удила. Х, 10. Если кто не понимает, что такое гибкие удила и что такое твердые, мы опишем и это. Гибкие — это когда ось имеет широкие и гладкие связки, которые легко сгибаются. И если все части, что вращаются на осях, имеют большие отверстия и не расположены слишком тесно, то такие удила являются еще более гибкими. Х, 11. Если же разные части удил пропущены одна через другую и они соединены накрепко, такие удила суть твердые.

До того как обратиться к археологическим свидетельствам, отметим следующее.

Ксенофонт делит удила на два основных типа — «гладкие» и «грубые». У последних имеются «ежи», которые, должно быть, представляют собой острые шипы. Далее они подразделяются по своему действию на «давящие» и «тянущие».

В свою очередь, Ксенофонт разделяет удила на «гибкие» и «твердые». К последней категории, очевидно, принадлежат все удила с одночастными грызлами, а также с составными, у которых кольца сцеплены слишком плотно и не могут свободно двигаться. «Гибкие» удила имели составные грызла, и Ксенофонт также рекомендует, чтобы (X, 10) вокруг части грызла были насажены свободно вращающиеся валики и чтобы (X, 9) в местах их соединения были подвешены маленькие кольца: лошадь продолжает хватать их во рту, поэтому никогда не будет крепко держать грызло.

Это, возможно, удивит современного читателя, который ждет, что лошадь будет легко брать рот удила, так что всадник может все время чувствовать рот лошади с помощью постоянного мягкого натяжения поводьев. То, что животное «полагается на удила» (X, 7), мы определенно считаем недостатком; лошадь, не привыкшая к чрезмерному давлению, которое всадник оказывает на переднюю часть ее тела, буквально опирается на удила для поддержки. (Конечно, лучше научить лошадь сохранять равновесие, а не делать удила такими неудобными для нее, что она будет «презирать» их.) Однако «закусывание удили» мы воспринимаем как нечто положительное, и потому читателя, безусловно, удивляют те строки в сочинении Ксенофонта, где он утверждает обратное. Это очень важный момент, и позже мы обязательно рассмотрим его с точки зрения всадника.

Необходимо подчеркнуть, что слова Ксенофонта не означают предостережения против позволения лошади брать удила зубами (опасность чего Ксенофонт в полной мере осознает¹³⁹): эти слова следует понимать буквально.

Замечания Ксенофонта могут быть проиллюстрированы. На Илл. 36 а воспроизведены бронзовые удила, хранящиеся в Берлине. О них сообщается, что они были найдены вместе с еще одной парой удили в одном из беотийских захоронений и металлическим намордником (выполнены, вероятно, не ранее IV в. до н. э.¹⁴⁰). Части составного грызла соединены сцепленными кольцами, на каждой стороне которых имеются широкие диски с острыми краями, вращающиеся вокруг частей грызла: они сконструированы так, чтобы вонзаться в язык и небо и таким образом мешать лошади сомкнуть челюсти и закусить удила. Снаружи эти валики снабжены четырьмя рядами шипов, предназначенных для воздействия на рот. Из точки соединения частей грызла выходят две короткие красивые цепочки, целью которых было, как объясняет Ксенофонт, побудить лошадь постоянно щупать во рту их свободные концы.

Псалии вместе с еще одной парой удили выполнены в форме длинных металлических прутьев, один из концов которых согнут горизонтально внутрь, а другой наружу,

образовывая в целом длинную букву S. Согнутые внутрь концы, возможно, проходили под подбородком.

Концы частей грызла свободно проходят через отверстия в середине псалиев. На внешней стороне псалиев на каждой стороне этих отверстий есть маленькие горизонтальные кольца для прикрепления ремней уздечки.

Снаружи псалиев имеются бронзовые крючки, вращающиеся свободно вокруг концов частей грызла, к которым прикрепляются поводья.

Удила на Илл. 34 с происходят предположительно «из Ахайи» и хранятся сейчас в Британском музее¹⁴¹. У этих удил псалии в виде полумесяца с концами, обращенными вверх, и кольца для крепления уздечки на внутренней стороне каждого полумесяца. Имеются два коротких валика, покрытых шипами, вместо одного длинного; цепочка, свешивающаяся с места соединения петель (колец), отсутствует.

Очевидно, что эти удила принадлежат оба к «грубому» (их шипы справедливо заслужили название «ежей») и «гибкому» типу. Было бы легко сконструировать удила в целом схожие с ними по виду, но без шипов на валиках, а диски в местах соединения частей грызла сделать широкими и без острых краев. Такие удила могли бы быть названы «гибкими» и «гладкими». Однако ни одного подлинного образца не сохранилось.

Благодаря памятникам материальной культуры становится понятно, каким образом эти удила крепились к уздечке. Хотелось бы обратить особое внимание читателя на Илл. 19, где изображена голова небольшой бронзовой статуи колесничной лошади (найдена в Олимпии; выполнена, вероятно, незадолго до 460 г. до н. э.¹⁴²). Удила этой лошади имеют псалии в виде полумесяца; в середине псалиев большие отверстия, через которые проходят концы частей грызла. По форме они очень напоминают псалии на Илл. 33 а, и можно предположить, что здесь грызло также было гладким. Концы полумесяцев были повернуты вверх, и в них имелись круглые отверстия, к которым прикреплялись короткие ремешки. В свою очередь, ремешки присоединялись к большому кольцу, низко висящему на щеке лошади; здесь они встречались с суголовным ремнем уздечки, который проходил прямо над головой животного, за ушами. Имелся подбородный ремень (или, скорее, ремень, который выполнял те же функции, но проходил под верхней частью челюсти) и нахрапник, который привязывался с каждой стороны прямо над кольцом, там, где суголовный ремень соединяет короткие ремни, прикрепляющие удила, и проходит только вокруг передней части носа. Налобного ремня не было; возможно, сопротивление гривы было достаточным, чтобы помешать суголовному ремню соскользнуть назад с шеи лошади.

Подбородный ремень прикреплялся слева, причем соответствующий узел можно было легко развязать. Очевидно, что после этого, плавно потянув суголовный ремень за уши животного, можно было снять всю уздечку. Другие ремни нельзя было развязать или отрегулировать, и потому у каждой лошади должна была быть своя, именно ей подходящая уздечка. Важно было подогнать уздечку надлежащим образом, и Ксенофонт указывает на это.

«Конюха, — пишет он, — нужно научить... чтобы было известное расстояние между удилами и челюстями. Ведь если удила лежат слишком близко к челюстям, то это может повредить рот, так что он становится нечувствительным, а если удила лежат слишком близко к передней части рта, то это дает лошади возможность закусить удила и перестать повиноваться»¹⁴³.

(Очевидно, что если уздечка была слишком узкой, то удила постоянно давили на углы рта, сдавливали и раздирали их независимо от того, были опущены поводья или нет. Но передние зубы лошади, как и человека, нечувствительны снаружи. Следовательно, если конь держит удила меж зубами, а не во рту, то он не ощущает их действия.)

«Грубые» удила, которые мы описывали до сих пор, действовали главным образом за счет натягивания гызла против ротовых полос и уголков рта (поэтому их можно назвать «тянущими» в собственном смысле слова). Мы уже видели образец, относящийся к Бронзовому веку, с составным гызлом и шипами, выступающими внутрь из псалиев, и отметили, что когда поводья были натянуты, нижняя челюсть лошади, очевидно, сдавливалась между ними. Именно это, как я полагаю, Ксенофонт называл «давящими» удилами. К его времени они приобрели еще более внушительный вид.

Илл. 32 а показывает железные удила, найденные на Кубани в захоронении скифского вождя, чье племя, подобно большинству населения побережья Причерноморья, очевидно, имело контакты с греческой цивилизацией. Эти удила сделаны в начале IV в. до н. э.¹⁴⁴ Гызло плоское и составное. Псалии (из них полностью сохранился только один; он согнут с одного конца, но, возможно, это случайность), имеющие форму железных прутьев, проходят через петли на концах частей гызла, а не через отверстия, через которые пропущены его части. Сразу за ними расположены четырехугольные бронзовые пластины, у которых на каждом углу имеется по одному повернутому внутрь шипу. (Не исключено, что они сделаны из бронзы, поскольку железные шипы были бы слишком хрупки.)

Никаких образцов этого типа удил в Греции еще не найдено. Однако некоторые рисунки на вазах и других произведениях искусства, датированных начиная с третьей четверти VI в. до н. э. и до первой половины IV в. н. э., изображают удила с маленькими вытянутыми прямоугольниками, покрытые внутри псалиев точками. Я полагаю, что прямоугольники — это бронзовые пластины, как и упомянутые пластины от удил с Кубани. Со стороны они были бы отчетливо видны, особенно если бы остальная часть удил была бы сделана из железа. Точки должны напоминать зрителю о повернутых вовнутрь шипах¹⁴⁵.

Предназначение нахрапника на только что описанной уздечке, конечно, было иным, чем у наброшенного нахрапника Бронзового века. Во-первых, он прилаживался выше. Во-вторых, поводья, которые прикреплялись к концам частей гызла, очевидно, не оказывали воздействия на удила. Поэтому такой нахрапник не играет роли при управлении лошадью и служит только для того, чтобы удерживать уздечку на месте. Часто он вообще не используется, особенно когда уздечка прикрепляется к налобному ремню. Возможно и одновременное использование налобного ремня и нахрапника: вероятно, они связаны

вертикальным ремнем, идущим вниз по передней части носа; к этому-то ремню, по-видимому, и прикрепляется налобник, декоративный или защитный. Ремни могут пересекаться также по диагонали на носу лошади¹⁴⁶.

Места, в которых пересекались различные ремни, часто украшались декоративными дисками, однако, судя по вазовой живописи, можно предположить, что в самой Греции (в отличие от Малой Азии) до IV в. до н. э. они редко были большими и выполнялись не слишком тщательно. Уцелевшие образцы, сделанные из бронзы, имеют на задней стороне декоративного диска конструкцию из четырех небольших ножек, поддерживающих металлическое кольцо или квадратную пластину с отверстием в ней. Пересекающиеся ремни, очевидно, проходили через промежутки между этими ножками¹⁴⁷.

На азиатской окраине греческого мира мы находим маленьких животных, сделанных из бронзы и слоновой кости, используемых вместо бронзовых дисков. И в Персии найдены украшения в форме кабаньих клыков. Они закрывают маленькие прямоугольные выступы, в которых с четырех сторон просверлены отверстия для пересекающихся ремней¹⁴⁸.

Еще раз обратим внимание на важный момент: у древних не было таких приспособлений, как современные пряжки, с помощью которых в поле можно быстро подогнать уздечку. Пряжки от сбруи были обнаружены в Сирии среди предметов, относящихся ко времени незадолго до нашей эры, но эти образцы значительно старше известных мне европейских¹⁴⁹.

Изменившиеся формы уздечки не означают, что использование давления на наружную часть носа как средство управления лошадью более не применялось, хотя в настоящее время в целом оно осуществляется с помощью удила. Аттическая ваза из Британского музея (не ранее середины V в. до н. э.) показывает отъезд охотника или воина¹⁵⁰. Он правит лошадью с помощью широкого ремня вокруг ее морды, помеченного точками; возможно, они изображают острия вроде тех, что были прилажены к нахрапникам индийских лошадей, описанных Страбоном и Аррианом. Другим средством, обычно использовавшимся вместе с удилами, был *psalion*¹⁵¹. Он представлял собой металлический кавессон, образцы которого происходят из ассирийского местечка Султантепе (VII в. до н. э.)¹⁵² и — в почти не изменившейся форме — из многих мест римской императорской эпохи¹⁵³. Он состоит из U-образной металлической полоски, сконструированной таким образом, чтобы горизонтально прилегать вокруг передней части носа; из ее свободных концов выходят две прямых детали, обычно шести дюймов в длину. Их вершины соединены со второй горизонтальной U-образной полоской, повернутой в обратную сторону; она устроена так, чтобы проходить под верхней частью челюсти. Дуги этой U-образной детали видоизменены так, чтобы можно было прочно прикрепить кожаные ремни оголовья. Под свободными концами нижней U-образной полоски имеются две выступающие части в виде колец, к которым, возможно, присоединялись поводья, или скорее, когда *psalion* использовался вместе с удилами, как это предполагает Ксенофонт, подбородный ремень, к которому прикреплялся один чумбур¹⁵⁴. Когда эта веревка была натянута, то нижняя U-образная полоса давила на переднюю часть носа, а верхняя — на нижнюю часть челюсти; очевидно, что достигнутый эффект ножниц (*psalis*, ножницы) был сильнее, нежели простое давление обычного нахрапника. Очевидно, тут мы имеем дело с «укусом изогнутого кавессона», о котором специально упоминает один из авторов «Палатинской антологии»¹⁵⁵.

Это средство было особенно действенным, если использовалось для усиления удил, поскольку одновременным давлением на нос и челюсти оно мешало лошади вскидывать голову вверх и открывать рот для того, чтобы избежать воздействия удил. Впрочем, даже само по себе оно было довольно внушительно. Ксенофонт особо предупреждает о том, чтобы при посадке на лошадь не дернуть случайно голову животного, когда имеется такой элемент упряжи¹⁵⁶. Я не знаю какого-либо определенного изображения этой формы кавессона в искусстве, но на некоторых вазах изображены лошади, чьи поводья были оставлены у них на шеях и удерживались отдельным чумбуром, который прикреплен под подбородком (хотя, возможно, чаще к подбородному ремню уздечки, чем к psalion). То же самое устройство, причем гораздо чаще, изображается на ассирийских рельефах. Похоже, там оно было более распространено, тогда как в Греции использовалось лишь в редких случаях, хотя Ксенофонт и предупреждает против того, чтобы лошадей вели с помощью удил.

Скифы (а за ними и греки), кажется, иногда сочетали чум-бур и поводья, делая один повод подходящей длины для езды верхом, на конце которого вязалась петля или скользящий узел, через который проходил другой повод¹⁵⁷. Этот другой повод делался в несколько раз длиннее. Во время езды один конец этого повода в виде петли держали рядом. Когда же всадник спешил, то он мог оставить поводья на шее лошади и держать длинный конец в то время, пока лошадь паслась. Я не считаю этот способ удачным; существовала опасность, что лошадь запутается в таких поводьях во время выпаса и что такое действительно часто бывало. Вести лошадь приходится с помощью удил, а во время езды мешает конец, завязанный петлей.

Другой неудачный способ, зафиксированный вазовой живописью VII—VI вв. до н. э., — это поводья, разрезанные посередине, когда каждый повод обычно удерживается в руке. Однако если какой-либо из поводьев падает, то он падает прямо на землю, а не остается лежать на шее лошади, и лошадь становится неконтролируемой. Этот способ использовался мальчиками на скаковых лошадях и вообще гражданскими лицами, но никогда, насколько я знаю, — военными. Ксенофонт¹⁵⁸ рекомендует «поводья ни слабые, ни скользкие, ни толстые, так чтобы было можно держать в руках и копье, и поводья, когда это необходимо».

На изображениях не всегда понятно положение рук, держащих поводья. В тех случаях, когда его можно рассмотреть, поводья обычно проходят от удил через указательный палец и книзу через руки. Обычно так держат поводья при управлении колесницей; во время верховой езды в настоящее время, как правило, делается наоборот (поводья проходят сверху через руки). Но поскольку нужно было помешать лошади закусить удила, то всаднику рекомендовалось оставлять поводья ослабленными, за исключением тех случаев, когда действительно требуется использовать их, чтобы усилить свои команды¹⁵⁹. Конечно, невозможно «чувствовать рот лошади» с помощью легкого, хотя и постоянного натяжения поводьев, когда на ней скачут, используя удила, описанные выше. «Для европейца почти невозможно управлять лошадьми» из современной Индии, которые привыкли к «колючим грызлам», — так бурно они реагируют на малейшее касание к их рту¹⁶⁰. Древний всадник, скакавший без седла или на чепраке, мог править лошадью и с помощью других средств, воздействуя через тазовые кости, что в настоящее время в основном забыто.

К сожалению, не может быть сомнений в том, что древние греки действительно использовали удила, которые резали рты их лошадям. Дион Хризостом рассказывает историю о том, как Апеллес, знаменитый художник, попал в затруднительное положение, пытаясь реалистически изобразить покрытый кровью и пеной рот лошади. В конце концов, потеряв терпение, он бросил в картину губку и таким образом случайно достиг желаемого результата¹⁶¹. На Илл. 28 а, представляющей собой фрагмент знаменитой Александровой мозаики из Помпеи, изображена персидская боевая лошадь, осаженная «грубыми» удилами. Открытый рот позволяет четко рассмотреть грызло с валиками и доказывает, что этот тип удил (хотя происхождение экземпляров, хранящихся в музеях, вызывает вопросы) — не изобретение современного кузнеца.

Илл. 21 а, воспроизводящая аттическую вазу приблизительно 430 г. до н. э., показывает амазонку Ипполиту на коне. На этом изображении ясно видно, что поводья прикреплены к вращающимся крючкам, а не к концам частей гызла. Крючки висят ниже удил, и если всадник не натягивал поводья сильно, то крючки не располагались на одной прямой с поводьями. Когда поводья натягивали, напряжение, по-видимому, передавалось на удила по линии крючков и таким образом действовало на прутья, находившиеся во рту, а не на углы рта (т. е. вниз, а не вверх). Поскольку крючки свободно вращались, значительных усилий не требовалось.

Древний трензель с псалиями, удерживаемый двумя относительно короткими ремешками, которые, возможно, прикреплялись нахрапником (их прилаживали к месту соединения), был, очевидно, несколько менее подвижен, чем современный кольцевой трензель. Это, надо думать, уменьшало для него опасность соскальзывания в уголки рта, когда поводья натянуты, и таким образом увеличивало его воздействие на ротовые полосы.

На нескольких памятниках, как ассирийских, так и греческих, судя по всему, изображены поводья, прикрепленные к концу нижней боковой дужки псалия¹⁶². Впрочем, я не уверен, что эти изображения надежны, хотя и кажутся достаточно отчетливыми. Возможно, художники просто не хотели закрывать поводьями детали рта и удил, подобно тому, как ассирийские скульпторы иногда пропускали половину тетивы лука, вместо того чтобы проводить ее через лицо лучника¹⁶³.

Глава V

РАЗВИТИЕ КОНСТРУКЦИИ УДИЛ

В Бронзовом веке, когда езда на колеснице была важнее верховой, лошадьми обычно правили с помощью либо нахрапников, либо удил, которые функционировали преимущественно благодаря псалиям. В классический период, т. е. примерно в V—IV вв. до н. э., когда люди больше скакали верхом, чем ездили на колесницах, были изобретены удила новых видов с очень жесткими грызлами. Рассмотрим подробно изменения в конструкции удил, чтобы определить, связаны ли они напрямую с эволюцией роли колесничной и верховой езды.

«Удила новых видов», о которых пойдет речь, по-прежнему представляли собой трензеля с псалиями и функционировали частично благодаря грызлу, частично — давлению псалиев на губы лошади. Одни усиливали действие грызла, другие — давление, но все это не означало введения нового принципа, какой обеспечил подгубный ремень. Нельзя сказать, что после добавления шипов к грызлу удила стали функционировать совершенно иначе, но очевидно, что это усилило воздействие последних. Наша задача состоит в том, чтобы определить, когда появились грызла с шипами.

К сожалению, большинство свидетельств донесли до нас вазопись и скульптура, и хотя здесь мы можем видеть детали уздечки и форму псалиев, однако сказать что-нибудь определенное о том, что было у лошади во рту, нельзя. Удила имеют псалии в виде полумесяца и выглядят во многом так же, как на вазописи, но все же для лошади разница очевидна. При этом лошади отнюдь не все равно, есть ли у псалиев шипы, тем не менее для нее не имеет значения, выполнены они в форме полумесяца или химеры. Появление необычного внешнего вида псалиев (будь то уцелевший образец или изображение) в двух странах свидетельствует о связи между ними¹⁶⁴. Вместе с тем удила не классифицируются просто по форме их псалиев.

Псалии в виде животных, вроде тех, что часто использовались в Италии и Луристане, были почти неизвестны в Греции. Я знаю только об одной полной паре и одном фрагменте (полагаю, импортные изделия). Скульптура и живопись сведений на сей счет не дают¹⁶⁵. В Ассирии такие псалии были также необычны и, по-видимому, являлись признаком высокого ранга их владельца и богатства; их носили, например, лошади царя Синнахериба, однако не лошади его свиты¹⁶⁶.

В Греции несколько экземпляров удил оказались в захоронениях или сохранились каким-то иным способом. Я насчитал лишь четырнадцать (некоторые сомнительного происхождения) и еще несколько других, которые относят к греческим без достаточных оснований, если не считать фрагментов. Но только в Афинах на протяжении IV в. до н. э. должно было использоваться в каждый конкретный момент почти две тысячи удил. Ни один экземпляр, однако, не уцелел. Очевидно, что наши образцы едва ли представляют все виды удил, которые когда-либо находились в употреблении, и вряд ли правильно считать, что удила (или какая-то их особая разновидность) не были известны в данном месте или в данное время только потому, что их не обнаружили при раскопках.

Для периода конца VIII—VII в. до н. э. прямые свидетельства полностью отсутствуют. От позднего Бронзового века сохранились удила из Микен и Милета, а следующие за ними по времени — образцы VI в. до н. э., о которых речь ниже. Экземпляров, относящихся к

промежуточному периоду, у нас нет. Косвенные свидетельства, имеющиеся в нашем распоряжении, неудовлетворительны. Геометрическая вазовая живопись не показывает деталей сбруи, а вазовая живопись начала VII в. до н. э. груба и ненадежна. Вместе с тем мы обратили внимание на несколько рисунков лошадей. Всадники, скачущие на них, определенно используют поводья. На других вазовых рисунках (середина VII в. до н. э.), как можно полагать, изображены нахрапники. Они прилажены немного выше, чем египетские, и контролируются поводом, прикрепленным к каждой стороне¹⁶⁷. Различные сирийские и хеттские памятники, датируемые первыми тремя веками I тыс. до н. э., можно объяснить так же.

Впрочем, я не уверен относительно любого из этих памятников искусства. Как правило, их стиль слишком груб, чтобы понять, что имели в виду художники. Прямые линии, идущие от одной стороны носа лошади к другой, могут изображать нахрапник, а могут быть и боковыми дужками трензельных удил. В самом деле, иногда поводья идут под предполагаемым нахрапником (совсем близко от него) ко рту лошади¹⁶⁸, и в этих случаях, я полагаю, подразумевался некоторый вид удил. В конце концов, удила использовались в Греции в течение Бронзового века. Маловероятно, что они полностью исчезли в Железном веке. Любопытно, что Гомер упоминает удила только один раз, но они, возможно, были чем-то обыденным и потому не заслуживающим особого внимания¹⁶⁹.

Животными (часто мулами), которые везли сельские повозки, в более поздний период обычно управляли без удил, тем не менее этот факт никак не проясняет рассматриваемый вопрос. Верховых и колесничных лошадей наверняка вели за удила. Поэтому неясно, к чему привязывались поводья, к удилам или к нахрапникам. Непонятно также, были ли совершенно свободны головы животных в упряжках, управляемых только при помощи длинного хлыста или прута, которыми их могли стегать по бокам. Иногда их подстегивали с помощью заостренных прутьев, но, похоже, не видели нужды как-нибудь сдерживать животных — видимо, они были часто перегружены или находились в жалком состоянии. Мулы Навсикаи в «Одиссее», которые были, несомненно, лучше откормлены, чем обычные мулы, управлялись при помощи поводьев (но, возможно, не удилами).

Сельские телеги в различных областях Азии, кажется, управлялись таким же образом. На барельефах Ашшурбанапала, посвященных завоеванию Элама в 652 г. до н. э., изображены эламиты, сидящие в небольших двухколесных повозках. Последние запряжены парой мулов, которые носят нахрапники и управляются длинными палками, однако поводьев у них нет. Всадники, сопровождающие повозки, управляют своими лошадьми с помощью удил и уздечек ассирийского типа. Повозки используются для бегства, а не для битвы, как боевые колесницы. Греческие повозки едва ли могут быть прямо связаны с эламскими, потому что, не говоря уже о проблемах времени и пространства, повозки из Элама имеют высокие колеса со спицами, а у большинства греческих повозок более примитивные тяжелые колеса с пересекающимися планками. Это определенно отличает их от колесниц. Кроме того, колесничий во время боя или скакового состязания стоит, а возница повозки обычно сидит. Однако можно отметить, что Панафинейские игры в Афинах включали в себя своего рода дерби VI в. до н. э. для конных упряжек. На самой ранней уцелевшей афинской призовой амфоре, датируемой примерно 566 г. до н. э., изображен возница, сидящий на небольшой колесной повозке. Она имеет пересекающиеся планки, в нее запряжена пара лошадей, которыми возница управляет без поводьев, с помощью заостренного прута и длинной палки. Эффективность

последней повышается за счет свисающих с ее конца звенящих кусочков металла. Этот метод управления, очевидно, оказался не очень подходящим для упряжных лошадей, выращивавшихся для участия в бегах. На двух поздних вазах мы видим повозки для бегов (с колесами со спицами); лошадьми, которые тянули их, управляли при помощи удил и поводьев, как и лошадьми в колесницах.

Соревнование, за участие в котором давались эти призы, возможно, было *synoris*, забегом для пары лошадей, несколько отличающимся от обычных состязаний колесниц, которые также проводились в Олимпии, но не ранее 408 г. до н. э.¹⁷⁰

На ассирийских скульптурах VII в. до н. э. изображены удила с искривленными псалиями, похожими на первый взгляд на полумесяцы классической Греции. В отличие от них в IX—VIII вв. до н. э. мы встречаем псалии в виде плоских металлических пластин. Самые ранние образцы широкие у концов, где расположены отверстия для крепления уздечки; в середине, где части грызла проходят вокруг них, они украшены, по моему мнению, декоративными надрезами. Поздние образцы воины Тиглатпаласара III, 745—727 гг. до н. э.) меньше по размеру, без украшений и выполнены в виде узких прямоугольников. Суголовные ремни более ранних уздечек разделяются на три ветви. Из них две внешние прикреплены к концам псалия и к центру среднего ремня. Они соединяются под глазом лошади и этим отличаются от ремней египетской уздечки, которая крепится выше. Более серьезное отличие заключается в отсутствии нахрапника. Очевидно, лошади управлялись с помощью одних удил. (Эти изображения тщательно отобраны; на некоторых рельефах псалии такие большие, что тянутся с одной стороны носа до другой и могут быть ошибочно приняты за нахрапник, если их не рассмотреть внимательно.)

Суголовный ремень более поздней уздечки разделен только на две ветви, псалии удил меньше по размеру.

Существует заметная разница между всадниками IX и VIII вв. до н. э., а еще большая — между ними и всадниками VII в. до н. э. Наездники древнейших времен неуклюже сутулятся на спинах своих лошадей, их бедра расположены горизонтально, а нижние части ног не висят свободно, а обхватывают бока лошади. При управлении лошадьми всадники ощущают неуверенность в своих силах; по крайней мере, конных лучников (с бронзовых ворот царя Салманасара, 860-825 гг. до н. э.) сопровождают пешие, которые держат ведущие поводья. Можно предположить, что удила с плоскими псалиями не были особенно эффективны, и имеющийся в нашем распоряжении экземпляр (возможно, модель, предназначавшаяся для церемониальных целей, поскольку ее грызло равно 26 см в ширину) имеет плоское, составленное из двух деталей грызло без шипов¹⁷¹.

Но если удила IX в. до н. э. не были слишком жесткими, то можно предполагать, что удила во времена Тиглатпаласара не особенно отличались от них. И все же его воины скачут гораздо лучше, чем их предшественники.

Теперь рассмотрим удила с искривленными псалиями, которые были изобретены до конца VIII в. до н. э.¹⁷² Эти псалии сделаны не в виде правильных полумесяцев, как у поздних греческих удил. Передний кончик их заострен, а задний тупой; в целом они похожи на

отросток оленьего рога, имеют три отверстия, из которых среднее явно предназначалось для грызла, а два концевых — для ветвей сугловного ремня. Такие псалии хорошо известны по находкам в Центральной Европе. Похоже, они в целом имели грызла из недолговечного материала, возможно, из веревки или ремня из сыромятной кожи, хотя был найден экземпляр одночастного грызла из рога¹⁷³. Позднее начали использовать металлические грызла, обычно в форме двух соединяющихся колец, каждое из которых оканчивалось большой петлей. Псалии, сделанные отдельно, из рога, дерева или металла, возможно, пропускались через эти петли, которые также служили для прикрепления поводьев, или прикреплялись к ним с помощью крючка, или присоединялись к уздечке. Этот тип удила был найден в Пазырыке, у него замечательно вырезанные деревянные псалии¹⁷⁴. Такой же тип, с металлическими псалиями различных форм, был найден на Северном Кавказе, в Иране и в других местах среди предметов, датированных периодом приблизительно с 800 до 550 гг. до н. э.¹⁷⁵ Мы можем связать его со степными кочевниками и видеть в измененных удилах ассирийских рельефов следствие движения скифов и киммерийцев, присутствие которых, несомненно, ощущалось еще до великих нашествий. Попутно можно отметить, что этот тип до сих пор не был найден в Греции.

До сих пор грызла подобных удила оставались гладкими и, очевидно, были не более эффективными, чем те, которые прежде использовались в Ассирии. Терпеливые, выносливые центральноазиатские пони, безусловно, не нуждались в более суровом грызле, но я не могу понять, почему введение этого типа могло добавить ассирийцам уверенности при управлении их норовистыми лошадьми¹⁷⁶. Однако другие свидетельства показывают, что в то время использовались также гораздо более внушительные удила.

На Илл. 34 а, б показаны бронзовые удила, хранящиеся сейчас в Эшмольском музее в Оксфорде. Это один экземпляр из трех, найденных на разграбленном кладбище в Деве-Гююк, рядом с Каркемишем на Евфрате, в захоронениях персидского периода, начиная с 600 по 300 г. до н. э. Вместе с этими удилами были обнаружены терракотовые статуэтки, имеющие скифские черты; предполагается, что они, возможно, были сделаны примерно в начале VI в. до н. э. под влиянием скифов¹⁷⁷. Однако грубые грызла из Скифии до сих пор неизвестны.

Грызло имеет две части — это толстые, основательные цилиндры, сцепленные кольцами. Они покрыты грубыми шишками — менее внушительными, чем «ежи» Ксенофонта, но достаточно жесткими. Каждая часть грызла отлита заодно с псалием, который образован из двух боковых дужек, согнутых наружу под острым углом и имеющих для прикрепления ветвей сугловного ремня уздечки. Поводья прикреплены к большим кольцам, которые выступают прямо наружу за концы частей грызла в той же плоскости, что и боковые дужки.

Одна боковая дужка каждого псалия оканчивается копытом, очень похожим на настоящее, другой — фаллосом: то и другое сделано (очевидно, в магических целях) для того, чтобы жеребец, носящий эти удила, был одновременно быстрым бегуном и могучим производителем¹⁷⁸.

Когда удила сгибались во рту лошади, то псалии и кольца поводьев оказывались слегка повернуты вверх. Однако они в основном еще выдавались вовне. На лошадях с рельефов

из Персеполя (ок. 500 г. до н. э.) ясно видны фаллос, копыто, а также кольцо поводьев; весьма вероятно, что эти удила относятся к данному типу. Псалии здесь почти прямые, с боковыми дужками, только слегка загнутыми вверх. Иные же художники, возможно, загибали концы более резко, чтобы намекнуть на внешнюю выступающую часть, которую они были не в силах изобразить в правильной перспективе. Впрочем, кажется, что большинство удил с искривленными псалиями, запечатленное в скульптуре и вазовой живописи, другого вида.

Несколько экземпляров удил грубого типа было найдено в Закавказье, в могилах, которые можно датировать IX—VIII вв. до н. э.¹⁷⁹ Будучи отлитыми (шпы и все прочее) только в двух кусках, они, должно быть, были гораздо дешевле и проще в производстве, чем греческие удила с «валиками»; с другой стороны, они, надо полагать, почти не были «гибкими». Не исключено, что этот тип появился у цивилизованных стран Бронзового века, возможно, в царстве Урарту, или Арарат, а не у кочевников, и существовал довольно долго: когда Александр Великий захватил Персеполь, такие удила входили в состав стандартного снаряжения персидской кавалерии¹⁸⁰. Влияние Урарту на греческую металлообработку может быть прослежено до VII в. до н. э. Однако в настоящее время только два образца этого типа удил известны в Греции, из которых самый ранний был найден в развалинах, оставшихся после захвата персами афинского акрополя в 480 г. до н. э., и весьма вероятно, что они персидские¹⁸¹. Данные удила практически идентичны удилам из Персеполя. Изображение ноги и копыта на одной боковой дужке псалия выполнено условно, и есть шишка на другой дужке вместо фаллоса.

Второй образец из Греции (очевидно, греческого производства) имел утолщения на всех четырех боковых дужках псалиев. Он был обнаружен в развалинах Олинфа, разрушенного в 348 г. до н. э. Филиппом II Македонским¹⁸².

К этому типу грубых удил близки удила с трехчастным грызлом. Кольцо для крепления поводьев, псалии и грызло опять-таки отлиты так, что составляли единое целое, но части грызла соединяются не друг с другом, а с большим кольцом, которое служит связующим звеном. Все части мундштука покрыты грубыми шипами. Этот тип удил имеет одно преимущество над типом из двух кусков в том, что его главные части являются зеркальными отображениями друг друга и могут быть отлиты из одной литейной формы.

У образцов из Ассирии¹⁸³ и из неизвестного источника¹⁸⁴ есть выступающие боковые дужки псалиев, очень похожие на те, которые показаны на Илл. 35 b, но без копыт и фаллосов. Опасность того, что боковые дужки псалиев могли цепляться за препятствия или за сбрую других лошадей, очевидна. Псалии, возможно, загнуты вовне, чтобы лошадь была не в состоянии ухватиться за концы боковой дужки псалия и закусить его между зубами. Когда псалии и грызло делались отдельно, то лучше было загибать концы вверх; но когда псалии отливались вместе с мундштуком, то литейная форма была бы чрезвычайно сложной, если бы все части литья не лежали в одной горизонтальной плоскости. Илл. 35 c демонстрирует более поздний образец (IV в. до н. э.?) из Персеполя. Он имеет прямые боковые дужки псалия и внешне выглядит тяжелым и неуклюжим, причем шишки гораздо ощутимее, чем на других удилах, обнаруженных вместе с ними. По-видимому, более грубые, тяжелые удила использовались для объездки и первоначальной подготовки лошадей, как рекомендует Ксенофонт, а не для обычной верховой езды¹⁸⁵.

Конечно, гладкие удила можно было сделать такими же, как и грубые, за исключением грызел, отлитых без шипов. В Деве-Гююк вместе с двумя парами гладких удил был найден один экземпляр грубых; также двусоставные гладкие удила неизвестного происхождения (хранятся в Каире) имеют псалии, которые хотя и были сломаны, кажется, сходны с теми, что имелись на грубых ассирийских трехчастных удилах¹⁸⁶. Более очевидно родство между типами гладких двух- и трехсоставных удил, получивших, как говорят их находки, распространение от Венгрии до Курдистана¹⁸⁷.

Итак, судя по источникам, отлитые из бронзы тяжелые удила с грубыми грызлами использовались в Месопотамии и соседних странах в период, когда возросло не только военное значение конницы, но и сноровка и уверенность в себе всадников. Охотники царя Ашшурбанапала носят удила с кольцами для крепления поводьев, которые, похоже, составляют единое целое вместе с псалиями. Они, возможно, поэтому сделаны из бронзы и предположительно имеют грубые грызла. Но его обозные мулы и кавалерийские лошади царя Синнахериба полувеком раньше имели более грубые псалии, которые, вероятно, были сделаны из рога и имели гладкие грызла, подвешенные на них.

Грубые удила деве-поюкского типа продолжали использоваться почти в неизменной форме персами до падения их империи, а также греками в IV в. до н. э. «Гибкий» тип, описанный в предыдущей главе, не заменил их полностью, будучи более сложным и поэтому более дорогим в изготовлении. Однако использование грубых удил для верховой езды не было повсеместным, хотя, возможно, и становилось постепенно все более распространенным. Осознание того, что грубые удила позволяют управлять норовистыми лошадьми, могло укрепить уверенность в себе и повысить сноровку позднеассирийских всадников и их преемников в Азии и Европе; но ясно, что это не способствовало развитию верховой езды.

Не обнаружено никаких прямых свидетельств использования грубых бронзовых грызел в Греции до начала Греко-персидских войн. Однако удила с искривленными псалиями определенно появились в Греции, как это доказал Ялурис, ок. середины VII в. до н. э.¹⁸⁸ Искривленный псалий впервые виден на коринфских вазах. На одном из наиболее ранних образцов изображен Беллерофонт, выходящий на бой с Химерой. Его ноги большей частью скрыты крыльями Пегаса, но тело расслаблено и посадка уверенная, что заметно контрастирует с некоторыми беотийскими или аттическими образцами того времени. Этот рисунок, очевидно, был сделан незадолго до 650 г. до н. э. — примерно в те годы, таким образом, когда начались конные состязания в Олимпии; к тому же в следующем поколении в коринфском искусстве прослеживается сильное ассирийское влияние¹⁸⁹. В этом случае можно предположить, что удила с искривленными псалиями завезли в Грецию из Ассирии коринфяне, и вполне вероятно, что среди них были удила с грубыми грызлами.

Из Коринфа искривленные псалии начали распространяться по всей Греции с конца VII в. до н. э. В аттической черно- и краснофигурной вазовой живописи это самый распространенный тип. Но то, что удила имеют искривленные псалии или изображены художником архаического периода вместе с ними, еще не доказывает, что грызла данных удил грубое. Этот факт нашел подтверждение благодаря группе из четырех удил,

найденных в Олимпии и датированных, судя по остальным предметам, примерно 550—490 гг. до н. э.¹⁹⁰

Самый лучший из них образец сделан из бронзы. Он был упомянут в связи с «грубыми подвижными» удилами с валиками вокруг их грызла. Грызло представляет собой прямой прут, заключенный в узкую трубку, которая, очевидно, вращалась и которой лошадь могла поиграть во рту. Концы прута проходили через отверстия в середине искривленных псалий, имелись кольца, соединенные с короткими ручками для прикрепления поводьев, которые свободно вращались около внешних концов грызла. Валик (насколько я знаю, это самый ранний образец) и кольца для крепления поводьев предвосхищают удила IV в. до н. э., описанные в предыдущей главе, но у них нет ни их грубости, ни их гибкости. По-видимому, они являются посвященным даром удачливого владельца скаковой лошади, хотя какой лошади они принадлежали — верховой или колесничной — неизвестно.

Три других экземпляра изготовлены из железа и имеют грызла, состоящие из двух частей. У самого простого экземпляра искривленные псалий с большими кольцами, через которые проходят ушки грызла (а не крючки для поводьев). У второго имеются крючки для поводьев, но нет псалиев; возможно, они были сделаны из недолговечного материала. У третьего экземпляра (наиболее примечательного) псалий слегка согнуты к каждому краю, в виде длинной узкой буквы S. Кольца для суголовных ремней уздечки прикреплены таким образом, что концы S, вероятно, загибались кверху и книзу, а не внутрь и наружу. Между кольцами суголовных ремней и на противоположной стороне есть другое кольцо, которое соединяется с кольцом на конце части грызла. Крючки для поводьев также свешиваются с концов частей грызла — внутри псалий, что весьма необычно. Части грызла утолщены и огрублены, будучи обмотанными железной проволокой. S-образная, а не в виде полумесяца форма псалий, конечно, не означает, что эти удила функционировали по-иному. Но стоит отметить, что S-образная форма была известна (хотя, очевидно, и не слишком широко) в сфере ассирийского влияния при Тиглатпаласаре III (745—727 гг. до н. э.), т. е. в период, когда на рельефах появляется наиболее распространенная форма в виде полумесяца¹⁹¹. Деревянные S-образные псалий с концами, вырезанными в виде голов животных, были найдены в Пазырыке¹⁹² (конец V — начало IV в. до н. э.), а бронзовые, которые не могут быть точно датированы, но, вероятно, довольно поздние, обнаружены в Дельфах, Додоне и Олимпии¹⁹³. Все они имеют концы, загнутые вверх и вниз, а не внутрь и наружу.

Данные вазописи, таким образом, говорят лишь о том, что коринфяне ввели новую форму (или формы ?) удила и что эта форма (или формы ?) быстро распространилась по всей Греции в конце VII и начале VI в. до н. э. Я не исключаю, что некоторые из этих новых удила имели грубые грызла. Мастера по обработке бронзы из Коринфа были одними из самых знаменитых в древности и вполне могли отлить шипы; и действительно, валики с шипами для удила были найдены в Коринфе и его Перохоре¹⁹⁴. (Но они, правда, их датировка неясна, очевидно, довольно поздние.) Валиковое грызло предположительно является греческим изобретением, хотя Александрова мозаика из Помпеи (вероятно, копия оригинала конца IV в. до н. э.) предполагает, что некоторые персидские всадники использовали их так же, как и жесткий тип, найденный в Персеполе.

Как указывает Ялурис, легенда о золотых удилах и уздечке, которые Афина дала Беллерофонту, была тесно связана с Коринфом, и даже существовало предание, что удила

изобрели именно там¹⁹⁵. Однако не следует преувеличивать достижений коринфян в этой области. Появились ли удила в тех местах, где прежде были известны только нахрапники, благодаря коринфянам или они просто ввели в обиход удила более сильного действия, все равно их изобретением не было то, что сделало возможной верховую езду или даже использование кавалерии. Изображения всадников, из которых лишь немногие вооружены и тем более сражаются верхом, появляются во все большем числе в аттическом и беотийском искусстве с конца VIII в. до н. э.

Необходимо помнить, что у древних не было стремян, и поэтому когда они пытались остановить своих лошадей, они находились в таком же положении, что и человек, пытающийся грести в лодке без подпорки для ног.

Колесничие, имевшие в колеснице под ногами доски, находились в лучшем положении. Примечательно, что кельтские племена, об использовании которыми особенно жестких подгубноремненных удил говорилось в предыдущей главе, также развили кольцевой трензель современной формы. Его обнаружили в Центральной Европе, Франции, Англии и Ирландии. Судя по всему, он применялся главным образом для езды на колесницах. Данный трензель обычно имел гладкое двух- или трехчастное грызло, однако известны и плоские полумесяцы. Я полагаю, что они появились в период латена (La Tène), став результатом усовершенствования трензелей с псалиями, снабженных кольцами для крепления поводьев, которые были приделаны к концам частей грызла. Но изучением этого вопроса должен заняться специалист, более знакомый с кельтскими древностями.

К началу новой эры римляне, в свою очередь, отказались от относительно неудобного трензеля с псалиями. На конных статуях и рельефах раннеимператорского периода суголовный ремень уздечки не разделяется и прикрепляется прямо к концу грызла. Поводья также обычно прикрепляются к концу грызла, который украшен небольшим металлическим диском — слишком маленьким, чтобы помешать удилам съезжать на бок через рот. Чтобы удержать удила на месте, нахрапник прикреплен к суголовным ремням несколькими дюймами выше уголков рта. Возможно, он шел прямо вокруг носа лошади (как на статуе Марка Аврелия в Риме) или только вокруг лба (как на статуях Бальбов из Геркуланума). Он часто потом крепился ремнем, проходившим под передней частью носа лошади, и позволял свободно играть только нескольким дюймам суголовного ремня, который висел под ним. Украшенные металлические диски скрывали соединения ремней.

Упоминания о «волках» на удилах не раз встречаются в латинской литературе и дают основания предполагать, что грызло было часто украшено острыми шипами.

Второй тип грызла, использовавшегося в Римской империи, показан на Илл. 37 b. Он сконструирован так, чтобы вонзаться в небо лошади; в то же самое время psalion (см. на той же Илл.; оба образца были найдены вместе) мешал лошади высвободиться, поднимая голову и раскрыв рот. Поводья прикреплялись к металлическим ручкам, которые висели свободно с концов мундштука. Полоса, которая связывает эти рукояти, не действует как подгубный ремень, поскольку она лежит не в подбородочном желобе лошади, а находится ниже его.

Подводя итог, отметим следующее. Кажется, что верховая езда не стала возможной вследствие изобретения жестких удил. Но, очевидно, поскольку люди пристрастились к верховой езде вместо передвижения в битву на колеснице, было обнаружено, что дополнительный контроль, который давали жесткие удила, необходим, по крайней мере, если говорить о народах, скакавших на породах норовистых лошадей, разводившихся в Северо-западной Азии и в Южной Европе. (И здесь мы можем констатировать, что лошади, на которых скакали в битву в VII в. до н. э., были крупнее, сильнее и норовистее, чем те, на которых ездили тысячу лет назад, хотя, как было показано в первых двух главах, это улучшение не было результатом внезапного появления прежде неизвестной породы.) Скифы на своих выносливых пони обычно использовали гладкие удила, а народы Северной Африки вовсе управлялись без удил (хотя их пример не был воспринят римскими завоевателями). Вместе с тем грубое грызло, кавессон и (после его изобретения) подгубный ремень стали применяться регулярной конницей цивилизованных государств и были существенны для ее развития, даже если они и не использовались на каждой лошади постоянно. Правда, и при этих усовершенствованиях опасность того, что лошадь понесет, была больше, чем при наличии стремян. Судьба Авла Аттика в битве у горы Грампей, *juvenili ardore et ferocia equi hostibus inlatus* («увлеченного в гущу врагов молодым задором и неукротимым конем»), хорошо известна¹⁹⁶. И еще лучше известна судьба Кира Младшего, скакун которого Пасакас нес царевича, кричавшего: «С дороги, оборванцы!» — пока его не убили воины из армии брата¹⁹⁷.

У колесницы было огромное преимущество перед всадником, поскольку воину не приходилось заниматься управлением лошади. «Приходи поэтому, бери хлыст и сияющие поводья, а я встану на колесницу, чтобы сражаться, — говорит Эней Пандару, — или в противном случае ты будешь сражаться с ним, а за лошадьми буду следить я»¹⁹⁸. Можно попутно вспомнить одного пехотного капитана из «Панча»*, который, когда его попросили «сесть на лошадь и обучить батальон», ответил, что он бы «сперва обучил батальон, а потом уж сел на лошадь».

Даже после того как кавалерия начала вытеснять колесницы, верховая езда и конный бой все еще оставались делом двух людей. Лэйярд отметил, что в IX в. до н. э. ассирийские конные лучники часто сопровождались помощниками, несшими управляющие поводья¹⁹⁹, и мы увидим ниже, что тяжелые драгуны, если их можно так называть, которые спешили для битвы и передавали своих лошадей молодым оруженосцам, чтобы те держали их, составляли часть армий, по крайней мере, некоторых греческих государств в конце VII в. и начале VI в. до н. э. Подобная мера имела то преимущество, что знакомила молодежь с боем, не подвергая ее опасностям сражения. Возможно, какие-то воспоминания об этом дожили до IV в. н. э. В «Государстве» Платона дети должны получать «крылья», чтобы их вывозили при возникновении угрозы — верхом, т. е. на быстрых, но спокойных лошадях — и водили смотреть, как сражаются старшие²⁰⁰. Впрочем, любая система в целом, при которой воин не управлял своей собственной лошадью, изнуряла силы как человека, так и животного.

ЧЕПРАКИ, ОДЕЖДА И ДРУГИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Ассирийская конница использовала чепраки, которые иногда покрывали довольно значительную часть тела лошади, служа таким образом защитой в бою, а также обеспечивая всадникам более безопасную и удобную посадку. Поскольку греки, видимо, позаимствовали у ассирийцев оптимальную форму удил, применявшихся в VII в. до н. э., то можно было бы ожидать, что они также скопируют и ассирийский чепрак, даже если ничего подобного ранее не использовалось²⁰¹. Однако, по сути, ни у кого из всадников, которых можно увидеть на вазах и иных памятниках материальной культуры из Коринфа, Афин, Спарты и других городов материковой Греции до IV в. до н. э., седел нет. Изображения чепраков известны только на побережье Малой Азии и соседних островах. Они датируются самое раннее второй половиной VI в. до н. э., т. е. многим временем спустя после падения Ассирийской империи, когда уже набирала силу новая держава — Персидское царство. Персидское влияние усматривают в зубчатых краях чепраков, которые мы видим на вазах, сделанных в Клазоменах близ Смирны и Камире на Родосе. Эти чепраки сравнимы с теми, которые носили персидские лошади, изображенные на каменных печатях ахеменидского периода, и на Александровой мозаике из Помпеи. Некоторые чепраки на ассирийских рельефах имеют края, украшенные бахромой в виде кисточек, но у них нет зубчатых краев. Чепраки с ровными краями появляются на клазоменских глиняных саркофагах ок. 500 г. до н. э.²⁰² и на монетах Филиппа Македонского, отца Александра Великого, в середине IV в. до н. э., а также на одном более раннем рельефе, хранящемся в Британском музее, из полугреческого города Ксанфа в Ликии.

Подчас в качестве чепраков, вероятно, использовались шкуры животных. На ассирийских рельефах VII в. до н. э. иногда изображается то, что, возможно, является овечьими шкурами со свободно свешивающимися вниз ногами. Они перебрасывались через большой кусок ткани, который покрывал тело лошади, чтобы действовать как дополнительная подкладка для места, где сидит всадник. В греческом искусстве шкуры крупных животных, таких как львы и пантеры, использовались в качестве чепраков амазонками и другими легендарными персонажами даже в V в. до н. э.²⁰³ Львиные шкуры, переброшенные через спины лошадей, изображены на настенной живописи из македонских захоронений, относящихся к эллинистическому периоду. Мужчина, погребенный в одном из них, показан в образе всадника-победителя и, возможно, сознательно наделен героическими атрибутами. Конечно, лошадь Энея, *quem fulva leonis pellis obit totum praefulgens unguibus aureis**, более подобает эпическому герою, чем обычному знатному всаднику.

На сосуде для смешиваний первой половины IV в. до н. э., находящемся сейчас в Лувре, изображена битва между аримаслами и грифонами. Некоторые из аримаспов изображены верхом, а на одной свободной лошади, скачущей без седока, мы видим шкуру пантеры, закрепленную вокруг шеи с помощью нагрудного ремня. Эта шкура, не удерживаемая ни подпругой, ни подхвостником, развевается над спиной лошади, а длинный хвост (конечно, пантеры, а не оленя) свисает сзади. С другой стороны, ни у кого из всадников нет седел,

поэтому вполне вероятно, что шкура пантеры изображалась лишь в тех случаях, когда она была хорошо видна на теле лошади²⁰⁴.

Как можно заключить из сказанного, греческие художники предпочитали рисовать всадников без седел, чтобы не исказить линий тела коней. Однако вряд ли верно говорить об «условности художника», как это было, например, в эпоху Людовика XIV, когда живописцы одевали царей и героев в алонжевые парики и римские тоги и сажали их с обнаженными ногами на лошадей без седел. Замечания Ксенофонта о посадке всадника годятся независимо от того, скачет всадник без седла или на чепраке. Он поучает конюха, как надевать на лошадь уздечку, а не седло, и часто рассуждает о взнузданных конях там, где современный автор скорее говорил бы о том, как надевать седла. Ксенофонт пишет, что персидские всадники стреноживают, расседлывают и разнуздывают своих лошадей. Поэтому лошадь оказывается беспомощной в случае ночной атаки. Греческий автор также укоряет персов за то, что они укладывают слишком много покрывал на лошадей, поскольку думают больше об удобстве, чем о безопасности²⁰⁵.

Хотя я говорю «оседлывать», однако для этого периода нет никаких свидетельств об использовании настоящих седел с жестким каркасом ни в Греции, ни в Персии. Чепрак Ксенофонта укладывается туда, где сидит всадник, чтобы сделать его посадку более безопасной и избежать повреждения спины лошади, но это еще не означает применения жесткого каркаса. Край куса плотной ткани способен легко врезаться в тело коня, особенно позади холки²⁰⁶.

Ксенофонт лишь упоминает чепрак. И если не считать его рассуждений о кавалерийском вооружении, то можно предполагать, что чепрак, по его мнению, скорее защищал лошадь, чем помогал всаднику. Поскольку рекомендуемый писателем комплекс вооружения был весьма продуманным и включал в себя множество элементов, то вполне вероятно, что древние греки (очевидно, за исключением богатой Ионии) обычно скакали без седел, как это и изображено на памятниках.

Тем временем кочевники Центральной Азии начали использовать седла, хотя и довольно примитивной конструкции. Раскопки захоронения в Пазырыке дали наглядные образцы двух типов седел: первый тип, более простой, состоявший лишь из двух войлочных подушек, предназначенных для того, чтобы лежать на каждой стороне хребта лошади; и второй, более продуманный, с обшитым деревянным каркасом, выполнявшим функции передней и задней луки седла. Эти седла надевались поверх больших нарядно украшенных чепраков и крепились нагрудным ремнем, подпругой и подхвостником. Чепраки, вырезанные в форме квадратов и окаймленные бахромой из кисточек, напоминают нам те, что мы видим на персидских памятниках, а один, украшенный изображением шествия львов, возможно, был предметом персидского импорта²⁰⁷. Коль скоро кочевники позаимствовали персидские чепраки, не исключено, что персы копировали их седла, и это может объяснить насмешливые комментарии Ксенофонта. Однако он определенно говорит о «покрывалах», а не о «подушках» и «подкладках», и поэтому вероятнее, что речь идет о дополнительных тканях, предположительно стеганых.

Выдвигалась гипотеза, что ремни, которые мы видим свободно висящими с седел или чепраков на изображениях скифов IV в. до н. э., служили стремянами, но это

свидетельство довольно сомнительно, и, конечно, никаких настоящих стремян не появляется в течение почти всего последующего тысячелетия. Более того, ни на одном из изображений не встречается всадник, действительно использующий эти предполагаемые стремянные ремни. К тому же трудно объяснить, почему такое ценное изобретение было забыто теми, кто его сделал, не говоря уже о соседних народах²⁰⁸.

О том, как нелегко сдерживать брыкающуюся лошадь без стремян, лишь охватывая ее ногами, уже говорилось. Трудность посадки на лошадь без стремян еще более очевидна, хотя некоторые современные ученые и преувеличивают ее. Как указывалось в первых двух главах, лошади классической древности не отличались крупными размерами, и даже представители нисейской породы были скорее массивными, чем высокими. Я полагаю, что мало кому из молодых людей или людей среднего возраста будет сложно сесть на неоседланного коня высотой в пятнадцать ладоней, хотя, конечно, вскочить на нее с земли одним махом — совершенно другое дело.

Конюху, продолжает Ксенофонт, следует «знать, как подсаживать всадника на персидский манер, чтобы у его хозяина был человек, который в состоянии помочь ему, если он заболел или уже в годах, или если захочет оказать эту услугу кому-либо, предоставив в его распоряжение кого-то, кто в помощь». Молодые афинские всадники также должны помогать своим старшим товарищам садиться на лошадь на «персидский манер»²⁰⁹, поэтому, возможно, конюхи не просто опускались на колени, а служили опорой, как вынуждали поступать плененных врагов персидских монархов, судя по изображениям на поздних памятниках.

У нас очень мало сведений об опорах, хотя Плутарх замечает, что одним из достоинств прекрасных новых дорог, построенных в Италии Гаем Гракхом, были камни, «расставленные на небольшом расстоянии друг от друга по обеим сторонам пути, с помощью которых путешественники могли сесть на лошадь, не нуждаясь в конюхе»²¹⁰.

Ксенофонт также растолковывает, как конюху «заставить лошадь опуститься самой» (возможно, подгибая передние ноги: ведь сидение на корточках, как это понимает Поллукс²¹¹, является особенно неудобным), «чтобы сделать посадку легкой. Но мы считаем, что всаднику полезно потренироваться, чтобы уметь сесть на коня, даже когда тот упрямится. Всякие лошади попадают, и не всегда одна и та же лошадь одинаково послушна»²¹². Этот выраженный в мягкой форме совет афинскому любителю верховой езды можно сравнить с инструкциями Арриана для римских профессионалов-военных, которые умели садиться на коня всеми возможными способами и даже запрыгивали на скачущую галопом лошадь в полном вооружении. То, что эти инструкции носили практический характер, явствует из речи императора Адриана, обращенной к кавалерийской части, которую он инспектировал²¹³.

Подробное объяснение того, как садиться на лошадь без помощи конюха, дан в начале седьмой главы трактата Ксенофонта о верховой езде. Всадник должен взять поводья в правую руку у холки, держась за гриву, чтобы не поранить рот лошади, а в левую руку — чумбур, прикрепленный к кавессону или подбородному ремню уздечки, ослабив его, опять-таки чтобы не поранить лошадь. Его левая рука держалась либо за гриву за ушами лошади, либо, если всадник был вооружен, сжимала копьё, и в этом случае нижний конец

копья упирался бы в землю для того, чтобы помочь левой руке в момент прыжка. Было также полезно практиковаться в запрыгивании с правой стороны, поскольку при этом всадник с самого начала держал копье в правой руке и ему не требовалось менять руку после того, как он уже сидел на коне.

То, как вскакивали на лошадь одним прыжком при помощи копья, показано на чаше, хранящейся в Мюнхене и расписанной ок. 500 г. до н. э.²¹⁴, но это, видимо, лишь упражнение для обучающихся верховой езде. Для этого требуется спокойная лошадь и, вероятно, еще тот, кто будет ее держать, поскольку садящийся приближается с некоторого расстояния, уцепившись обеими руками за шест и не трогая поводьев.

Предположение, что копье может быть поставлено напротив бока лошади под углом, дабы обеспечить опору для ноги, не подтверждается источниками, и у копья, конечно, не было ступеньки посередине древка²¹⁵. Взрослому человеку даже обычного телосложения будет не слишком трудно сесть на маленькую неоседланную лошадку (хотя мальчик, очевидно, испытывает затруднения; прыжок ему не удался, и он висит на поводьях, доставляя явное неудобство лошади; и если учитель не подтолкнет его на спину лошади, то он упадет на землю²¹⁶).

Спешивание с лошади, о котором Ксенофонт ничего не говорит, часто можно наблюдать на различных изображениях²¹⁷. Почти на всех рисунках мы видим всадника, соскальзывающего вниз спиной к лошади; т. е. он, вероятно, закидывал правую ногу (если слезал на левую сторону) над шеей лошади. Правда, когда он поворачивался назад и отпускал удила, то терял контроль над нею; более того, он мог ударить шею животного пяткой (возможно, с надетой на нее шпорой), когда переносил ногу на другую сторону. Однако, с точки зрения художника, такой способ спешивания имел и свои преимущества, ибо это давало повод показать человека спереди. Более того, воин, прыгающий вниз, чтобы атаковать врага, был обращен лицом к противнику, а его спина была прикрыта лошадью, хотя бы только в тот очень ответственный момент, когда он становился на ноги. Если всадник держал щит в своей левой руке, то щит находился в стороне от лошади.

Спешивание тем способом, который в настоящее время повсеместно принят, т. е. закидывание ноги над задом лошади, редко встречается на древних рисунках²¹⁸, но это еще не означает, что он редко использовался.

Греческих лошадей иногда украшали большими хомутами, увешанными декоративными металлическими дисками, кисточками и даже зубами²¹⁹. Возможно, это делалось для того, чтобы уберечься от дурного глаза. Их носили клазоменские кони, и они, вероятно, отличались от нагрудных ремней, крепящих чепраки, и от нагрудника, детали вооружения, предназначенной для защиты груди. Они также появляются у лошадей из Аттики, на которых скакали без седел, что очень хорошо видно у коня Кастора на Эксекийской большой амфоре, хранящейся в Ватикане. То, что эти украшения не служили для какой-то практической цели, понятно из истории Ксенофонта об обмене любезностями между царем Агесилаем и сыном персидского сатрапа Фарнабаза, который, когда персы уже удалялись после переговоров, вдруг неожиданно вернулся и, подъехав к Агесилаю, подарил ему богато украшенный дротик, пожелав связать себя с ним узами гостеприимства. Царь согласился и, очевидно, не будучи готов к такому обороту, вручил в

качестве ответного дара красивые медальоны (phalara), висевшие на шее лошади его секретаря²²⁰. Вряд ли он смог бы это сделать, если бы они были прикреплены к какой-нибудь необходимой части сбруи.

Декоративные медальоны, висели ли они вокруг шей лошадей или же использовались для украшения оголовья их уздечек, по-видимому, были более популярны в Малой Азии, чем в материковой Греции. Их редко изображали на вазах до IV в. до н. э., и сохранившиеся образцы относятся именно к этому веку²²¹.

Теперь перейдем от лошади к всаднику. Обращает на себя внимание отсутствие у него какой-либо особой одежды, функционально приспособленной для верховой езды и предназначенной только для наездников²²². В Греции большую часть года довольно жарко, а потому нет большой нужды в штанах²²³. Греки знали о них от соседей-варваров, и эллинские художники часто изображали эту часть одежды. Юные модники иногда, возможно, носили их, как они подчас носили фракийские узорчатые плащи или шляпы, или обувь, а поскольку богатые молодые люди в Афинах и других городах держали собственных лошадей и служили в коннице, то эти иноземные одежды использовались для верховой езды, когда они использовались вообще. Однако подобное заимствование встречалось не везде. Как мне кажется, отказавшись от штанов, греческие всадники вряд ли что-то потеряли, за исключением разве что некоторой защиты в бою, которую была способна обеспечить эта часть одежды. Облачившись же в длинные ниспадающие одеяния, они, естественно, испытывали бы неудобства. Так что обычно всадники носили короткие туники, доходившие только до середины бедер, подпоясанные на талии и приколотые булавками на плечах. Поэтому всадник мог сидеть с обнаженными ногами, непосредственно касаясь ими непокрытой спины лошади, и это, как я сам проверил, позволяет куда крепче обхватить лошадь, чем когда на ногах штаны. В данном случае мы можем вспомнить заметки Карлайла о Боливаровой «дикой кавалерии, одетой в плащи». «Множество всадников повстанческой армии скакали в этом жарком климате без какой-либо другой одежды, а когда начинался бой, то они сражались великолепно, обертывая плащ вокруг руки». Ксенофонт предупреждает «о неподобающем виде сзади» при посадке, но всадник, сев на коня, был достаточно укрыт туникой. Впрочем, ему следовало соблюдать осторожность, чтобы свободные складки, попав под него, не натирали язвы²²⁴.

Поверх туники (хитон) могли носить короткий плащ (хламида), заколотый большой брошью на одном или на двух плечах. Мягкую, неглубоко сидящую, широкополую шляпу надевали на голову или откидывали назад, и она висела за плечами на подбородочном ремне. Для защиты нижней части ноги использовали различную обувь. На вазовой живописи показано два вида: это или узкие ремни, плотно обмотанные вокруг ступней и голеней, или высокие сапоги, зашнурованные спереди, с элегантным, украшенным фестонами верхом. Пастухи, охотники и другие сельские жители часто носили обувь первого типа; обувь же второго типа, имеющую фракийское происхождение, нередко использовали всадники. У обоих этих видов обуви была плоская подошва, в каблуках до изобретения шпор не было необходимости.

Не только обувь, но и весь костюм — хитон, хламиду и шляпу — обычно носили охотники, пастухи, путешественники или вообще те, чей род занятий побуждал к большой активности на свежем воздухе. Это не было униформой в строгом смысле слова, хотя ее и носила молодежь в афинской кавалерии²²⁵. Ее усовершенствованная форма датируется,

по-видимому, не ранее конца VI в. до н. э.; на вазах VII—VI вв. всадников обычно изображали в плотно облегающем тело хитоне и без хламиды.

В скульптуре и живописи запечатлено немало обнаженных всадников. Конечно, многие молодые люди действительно ездили верхом обнаженными, особенно во время конных состязаний или при обучении лошадей на тренировочной площадке, но для обычных целей какая-то одежда была все же необходима, хотя бы как защита от солнца и непогоды.

Наездника можно было отличить если не по одежде, то по шпорам. Феофраст в конце IV в. до н. э. характеризовал Человека Мелкого Честолюбия следующим образом: «После торжественного шествия всадников он велит своему рабу отнести домой все вещи и снаряжение, а сам, накинув гиматий*, красуется, прогуливаясь по агоре в шпорах»²²⁶. Древние использовали простые колющие шпоры с коротким, но острым концом, которые прикреплялись или к голей пятке или к обуви. Некоторые шпоры из числа обнаруженных в захоронениях²²⁷, возможно, носили на левой ноге, чтобы лошадью можно было править шпорой и палкой в правой руке²²⁸. Однако маловероятно, что две шпоры, которые были обычным делом во времена Феофраста, заставляли лошадь двигаться в каком-то определенном направлении.

Шпоры использовались в Афинах в конце V в. до н. э., так как Поллукс цитирует комических поэтов Ферекрата и Крата, которые пишут о всадниках, привязывающих «стрекало к ногам возле пятки» и использующих «хлыст на лодыжных костях»²²⁹. Не исключено, что они просто посмеивались над новинкой. Во всяком случае, отсутствие более ранних литературных или археологических свидетельств позволяет предположить, что шпоры были неизвестны до V в. до н. э.

Ксенофонт говорит, что всаднику, который учит свою лошадь прыгать, следует ударять ее «оводом», чтобы заставить ту сосредоточиться, т. е. уверенно нести свои задние ноги и зад под корпусом. В данном контексте явно имеется в виду шпора, хотя Поллукс упоминает «овод» среди синонимов для стрекала, используемого колесничными²³⁰. Правда, стрекало не подходит для всадника, но удар им может заставить лошадь напрячь все силы и прыгнуть дальше, чем она собиралась, так что Ксенофонт рекомендует этот способ как наиболее безопасный и для лошади и для всадника (ср. историю Гамильтона о Босвелхоу, убийце регента Мюррея: когда на него наседали преследователи, он ударил своего коня кинжалом и тем заставил его сделать гигантский прыжок, в результате чего ускользнул от погони)²³¹.

Слово *kentron*, или стрекало, для тех больших прутьев, которые часто использовали ездившие на скаковых лошадях мальчики и другие всадники, здесь не подходит. По моему мнению, коня им шлепали, а не кололи; если же нужно колоть, то для всадника более удобен инструмент с короткой ручкой, как кинжал Босвелхоу.

Хлысты с несколькими короткими ремнями применялись также. Я не обнаружил греческих образцов, датируемых ранее чем V в. до н. э.²³², но так как они имелись у ассирийцев, то, я думаю, они были и у греков.

Глава VII

УПРАВЛЕНИЕ КОНЮШНЯМИ

Обычно кобыл с жеребятами выпускали свободно пастись на лугах. Однако безопасность и удобство требовали, чтобы как рабочая лошадь, так и боевой скакун находились в конюшне рядом с хозяйским домом. Ксенофонт полагал, что типичный афинский всадник IV в. до н. э., главный адресат его сочинений, живет в городе, но владеет небольшим поместьем в Аттике, с которого получает основную часть своих доходов и которое посещает — возможно, верхом — почти каждый день. Разумеется, лошадь, в мирное время ходящая в упряжке, а в военное служащая боевым скакуном, стоит рядом с домом хозяина, обычно в каком-нибудь внешнем строении, примыкающем к нему²³³.

Ни одного плана греческих конюшен не сохранилось. Однако Ксенофонт, судя по всему, видит разницу между конюшнями в целом (*stathmos*), включающими в себя «внешние конюшни», или двор, и стойлами (*hippon*), где находились ясли²³⁴. Очень важно, чтобы конюшни были снабжены водостоками и замощены; двор также следовало замостить «четырьмя или пятью повозками округлых камней около фунта весом, разбросав их, как придется, и окруженных железным бордюром, чтобы камни оставались в пределах двора»²³⁵. Это делалось для того, чтобы копыта лошади были твердыми и имели хорошую форму. Стояние на влажной земле размягчало их; по той же самой причине не следовало мыть коню ноги во время чистки²³⁶. И когда его чистили, и когда он отгонял насекомых, конь, как и во время прогулки, ступал по круглым камням. Это укрепляло копыта (а заодно и их стрелки) и помогало им сохранять округлую форму²³⁷, что было необходимо, поскольку греки не подковывали и не подрезали их.

С точки зрения анатомии нога у лошади соответствует человеческому пальцу, только коготь превратился в роговое покрытие, или «валик», который обнимает переднюю и боковые части копыта. Подобно человеческому ногтю, «валик» нечувствителен и растет постоянно. В передней части копыта он выше и отрастает быстрее, чем сзади.

Если лошадь не подкована, то нижний слой «валика», который находится на земле, постоянно стирается. Однако при мягкой почве стирание незначительно, и тогда копыто растет быстрее, чем стирается, и становится таким длинным, что это не просто выглядит уродливо, но и мешает движениям лошади. В таком случае на копытах (особенно если они были размягчены чрезмерной влажностью) могли произойти крупные надломы, что повредило бы ногу. Более того, когда передняя часть копыта растет быстрее, чем пятка, то

заднее сухожилие ноги испытывает чрезмерное напряжение. В настоящее время мы избегаем всех этих проблем, подстригая и подпиливая копыта²³⁸.

Нижняя часть ноги лошади защищена толстой роговой нечувствительной подошвой, в середине которой находится стрелка копыта, роговая подушка в виде треугольника, не такая твердая, как «валик» или подошва, чья вершина обращена к передней части копыта, а основа находится между пятками. Она разделена сзади глубокой расщелиной, которая отчасти придает ей форму ласточкина хвоста (отсюда ее греческое название «ласточка»). Она нечувствительна и действует как амортизатор, а кроме того, обеспечивает лошади лучшее сцепление с поверхностью.

Ксенофонт справедливо замечает, что проверку тела следует начинать с ног. «Как нет никакой пользы от дома, в котором крыша хороша, а фундамент не такой, как следует, точно так же нет пользы от боевого коня, даже если все у него хорошо, а ноги плохи»²³⁹.

Искусство прибивания подков было неизвестно древним грекам, хотя в чрезвычайных обстоятельствах они могли придумывать какой-нибудь способ защиты для ног. Так, Десять тысяч Ксенофонта при походе через Армению обвязывали мешковиной ноги своих лошадей и обозных животных, чтобы те не вязли в снегу²⁴⁰. Аристотель пишет об обуви, оберегающей ноги войсковых верблюдов. Она рекомендуется римскими писателями, специалистами по сельскому хозяйству, при лечении поврежденных ног тягловых лошадей²⁴¹.

Съемные металлические башмаки римского периода известны современным коллекционерам древностей как «гиппосандалии». Эксперименты, проведенные в 1901 г. Лефевром де Ноэтом, наводят на мысль, что эти башмаки годились только для прогулки и поэтому были придуманы, чтобы защищать поврежденную ногу²⁴².

С I в. до н. э.²⁴³ римские авторы пишут о металлической обуви для тягловых животных как о чем-то общеизвестном. Она, по-видимому, не прибивалась к копыту, а представляла собой нечто вроде сапожка, который мог надеваться на трудных участках дороги, а потом снова сниматься. Так, Светоний рассказывает, как во время путешествия императора Веспасиана (69—79 гг. н. э.) его погонщик мулов спешил, чтобы «обуть» животных, и тем самым дал просителю время приблизиться к властителю. Император, подозревая, что погонщик заранее подстроил эту сцену за плату, потребовал свою долю²⁴⁴.

Однако железные подковы, которые прибивались к ногам, не сильно отличавшиеся от тех, которые используются в настоящее время, давно известны из римских поселений в южной Германии и других мест. Их римское происхождение вызывает сомнения, поскольку в Средние века римские развалины часто использовались как каменоломни для строительного материала. Техника же раскопок в XIX в. была недостаточно совершенна, а потому нет уверенности, что эти подковы не относятся к средневековой эпохе²⁴⁵.

Однако уже в наше время в ходе раскопок, проводимых в соответствии со строгими требованиями археологии, были обнаружены подковы в точно датированных пластах.

Некоторые, как, например, подковы из Мейден Касл в Дорсете, были потеряны на дороге, которая, по всей вероятности, перестала использоваться после завершения римской оккупации Британии, и связываются с монетами конца IV в. н. э. Другие из Камулодуна (Колчестер) были обнаружены в кладе, спрятанном вскоре после римского завоевания²⁴⁶.

Поэтому представляется, что подковы, прибывавшие к ногам лошадей, были известны с начала новой эры. Однако их отсутствие в таких местах, как кавалерийские казармы в Ньюстед (Шотландия), наводит на мысль, что подковы использовались далеко не везде и лишь в отношении тягловых или обозных животных. Сохранившиеся образцы подков невелики по размерам и, должно быть, предназначались для пони.

Примечательно, что находки римских (или предположительно римских) подков были сделаны в северо-западных провинциях империи, где влажный климат, вероятно, приводил к быстрому росту и размягчению копыт. Греки классического периода и их предшественники изначально жили в таком климате и на таких почвах, которые способствовали образованию у лошадей твердых и круглых копыт²⁴⁷. Последние, если не оказывались испорчены из-за дурных условий в неподходящих конюшнях, в целом не нуждались в каком-то особом уходе. Вард Перкинс полагает, что именно распространение римских дорог к северу привело к изобретению подков²⁴⁸. Поэтому отсутствие подков в Италии и Греции более заметно.

Ежедневная забота о лошади, по крайней мере в Афинах в IV в. до н. э., была обязанностью конюха, обычно раба, а роль хозяина ограничивалась наблюдением. Ксенофонт — первый, кто сказал, что лошадь лучше всего тучнеет благодаря «хозяйскому глазу»²⁴⁹. Конюх задавал лошади зерно, очевидно, два раза в день. Ксенофонт говорит о «завтраке» лошади (или, скорее, «ланче») и «ужине», или вечернем приеме пищи, используя наименования, которые давали обычным афинским дневным блюдам²⁵⁰. В промежутке между ними лошадь должны были выводить из своего стойла и чистить. До «ланча» ее хозяин, возможно, совершал на ней прогулку к своему поместью, а после полуденное и вечернее время он посвящал политическим, деловым и общественным заботам, требовавшим его присутствия в городе, где лошадь обычно была не нужна.

В обязанности конюха входило правильное прилаживание недоуздки (повода), уздечки или намордника. Ксенофонт дает наставления о том, как надеть уздечку на лошадь, и объясняет конюху, что так следует делать не только в тех случаях, когда лошадь идет работать, но и когда ее ведут домой или к яслям, чтобы она не просто могла принять удила, но с готовностью хватала их, когда ей их протягивают. (Разумеется, лошадь нужно было выводить с помощью не уздечки, а лишь недоуздки (повода), который она также должна была носить. Уздечка снималась бы прежде, чем лошадь начинала есть.)

Для лошади, чей желудок слишком мал по сравнению с ее телом и вмещает за раз относительно мало корма, двухразового питания явно недостаточно. (Римский авторитет в ветеринарии Вегетий рекомендует задавать лошади овес гораздо чаще. «Ведь кони нормально переваривают то, что им дают понемногу. Однако все то, что они сразу же съели, отвратительно давясь, они извергнут вместе с навозом в неперевааренном виде».) Возможно, во время «ланча» и «обеда» лошади Ксенофонта получали свой зерновой рацион (обычно состоявший из овса), а на остальную часть дня конюх выводил их на

пастбище. Так, Плутарх, описывая развалины, в которые был превращен своими тиранами и их войнами великий город Сиракузы, говорит, что армия освободителя Тимолеонта пасла своих коней на том месте, где прежде был рынок, а пока животные кормились, конюхи лежали на траве²⁵¹. Да и предвестием завоевания Лидийского царства Киром Персидским стал следующий случай: конюхи вывели на пастбище лидийских лошадей, и они напали и пожрали огромное количество змей, которое оказалось в окрестностях столицы, Сард, тем самым предрекая гибель детей земли от иноземца и захватчика²⁵².

Не исключено, что лошадь получала также порцию сена ночью. Люцерна, или «мидийское сено», была известна в Афинах по крайней мере уже в 424 г. до н. э., когда она упоминается Аристофаном в его «Всадниках». Писатели более позднего времени говорили, что люцерна появилась в Греции при царе Дарий в начале V в. до н. э.²⁵³

Корм лошади зависит от многих факторов, таких, например, как благосостояние государства и объем работы, которую она выполняет. Поэтому Ксенофонт не устанавливает четких правил. (Во II в. до н. э. лошади в римской кавалерии получали каждая рацион равный 3,5 аттическим медимнам ячменя в месяц, т. е. более 5 бушелей²⁵⁴.)

Поллукс дает следующий перечень кормов для лошадей: «Ячмень, полба, овес, трава (chortos), сено (chilos), а у Гомера еще и пшеница. И, если верить ему, также вино для питья, лотос (клевер) и болотная петрушка»²⁵⁵. Последние пункты, которые, похоже, вызывают у Поллукса удивление, являются доказательством наличия у поэта превосходных знаний в соответствующей области. Эти корма давались лошадям Ахилла и его людей вместо обычного рациона — грубого зерна, когда Ахилл отказался воевать, а животные отдыхали.

Ксенофонт не дает указаний, как тренировать лошадей, кроме тех, что «необходимо следить за питанием и упражнениями животных для поддержания их здоровья». Однако Кир, герой его романа, «и сам никогда не принимался за обед, не потрудившись до пота, и лошадям не задавал корма, не утомив их упражнениями»²⁵⁶. Можно привести для сравнения то, как поступил Эвмен из Кардии, секретарь Александра Великого, который после смерти своего повелителя попытался удержаться с армией в Малой Азии. Его осадили в небольшой крепости; в ней не было подходящего места для тренировки лошадей, и поэтому он приказал поднимать при помощи блоков передние ноги лошадей, а затем хлестать их до тех пор, пока, брыкаясь и выделявая курбеты, они не покрывались потом. После этих упражнений животных кормили зерном. Благодаря подобным мерам они сохранили хорошую форму до конца осады²⁵⁷.

Семь веков спустя Вегеций дал превосходный совет, как тренировать лошадей в конюшнях. «Возле конюшен должно быть место, покрытое сухим навозом из конюшни или мягкой соломой, где животные могли бы кататься до того, как их помоют. Это упражнение не только поможет держать их в форме, но и позволит (при необходимости) выявить болезнь на ранней стадии. Поскольку всякий раз, когда животное не перекачивается так, как оно обычно желает, или же вообще отказывается лечь, вы поймете, что оно страдает от переутомления и что его следует отделить (от других лошадей) для лечения. Для этой цели весьма полезно, если на животных ездят часто и со

всей необходимой осторожностью. Поступь и характер лошадей портятся как из-за недостаточного умения ездока, так и особенно из-за неразумия слуг, которые в отсутствие хозяев заставляют лошадей бешено скакать галопом, усердно потчуя их хлыстом и шпорами, либо во время состязаний на скорость с их приятелями-конюхами, либо в жарких соревнованиях с посторонними людьми. Они совсем не думают об убытках хозяина, им даже нравится, что он их понесет. Осторожный хозяин строго запретит поступать так и поручит уход за животными людям мудрым и разумным»²⁵⁸.

Удивительно, что Ксенофонт ничего не говорит о водопое. Аристотель справедливо отмечал, что хотя лошади, мулы и ослы питаются зерном и травой, именно питье главным образом позволяет им набрать вес. Еда приносит им удовольствие, поскольку им приятно питье, а качество питания в любом случае зависит от качества воды. Несмотря на то что скот любит чистую воду, добавляет он, лошадь и верблюд предпочитают ее мутить и никогда не начинают пить из источника, пока не поднимут ногами муть²⁵⁹. Это наблюдение, я полагаю, ошибочно, по крайней мере, в отношении лошади. Возможно, оно обусловлено привычкой коней осторожно трогать копытом воду в незнакомом месте. Впрочем, насколько мне известно, порой считалось необходимым добавлять горсть земли в питьевую воду для скаковых лошадей, чья диета и подаваемая по трубам вода лишали их некоторых неизвестных, но важных элементов.

Разумеется, конюх обязан был чистить стойла и лошадей²⁶⁰, о чем Ксенофонт дает наставления в пятой главе трактата о верховой езде. Он полагал, что конюху лучше работать голыми руками, а не так, как это обычно делают, особенно при чистке хребта и ног²⁶¹. Поллукс дает следующий перечень инструментов конюха²⁶². «Spathe, деревянный предмет, как перо (по форме ?), для чистки шкуры». (Ассирийский рельеф IX в. до н. э. из Британского музея. Возможно, что изображенный на нем конюх использует щетку, как можно было бы ожидать от него в наше время, а не деревянную ракетку.) «Зубчатая, похожая на пилу и сделанная из железа psektra для расчесывания»²⁶³. (В I в. до н. э. удачливые владельцы скаковых лошадей посвящали Посейдону «сделанную в виде пилы скобящую, окованную железом psektra» и «лошадиную psektra, которая боронит волосы»²⁶⁴.) «Sorakis, инструмент, сплетаемый из волокон финиковой пальмы, полый, чтобы облегать руку, которая приглаживает шкуру и наводит на нее лоск».

Современный читатель будет удивлен, не найдя никаких упоминаний о щетках, но он должен заметить, что настойчивые напоминания Ксенофонта о том, что нельзя касаться головы лошади деревом или железом²⁶⁵, предполагают использование какого-то вида скребка, а не щетки.

Древние, по-видимому, всегда уделяли особое внимание гривам своих лошадей. В искусстве Бронзового века гривы заплетены в уложенные через правильные промежутки пучки волос, а в идеограммах линейного письма Б жеребцы отличаются от кобыл отсутствием грив²⁶⁶. Гомер описывает, как Патрокл промывал гривы лошадей Ахилла чистой водой и умащал их «светлым елеем»²⁶⁷. Поэт Симонид в VI в. до н. э. в нелестной поэме, в которой он возводит разные типы женских характеров к свиньям, собакам и другим животным, рассказывает о молодой даме, происшедшей от избалованной длинногривой кобылы, которая презирает работу и не ударит пальцем о палец, чтобы перемолоть в ручной мельнице зерно или просеять его, или опорожнить ночной горшок, или испечь что-нибудь, а доводит своего мужа до нищеты. Она моется по два, а иногда и

по три раза в день, умащает себя миром, а ее длинные волосы всегда расчесаны и украшены цветами. На такую женщину приятно смотреть, но лишь другим людям, для мужа же она просто напасть — если, конечно, он не могущественный магнат²⁶⁸. Именно этот отрывок имеет в виду Элиан в одном из своих пассажей: люди, имеющие дело с конями, говорят, что лошади получают удовольствие, когда их моют и умащают маслом, и что, согласно ямбам Симонида, лошадей даже умащали миррой²⁶⁹.

Считалось, что кобылы кичились своей внешностью. По словам Ксенофонта, они «слишком привередливы, чтобы случаться с ослами, пока у них длинные гривы. Поэтому все те, кто занимаются разведением мулов, гривы лошадей коротко подстригают»²⁷⁰. И Колумелла замечает, что кобылы иногда влюбляются в себя и томятся по собственному отражению в воде. Чтобы прекратить это, кобыле неровно подрезают гриву и подводят к воде, где вид уродливого отражения уничтожает воспоминания о ее прежней красоте²⁷¹.

Как греки, так и варвары подрезали гривы своих лошадей в знак траура. Так поступили персы при Платеях, когда погиб их начальник конницы Масистий, а фиванцы — после гибели полководца Пелопида. Александр Великий, стремясь показать, как он убивается по своему другу Гефестиону, «повелел не только обрезать гривы лошадям и мулам, но и снести зубцы с крепостных стен, дабы казалось, что города скорбят, являя вместо прежнего своего вида облик остриженный и жалкий»²⁷².

Греки, похоже, не стригли своих лошадей. Но, как мы узнаем из Проперция, утонченные дамы эпохи Августа порою запрягали в колесницы стриженных пони²⁷³.

Глава VIII

ОБУЧЕНИЕ И ВЕРХОВАЯ ЕЗДА

Ксенофонт рекомендует афинскому всаднику, который не разводит собственных лошадей, покупать невыезженного жеребенка. Если же он купил выезженную лошадь, то нужно удостовериться, что у нее еще есть молочные зубы²⁷⁴. (Древние судили о возрасте лошади по выпадению ее молочных резцов; после того как они сменялись коренными в возрасте примерно четырех с половиной лет, уже не было возможности определить ее возраст²⁷⁵.) Настоящую объездку поручали профессионалам, хотя сперва жеребенка выезживали и приучали к узде дома²⁷⁶. «Жеребята учатся повиноваться своим объездчикам, когда их поощряют за послушание и наказывают за строптивость — до тех пор, пока они не начинают вести себя так, как того хочет объездчик»²⁷⁷. «Необходимо позаботиться о том, чтобы жеребенок, когда его отправляют к объездчику, был кротким,

ручным и с приязнью относился к человеку. Этого легче всего достичь в домашних условиях, если конюх сумеет повести дело так, чтобы голод, жажда и раздражение, причиняемое насекомыми, преследовали жеребенка, когда он один, а сытость и спокойствие ему обеспечивали люди. Тогда жеребенок не только будет любить человека, но и тосковать по нему»²⁷⁸. Молодого коня следует спокойно вводить в толпу, знакомя его с разного рода зрелищами и звуками, которые могли бы испугать его, и показать ему, что в них нет ничего страшного.

О методах объездчиков или о том, как впервые объезжали молодую лошадь, подробных сведений нет, но хорошо известная история об Александре Великом и Букефале²⁷⁹ наводит на мысль, что на приученного к поводу жеребенка просто садились и скакали, при необходимости доводя его до изнеможения, не заарканывая его предварительно и не прибегая к каким-либо иным предосторожностям; конечно, все это могло быть, если сам всадник обладал достаточными навыками.

Затем молодую лошадь приучали к верховой езде и удилам, но с ее природными способностями — шла ли речь о движении по пересеченной местности или о смотре — еще не развитыми. Ее дальнейшая тренировка зависела от владельца. В третьей главе трактата о верховой езде Ксенофонт описывает, каким испытаниям покупателю следует подвергнуть уже выезженную лошадь. Он должен видеть, насколько охотно она берет удила, как принимает к себе на спину седока, уходит ли от других лошадей, прибегает ли к тем лошадям, на которых ездили прежде, чем сели на нее, или же спешит домой. На ней надо было ездить и восьмеркой, и по кругу, сначала в одну сторону, затем в другую, дабы удостовериться, что у нее не односторонне развитый рот, и попробовать скакать галопом. Необходимо было испытать ее природные способности к прыжкам и движению по пересеченной местности, хотя следовало делать скидку на ее неопытность. Не следовало отказываться от лошади только потому, что она не слишком хорошо выполнила требуемое с первого раза. А ее характер следовало тщательно изучить, чтобы увидеть, что она достаточно смела и свободна от пороков.

Ксенофонт предполагает, что знатный землевладелец живет в городе и уделяет много внимания общественным и политическим делам. В его поместье трудятся рабы под надзором тщательно подобранных надсмотрщиков, а господин совершает прогулки из своего городского дома, чтобы контролировать работу. Таким образом, искусство верховой езды и земледелие оказываются полезны друг для друга и служат государству. «Если хочешь защищать свое отечество на коне, земледелие дает возможности содержать коня; если хочешь служить пешим — земля делает тело крепким. Земля возбуждает в человеке также желание предаваться трудам охоты, давая легкую возможность кормить собак и питая зверей. Получая пользу от земледелия, и лошади и собаки, в свою очередь, приносят пользу усадьбе: лошадь рано утром везет хозяина смотреть за работой и доставлять ему возможность поздно вечером уезжать, а собаки не дают диким животным уничтожать нивы и скот и оберегают уединенную усадьбу»²⁸⁰. Ксенофонт не говорит здесь об охоте верхом. Возможно, в IV в. до н. э. дикие животные, или, по крайней мере, кабаны, олени и другая дичь, редко приходили на обрабатываемые равнины, где была возможна верховая езда. Охотники могли совершать поездки верхом к границам равнины, вооружившись охотничьими копьями и большими щитами, если они выходили на кабана или оленя²⁸¹, но настоящая охота, на склонах гор, в скалистой, поросшей кустарником местности, могла быть лишь пешей. В трактате Ксенофонта об охоте ее участники пеши, с собаками, сетями и копьями. Зайцы и дикий кабан были традиционной добычей. Конечно,

так как всадник «должен быстро ездить по всякой местности, хорошо держаться на коне и уметь действовать оружием, сидя верхом, то там, где есть удобные места для охоты, ему следует упражняться в верховой езде во время охоты»²⁸². Но эти слова Ксенофонта предполагают, что подходящие условия для верховой охоты встречались нечасто²⁸³.

На чернофигурных вазах VI в. до н. э. изображались всадники с дротиками, иногда сопровождаемые пешими спутниками и собаками, нападающими на кабана, оленя или лань. Короткие хитоны на всадниках греческие, и нет причин предполагать, что перед нами иноземцы. Эти охотничьи сцены украшали большие вазы последней четверти VI в. до н. э.²⁸⁴; в V в. до н. э. такие сцены уже не встречаются. Весьма заманчиво выглядит гипотеза о том, что установление афинской демократии после 510 г. до н. э. ознаменовало конец этой, по существу аристократической, забавы. Но на самом деле знать подавил прежний тиранический режим, а новая система превратилась в настоящую демократию далеко не сразу. Поэтому вероятнее другое объяснение: интенсифицирующееся сельское хозяйство, стимулированное реформами VI в. до н. э., постепенно отесняло диких животных к холмам, куда не могли следовать всадники. К тому же все больше почв на равнинах отводилось под виноград, фиговые деревья и особенно оливы, и пространства для верховой езды оставалось все меньше.

Во время своего азиатского похода в 401 г. до н. э. и позже Ксенофонт видел «парадизы» персидской знати — огромные огороженные парки, где содержались дикие животные для охоты. Но такая забава не давала настоящего удовлетворения. Мальчик Кир в романе Ксенофонта, узнав, что дед не смог доставить ему большого количества зверей, хотя и прилагал для этого немало усилий, просил отпустить его поохотиться на открытой местности. Астиаг отправил с внуком дядю, чтобы тот присматривал за ним и предупреждал об опасностях, связанных с дикими животными и неровной местностью. Но как только Кир увидел, как выпрыгнул олень, он забыл все наставления и начал преследование. «Конь, споткнувшись обо что-то, упал на колени, и Кир едва не перелетел через него. Все же Кир удержался, и конь его встал. Спустившись в долину, Кир поразил оленя дротиком... Подоспевшие воины стали укорять юношу, говоря, что он подвергся большой опасности... Но тут донесся до его слуха крик охотников... Увидев мчавшегося кабана, он поскакал ему навстречу. Напрягшись до предела, Кир точно поразил его в голову между глаз и убил. Тут уже дядя, увидевший, какому риску тот себя подвергает, стал бранить его». Но в конце концов Кир получил разрешение и далее участвовать в охоте, так как он убил животных для своего деда. Впрочем, он не показал последнему окровавленные дротики, а положил их в укромное место²⁸⁵.

Персы охотились и на лисиц — на гемме классического периода показан знатный перс на крепком коне с украшенным фестоном чепраком, пронзающий лису на полном скаку трезубцем. Александр Великий во время азиатского похода также забавлялся охотой на птиц и лис²⁸⁶.

Там, где охота была невозможна, молодые люди были в состоянии развлечься и поддерживать себя в форме, устраивая потешные стычки затупленным оружием²⁸⁷. Ксенофонт советует им во время поездки в поместья максимально использовать возможности для обучения лошадей и собственной тренировки. Они должны были не просто ехать по дороге, но для обретения практики скакать по открытой местности, поскольку им нужно было служить в кавалерии. (Пожилым же людям рекомендовалось

проявлять осторожность. Феофраст смеется над одним стариком, который любил подражать молодым и занял лошадь, чтобы доехать до своей фермы; пытаясь продемонстрировать искусство верховой езды, он по дороге свалился и разбил себе голову²⁸⁸.)

Исхомах, образец идеального мужчины у Ксенофонта, относился к своей тренировке серьезно. Он вставал в такое время, когда мог застать тех, кого хотел повидать, вместе с тем, если случалось какое дело в городе, его поездка по данному поводу была одновременно и утренней прогулкой. При отсутствии дел конюх подводил лошадь, и он ехал в поместье — лучшее упражнение, чем прогулка на поле для тренировок. Дав указания о выполнении работ, Исхомах садился верхом и скакал, имитируя, насколько возможно, условия настоящей службы, не избегая ни неровностей, ни препятствий и стараясь, чтобы при этом не пострадала лошадь. Затем конюх давал лошади соломы и вел ее домой, взяв из поместья то, что могло понадобиться в городе, а господин шел домой пешком, чередуя ходьбу с бегом, чтобы успеть принять ванну и съесть умеренный завтрак, прежде чем посвятить вторую половину дня общественным делам и многочисленным тяжбам, которые обременяли человека его положения²⁸⁹.

Необходимость постоянной практики подобного рода подчеркивается снова и снова. «Возможно, командиру будет не слишком приятно часто вызывать своих людей в мирное время, но ему следует предупредить их, чтобы они тренировались, и посоветовать им, когда они отправляются к своим усадьбам или куда-либо еще, съезжать с дорог и мчаться во весь опор по любой местности. Это куда полезнее бесконечных смотров, да и не так обременительно. Но в то же время нужно сказать им, что он будет вызывать их время от времени и сам поведет по разной местности. Не всегда следует проводить в одном и том же месте и тренировки для смотров»²⁹⁰.

Таким образом, цель Ксенофонта состоит в том, чтобы подготовить лошадь, которая будет хорошо скакать по пересеченной местности, прекрасного скакуна для охоты и боя. Но до того как начать тренировать животное для таких целей, лошадь следовало осторожно учить на скаковом круге без препятствий. Это делалось за городскими стенами, где сохранились ровные песчаные пространства, пригодные для тренировки в верховой езде. Сократ спрашивает своего молодого друга, которого только что выбрали кавалерийским командиром, попытается ли он выманить врага во время войны на песок, где привыкли скакать его люди, или он станет сражаться там, где будет враг²⁹¹. Существование крытых школ верховой езды, какие использовались в римской кавалерии, предполагается на том основании, что на вазах можно встретить изображения лошадей, тренирующихся за красивыми дорическими колоннами²⁹². Но я думаю, что это колонны соседних храмов, подобно храму Геракла рядом с гимнасием и площадкой для верховой езды в Киносарге. Я не верю в существование в древних Афинах какого-либо специального оборудования; существовало лишь ровное пространство, где можно было увидеть лошадей, всадников и случайных зрителей.

Молодого коня выводили на ровное пространство и садились на него. Всадник сидел не как на стуле, но расставив ноги. Человек, скакавший без седла, не мог иметь такую же посадку, как средневековый рыцарь, у которого были длинные стремяна и седло с высокой передней и задней лукой и который скакал, держа ноги вертикально и прямо. Бедрями следовало охватывать спину лошади, а не держать их горизонтально; нижняя

часть ноги должна была висеть легко²⁹³. Лошадь нужно приучить стоять, когда на нее только что сели, в то время как всадник приводил в порядок одежду и копье; когда она трогалась с места, то ей следовало идти шагом, поскольку в таком случае животное меньше возбуждалось. После шага лошадь могла перейти как на рысь, так и на галоп (от которого легкий галоп неотличим; Ксенофонт распознает только эти три вида обычной верховой езды). При галопе «лучше начинать с левой ноги — это лучший способ поднять коня в галоп. Когда он, идя на рысях, поднимает (переднюю) ногу, его надо послать в галоп. Ведь поскольку конь собирается поднять левую ногу, то именно с нее он поднимется в галоп. И когда он начинает поворачивать влево, разрешите ему в этот момент бежать резво и споро. Ибо для лошади естественно, поворачивая вправо, начинать движение с правой ноги, а влево — с левой»²⁹⁴.

Говоря, что лошадь лучше вести с левой ноги, Ксенофонт, возможно, отчасти следует моде. Шнайдер и Делебек в связи с этим отрывком отмечают, что в современной Европе до самого недавнего времени господствовала противоположная методика. Но вооруженный всадник управлял поводьями только левой рукой, и поэтому ему было легче поворачивать налево. (В этой связи, как заметил Германн, повороты на греческих скачках были левосторонними²⁹⁵.) И вес копья в правой руке заставлял бы вооруженного всадника нести правую сторону своего тела немного впереди левой: в самом деле, Ксенофонт рекомендует ему поступать подобным образом при метании дротика²⁹⁶. Это легче сделать, когда лошадь ведется с левой ноги, так как вся левая сторона тела тогда немного впереди правой.

Переход от рыси по методу Ксенофонта требует точного расчета времени. Помочь лошади нужно тогда, когда ее вес на правой диагонали (правая передняя нога и левая задняя), а левая диагональ поднята. Винмален пишет: «Если, например, мы хотим, чтобы лошадь из рыси поднялась в легкий галоп с правой передней ноги, то нам следует подать ей помощь точно в тот момент, когда правая диагональ находится в воздухе; первый темп нашего легкого галопа начнется тогда, когда левая задняя нога животного коснется земли. Если, с другой стороны, мы подадим посыл, когда левая диагональ находится в воздухе, лошади придется ждать шаг или ее старт будет неуклюжим»²⁹⁷. Хотя Винмален дает тот же самый совет, что и Ксенофонт, но он делает это в силу иных соображений, имея возможность проанализировать легкий галоп с помощью замедленной фотосъемки. Благодаря ей становится ясно, что первый темп легкого галопа начинается с правой задней ноги при ведущей левой передней.

Ксенофонт не дает никаких наставлений о том, как менять ведущую ногу, и, видимо, он не делал этого.

Дальнейшая работа на скаковом круге включала в себя движение по восьмерке («оковы»), круги на одну сторону, начиная внезапно с места в галоп и останавливаясь на как можно более коротком участке. Всадник должен останавливать лошадь на поворотах и побуждать ее разгоняться, когда голова будет держаться прямо, что ему придется делать во время преследования или бегства в боевых условиях. В завершение всадник должен был спешиваться внутри школы для верховой езды, чтобы лошадь могла отдохнуть там же, где она трудилась²⁹⁸.

Когда конь был уже достаточно обучен на скаковом круге, но не прежде, его можно было выводить из школы и ездить за ее пределами. Никто, видимо, не думал об обучении лошади прыжкам через искусственные препятствия, и у древних, судя по всему, не было соревнований такого рода. Ксенофонт не рекомендует их, хотя и советует проводить состязания в других конных упражнениях для укрепления духа²⁹⁹. Это упущение кажется довольно странным, поскольку древние зрители в значительной степени походили на современных: «Многие считают, что на конных ристалищах приятнее всего наблюдать за крушением колесниц»³⁰⁰. Ксенофонт описывает скачки во время импровизированных игр, которые Десять тысяч устроили по случаю выхода к Черному морю через Курдистан и Армению — превосходное зрелище, поскольку там было много соревнующихся и внушительные состязания, за которыми наблюдали и женщины из лагеря.

После борьбы и бега, проводившихся на склоне холма, по решению спартанца, распорядителя игр, «состоялись также конные ристалища. Коням предстояло бежать вниз по крутому склону, развернуться у моря и возвратиться к алтарю. При спуске многие скатывались вниз, а на подъеме кони из-за большой крутизны с трудом могли идти шагом. При этом было много крика, смеха, поощрительных возгласов»³⁰¹. Насколько я знаю, это соревнование было единственным такого рода. Конечно, здесь нельзя говорить о дороге с препятствиями, расположенными на определенном удалении друг от друга.

Я не могу привести ни одного древнего изображения прыгающей лошади. Вероятно, подобное упражнение не производило сильного впечатления и не практиковалось в школах верховой езды.

Таким образом, цель Ксенофонта состояла не в подготовке прыгуна для представлений или лошади для скачек с препятствиями, а такого коня, который будет благополучно нести своего хозяина. Лошадь не должна обходить препятствия, поскольку быстрота необходима в военном деле, но безопасность гораздо важнее внешнего блеска. У древних греков не было ни седел, ни стремян, и коню приходилось бы очень несладко, если бы ее рот случайно дергали древними «грубыми» удилами. Поэтому Ксенофонт рекомендует, «держаться за гриву, чтобы лошадь не страдала от неудобной местности и узды, перепрыгивая через ров или взбираясь на крутизну»³⁰². Этот совет часто подвергают критике современные комментаторы, возможно, без должных оснований; верно, что всадник, держась за гриву, теряет контакт со ртом лошади, однако Ксенофонт не пытается установить этот контакт любой ценой и не хочет, чтобы лошадь хватала удила или чтобы всадник постоянно натягивал поводья. Всадник не должен был «висеть на гриве», чтобы уберечь себя от падения.

Кроме того, комплекция греческой лошади не соответствовала комплекции настоящего прыгуна. Крепкое тело и «двойной хребет», о которых говорит Ксенофонт, вызывают в воображении современного читателя скорее перевозящего грузы коба, чем лошадь для охоты. При этом и «шея у нее должна быть не как у кабана — вниз, не как у петуха, прямо до темени и узкая в изгибе... Таким образом, шея окажется перед всадником, а глаза будут смотреть прямо перед ногами. Лошадь с такой наружностью, даже и очень норовистая, выкажет меньше упрямы, потому что его проявляют лошади не сгибающие, но растягивающие шею»³⁰³.

С такой осанкой обычно и изображали лошадей в греческом искусстве. Горло вертикально продолжает линию груди или даже выгибается, а грива поднимается из загривка прямо перед всадником. Лошадь, у которой шея находится в таком положении, должна сильно сгибать верхние позвонки и наклонять вниз голову, иначе ее глаза будут обращены к небу вместо того, чтобы смотреть вперед.

Как указывает ниже Ксенофонт³⁰⁴, такая постановка головы и шеи характерна для жеребцов, любящих покрасоваться, особенно перед кобылами. Афинский всадник должен был выбирать молодую лошадь, способную к этому, и научить ее вести себя таким образом и тогда, когда она несет всадника. Это касалось не только головы, поскольку лошадь необходимо было научить сосредотачивать под собою заднюю часть тела. Никому не приходило в голову заставить лошадь принять неестественную позу при помощи механических средств³⁰⁵. Однако не каждый обладал мастерством и терпением Ксенофонта. «Если лошадь хорошо выращена, — говорит Поллукс, — то даже если уронить удила, она будет скакать галопом, держа голову прямо. Но попробуйте-ка заставить плохую лошадь с помощью одних удили принять хорошую осанку!»³⁰⁶ Немезиан и Тимофей говорят, что ливийские лошади держат головы низко, поскольку не носят уздечек. Из этого можно сделать вывод: многие другие лошади, видимо, держали головы высоко потому, что их вынуждали делать так из-за неудобных удили. И действительно, судя по изображениям, многих греческих лошадей или «перегибали», прижимая им подбородки к груди, или делали так, что они «вскидывали носы». Древний способ надевания упряжи, когда хомут давит на дыхательное горло, вынуждал колесничных лошадей держать высоко свои головы. Возможно, именно поэтому древние считали, что верховая лошадь должна выглядеть таким образом.

«Лошадь с таким типом сложения будет менее всего способна понести», но она также не сможет легко прыгать. Однако в Греции, где местность не была огорожена в английском значении этого слова (и не огорожена по сей день), смелый прыгун не требовался. Возделанные равнины, на которых действовали конница и тяжелая пехота, изрезаны оврагами и речками, естественными и искусственными, обычно сухими — по крайней мере в то время года, на которое приходились военные кампании в древности. Разница между «дорогой» и «речкой» подчас оказывалась довольно условной; то и дело приходилось преодолевать канавы или широкие овраги. Оппиан рассказывает о прыжках через них³⁰⁷, но когда овраг оказывался слишком большим, то обычно искали удобное место, чтобы пробраться на один берег и подняться на другой.

«Между ними (т. е. Филопеменом и Маханидом. — Прим. пер.) был большой глубокий ров, и они разъезжали по разные стороны его друг против друга; один желая переправиться и убежать, другой — помешать этому. Впечатление было такое, будто не полководцы сражаются, а ловкий охотник Филопемени сошелся со зверем, вынужденным обороняться. Тут конь тирана, сильный и горячий, с обоих боков окровавленный шпорами, отважился перескочить ров; выдвинув грудь вперед, он изо всех сил старался упереться передними ногами в противоположный край рва. В это время Симмий и Полиен, которые постоянно находились при Филопемени в сражениях и прикрывали его щитами, одновременно подлетели к этому месту с копьями, направленными на Маханида. Но Филопемени успел раньше их броситься ему навстречу. Видя, что лошадь Маханида поднятой головой заслоняет его тело, он заставил своего коня немного податься в сторону и, стиснув в руке копье, сильным ударом сбил Маханида с лошади»³⁰⁸.

Овчарни и другие подобные места ограждались небольшими, сложенными без раствора стенками или изгородями из терновых кустов. Хороший всадник не стал бы избегать ни их³⁰⁹, ни террасы на границах холмов, где рос виноград или фруктовые деревья. Всадник должен был уметь запрыгивать и спрыгивать с них, а также «перелезать» через стены³¹⁰. (Ксенофонт в действительности не говорит, что он должен «прыгать» на них, но вряд ли верно использовать в качестве аргумента то, что, возможно, является лишь изящным словесным оборотом.) Впрочем, овраги были наиболее существенным препятствием.

В восьмой главе трактата Ксенофонта об обучении лошадей описывается отработка прыжков. Сначала коня нужно вести маленькими прыжками за повод (если необходимо, то кто-то должен стоять сзади с палкой), сесть на него и затем поставить перед ним постепенно усложняющиеся препятствие. Не следует злоупотреблять шпорами, чтобы принудить животное к прыжку, так же как и заставить его подобрать мышцы крупа и прыгнуть с двух ног. Мы опять убеждаемся в том, что Ксенофонт не имеет в виду большие прыжки, как в стипль-чезе.

В девятой главе Ксенофонт завершает свои соображения об обычной верховой езде советом, как обращаться с очень горячей или очень ленивой лошадью. Но последний случай, очевидно, не очень интересовал его.

Глава IX

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОШАДИ В ДРУГИХ СЛУЧАЯХ

От каждого афинского гражданина требовалось помогать государству как лично, так и имуществом, и хороший всадник с нетерпением ожидал случая продемонстрировать свое мастерство для блага государства и к собственной выгоде. Поэтому Ксенофонт не делает различий между «военной» и «гражданской» верховой ездой. Его лошадь, хотя и рассматривалась в мирное время как упряжная или для охоты, выбиралась в первую очередь как боевой скакун, и трактат Ксенофонта о верховой езде завершается приложением, посвященным кавалерийскому вооружению.

Даже на обед, проходивший за пределами города, богатый человек мог отправиться верхом. Так, рассказ о пиршестве в Пирее, где присутствовал Сократ, оканчивается описанием драматического представления любви Вакха и Ариадны, которое побудило неженатых гуляк дать клятву вступить в брак, а женатых вскочить на лошадей и помчаться к своим супругам. Сократ, конечно, пошел пешком с друзьями³¹¹.

Верховая езда по узким улицам самого города была затруднительной, и богатый человек, возвращавшийся домой с наступлением сумерек, разгоряченный от езды, был вынужден последнюю часть пути идти пешком в темноте и грязи, к тому же рискуя подвергнуться нападению разбойников³¹².

Ксенофонт поясняет, что сам он ездил верхом на лошади как для удовольствия, так и для удобства. Занятия гимнастикой сильно изматывали, тогда как верховая езда обычно была очень приятным занятием, ибо из действий, доступных человеку, она особенно напоминала полет. Достоинства верховой езды перед ходьбой как более быстрой и удобной восторженно превозносятся в «Киропедии». У всадника есть все преимущества кентавра. Вдобавок лошадь — это лишняя пара глаз. Наконец, наездник может сойти с коня, если ему нужно поспать или поесть³¹³. Царь Агесилай, друг и покровитель Ксенофонта, также считал охоту и верховую езду подходящим развлечением³¹⁴. Он очень любил своих детей, и «когда они были маленькими, часто скакал вместе с ними верхом на палочке. Когда один из друзей увидел его за этим занятием, Агесилай попросил не говорить об этом никому, пока тот сам не станет отцом»³¹⁵.

Вероятно, лишь немногие афиняне часто путешествовали по суше, за исключением периода военной службы. Но когда они это делали, даже богачи, судя по всему, в основном передвигались пешком. Один из друзей Сократа сказал как-то, что хотел бы отправиться в Олимпию, но боится утомительного путешествия. Философ заметил: ведь тому целый день приходится шагать по городу, и если все эти маленькие путешествия соединить в одно, то их будет достаточно, чтобы привести его из Афин в Олимпию за пять или шесть дней без особого напряжения. Еще один друг Сократа пожаловался, что измучен долгой дорогой. Его спросили, как он чувствует себя по сравнению со своим слугой, который шел вместе с ним и тащил поклажу, и тут же упрекнули за то, что он менее вынослив, чем раб³¹⁶. Возможно, отсутствие достаточного числа постоянных дворов с хорошими стойлами побуждало людей не рисковать ценными животными в многодневных путешествиях. Кроме того, надо было также учитывать, что неподкованные копыта страдают от каменистых дорог.

Во время коротких путешествий передвигались верхом не только члены всаднического сословия, молодежь и атлеты. Оратор Демосфен, сколотивший немалое состояние отнюдь не на земледелии и служивший в пехоте или во флоте, как замечает его противник Эсхин, не был человеком атлетического телосложения, чья юность прошла в охотах на кабана и состязаниях борцов. Однако в 348 г. до н. э., будучи одним из уполномоченных, которым афиняне поручили вести переговоры о мире с Филиппом Македонским, Демосфен не только нанял вьючных животных для македонских послов, когда те собрались домой, но и сам поначалу сопровождал их верхом³¹⁷. Чуть раньше, в начале IV в. до н. э., Лисий написал речь от имени мелкого торговца, старого и больного, чьи враги пытались лишить его пенсии, положенной немощным гражданам, поскольку он ездит верхом и поэтому его нельзя считать ни немощным, ни бедным. Он отвечал, что хотя сам и очень беден, но использовал лошадей, сданных ему в аренду богатыми друзьями для того, чтобы облегчить длительные путешествия, которые ему приходится совершать. В пути он пользовался двумя посохами, но это еще не доказывает, будто он вдвое богаче человека, который имел только один. И если бы у него было сколько-нибудь денег, то он не стал бы полагаться на чужих лошадей, а купил бы себе вьючного мула³¹⁸.

Этот способ передвижения, бывший, похоже, обычным для стариков и немощных, а также для женщин, если когда-либо им приходилось отправляться в путешествие, часто изображается на вазовой живописи. Так, мы видим Гефеста, хромого бога-кузнеца, которого с триумфом везут на Олимп с дионисийской свитой. Гефест сидит верхом на муле либо прямо, либо свесив ноги на бок и, как правило, без седла. Правда, иногда под ним имеется подобие стула, поставленного на спину мула боком и снабженного горизонтальной доской в качестве подставки для ног, обычно на правом боку мула. Всадники также могли использовать обычные выючные седла или же перекидывать через спину животного плащи и одеяла³¹⁹.

Животных, использовавшихся для этой работы, иногда вели при помощи удили и уздечки, но обычно на них надевали простой недоуздок с чумбуром, закрепленным под подбородком. Всадник мог держать животное сам или же доверить погонщику мулов (в случае с Гефестом в его роли выступает один из пьяных силенов). Это отдавало всадника во власть погонщика, который мог злорадствовать над молодым щеголем, если того начинало трясти от быстрой езды. Он даже иногда начинал спорить о том, кто должен сидеть в тени животного, когда они останавливались для полуденного отдыха³²⁰.

Это, по-видимому, был единственный вид верховой езды, использовавшийся женщинами в древних Афинах. (Слова «всадница» в классической литературе не существовало.) Длинные платья, доходящие до щиколоток, делали для женщин невозможной езду верхом, а чего-либо, напоминающего современное боковое седло, еще не изобрели. Неуклюжее кресло могло быть заменено толстым сложенным одеялом³²¹, и часто богини, нимфы и легендарные героини не без риска для себя забирались на непокрытую спину лошадей, баранов, лебедей, драконов, морских коньков и прочих животных. Однако для простых смертных подражать столь небрежной посадке было небезопасно. Вероятно, в реальной жизни мулы и ослы использовались чаще, чем лошади. Софокл сажает героиню своей трагедии Йемену на «афинского жеребенка» для путешествия, но, возможно, ее платье не позволяло ей сидеть верхом (хотя здесь и упоминается лишь фессалийская солнцезащитная шляпа, оттеняющая ее лицо)³²².

У светской дамы не было никакой возможности для верховой езды — ни ради удовольствия, ни в качестве физического упражнения. Когда Исхомах говорит, что его жена совершает моции и потому сохраняет здоровый цвет лица, не пользуясь косметикой, то он не имеет в виду, что она выезжает вместе с ним на поля по хозяйственным делам. Его супруга не сидит на одном месте, как рабыня, но старается, и да помогут ей в этом боги, стоять у ткацкого станка, как положено хозяйке, чтобы учить других или учиться у них, следит за кухней, наблюдает за выдачей припасов ключницей и обходит дом, проверяя, все ли находится на своем месте, сочетая, таким образом, выполнение своих обязанностей с прогулкой. Кроме того, она должна замешивать муку, вытряхивать и складывать плащи и одеяла. Это поддерживает ее крепкое здоровье, хороший аппетит и привлекательную внешность³²³.

Женщины в Афинах не часто выбирались за город. Жены более бедных граждан могли посплетничать с приятельницами-селянками или держать в городе овощные лавки. Но благородная дама, чей муж имел большое хозяйство, которое требовало постоянного

надзора, и множество слуг, находившихся у нее на посылках, едва ли выходила из дому, за исключением важных семейных событий (например, похороны) и религиозных празднеств. Некоторые из этих празднеств были исключительно женскими³²⁴, а в других они участвовали вместе с мужчинами. И когда эти празднества требовали продолжительного присутствия на людях, то благородных дам привозили мужа в роскошных колесницах. Так, Демосфен упрекает своего противника Мидия за то, что он подвозил на паре сикионских серых лошадей свою жену на Элевсинские мистерии и вообще туда, куда она желала. (Мидий был кавалерийским офицером, который, похоже, в среднем возрасте покинул военную службу; у него, по словам Демосфена, даже не было собственного скакуна и он одалживал его для смотров, а когда ему приходилось отправляться на войну, то он восседал на украшенном серебром седле³²⁵.) Позднее великолепные выезды богачей по пути в Элевсин возбуждали столько зависти, что под страхом крупного штрафа женщинам вообще запретили ездить в Элевсин на колеснице. По преданию — правда, не вызывающему особого доверия, — первым человеком, попавшим под действие этого закона, был сам его инициатор, Ликург. С другой стороны, «блестящие corteжи и позолоченные экипажи» действительно имели преимущество (с точки зрения ревнивого мужа), ибо жена оказывалась на виду. Рассказывается, что законодатель Солон попытался предотвратить тайные встречи путем наложения запрета для женщин выходить из дому, разве что в колеснице, перед которой несли факел³²⁶. На свадебных процессиях невеста также ехала в колеснице, и именно такая процессия, видимо, изображена на фрагменте вазы, хранящейся в Копенгагене и датируемой концом V в. н. э.: мужчина и женщина, несущие цветочные гирлянды, стоят в богато украшенной колеснице; за ними следует спешившийся всадник, также увитый гирляндами и плотно закутанный в плащ³²⁷.

Ясно, что в классических Афинах женщины не ездили сами. (Героиня трагедии Еврипида Федра в данном случае не доказательство.) С другой стороны, в Спарте во время праздника Гиакинфий девушки ездили на легких плетеных, искусно украшенных экипажах. Ксенофонт подчеркивает скромность Агесилая, рассказывая, что экипаж его дочери не был роскошнее, чем у кого-нибудь другого. Другие девушки даже правили беговыми колесницами (в то время как юноши скакали на нарядно убранных лошадях). И поскольку управление беговыми упряжками требовало практики, то, вероятно, спартанские девушки также ездили на них и в других случаях, следуя в этом обычаям героической эпохи³²⁸.

Возможно даже, что спартанские девушки ездили верхом, как то утверждают римляне³²⁹. По крайней мере, в этом им не мешали бы их платья, короткие и открывающие бедра. Также сообщается, что они принимали участие в охоте, и Ксенофонт заканчивает свой трактат об охоте замечанием о доблести тех, кто любит данный вид спорта — как мужчин, так и женщин. Однако он говорит о пешей охоте (с собаками, сетями и копьями) и его примеры взяты из мифов³³⁰. Спартанские дамы ввели в своей среде моду на беговые упряжки, хотя они, конечно же, не управляли ими на больших состязаниях, а в Олимпии даже не могли наблюдать за ними. По словам Ксенофонта, царь Агесилай был озабочен тем, как удержать спартанцев от трат на скаковых лошадей. Так что он убедил свою сестру Киниску вписать колесницу в Олимпии под своим собственным именем, дабы на ее примере стало ясно, что невелика слава от победы, которую может одержать женщина³³¹. У нее было много подражателей в эллинистический период, когда женщины, судя по всему, часто вели менее замкнутую жизнь, чем это было в классических Афинах. Мы даже встречаем эпизод, когда царица садится на лошадь, чтобы остановить бегущих воинов своего отца³³². Однако бесспорное доказательство того, что в классических Афинах

такого не случалось, приведено в «Лиси-страте» Аристофана. Поэт говорит о верховой езде как об одном из видов деятельности, в котором женщины могут превзойти мужчин, если займутся этим. Однако комедиограф не может подкрепить свое утверждение примером из жизни, а лишь упоминает об изображениях амазонок художником Миконом³³³. Здесь можно добавить, что хотя легенда об амазонках и получила широкое распространение, неизвестно, была ли у нее историческая основа. Более того, традиция об амазонках как великолепных наездницах возникла, судя по вазовой живописи, не ранее середины VI в. до н. э. — в первоначальном варианте предания о них ни о чем подобном речи не шло. Возможно, она была навеяна рассказами о сарматских женщинах, которые в отличие от женщин других кочевых племен Причерноморья, передвигавшихся в крытых повозках, скакали на лошадях и вместе с мужчинами присматривали за стадами и даже участвовали в битвах. В причерноморские степи амазонки были перенесены также несколько произвольно. В более древних сказаниях местом их обитания, возможно, считалась Малая Азия³³⁴.

В свою очередь, не следует думать, что изображения на вазах последовательниц Вакха, менад, которые скакали верхом на мулах, отражали реалии жизни.

Глава X

ВЫСШИЙ КЛАСС ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ

В десятой и одиннадцатой главах своего трактата о верховой езде Ксенофонт объясняет, как «обращаться с хорошим боевым конем, чтобы он выглядел более величественно и хорошо смотрелся во время скачки» и как «тренировать лошадь для смотра, состязаний по выездке и для того, чтобы она имела прекрасный вид». И если начальные главы этого сочинения Ксенофонта содержат рекомендации, как сделать лошадь пригодной, то эти две — превосходной.

Высказавшись против использования хлыстов, шпор и жестких удил, «с помощью которых, как считают многие, можно сделать лошадь великолепной», Ксенофонт продолжает:

Х, 3. Если же приучить лошадь идти со слабой уздой, высоко держа шею и подняв голову, тогда она будет делать то, что ей самой приятно и чем она может покрасоваться.

Х, 4. Можно доказать, что коню и впрямь приятно так делать. Ведь когда он хочет покрасоваться перед другими лошадьми, особенно перед кобылами, то высоко поднимает шею, гордо держит голову, свободно поднимает ноги и задирает хвост.

Х, 5. Поэтому, если позволить коню принять такой вид, который ему самому особенно нравится, то и езда будет ему приятна, и он сам будет выглядеть более величественно, гордо и красиво³³⁵.

Я уже говорил о высокой постановке головы у лошадей в те времена и о жесткости древних удил, которые побуждали всадника править ослабленными поводьями, если ему нужно было избегать повреждения рта лошади и побуждать ее вскидывать нос, дабы облегчить давление на прутья. Чтобы видеть, куда она идет, лошадь с высоко поднятой головой должна наклонять нос к груди, чего она не будет делать по собственному желанию, пока чувствует боль, хотя иногда ее можно заставить сделать нечто похожее при помощи подгубного ремня, который во времена Ксенофонта был неизвестен. То, что лошадь сгибает верхние позвонки, чтобы опустить нос, является важной и характерной чертой ее естественной осанки. Если без необходимости оказывать давление, то может произойти неестественное сгибание нижних позвонков шеи.

Нужно иметь в виду, что цель Ксенофонта — побудить лошадь «вести себя так, чтобы при этом она сама показывала себя так хорошо, насколько это возможно». Прочитав Винмалена: «Естественная осанка лошади при беге рысью довольно близка к совершенной осанке обученной лошади; и, по сути, лучшая природная осанка, на которую она способна, и лучшая осанка, которой ожидают от обученной лошади — одно и то же. Однако у коня редко бывает хорошая естественная осанка — только когда он гарцует с той ритмичной поступью, которая делает его столь приятной для взора. Это ритмичность, которая является сутью его красоты. Это тот самый ритм, которого добивается тренер»³³⁶.

Цель Ксенофонта в таком случае — это высокоритмичная рысь³³⁷, при которой у коня высокая постановка головы, согнутой у основания черепа, и свободное, гибкое движение ног. Он дает следующие инструкции, как достичь этого (они приведены после отступления об удилах)³³⁸.

Х, 12. Не надо так набирать повод, чтобы лошадь отбивалась, и так ослаблять, чтобы она его не чувствовала. Когда животное поднимет шею, тотчас дать ему удила.

Х, 13. В любом случае, как мы постоянно повторяем, нужно поощрять коня, если он все делает хорошо. В особенности же, когда видно, что ему приятно высоко держать голову при ослабленных удилах, не стоит применять суровых средств, словно от него требуется

серьезное усилие, но нужно ласкать, как будто желая прекратить тренировку. Тогда он с большей готовностью перейдет к быстрой езде.

Х, 14. Ведь неспроста лошади нравится быстрый бег. Это доказывается тем, что лошадь, обретя свободу, никогда не идет шагом, но бежит.

Х, 15. Поэтому естественно, что это ей приятно, если только вы не заставляете ее бежать через силу, ведь крайность не нравится ни человеку, ни лошади.

Х, 16. Итак, лошадь, наконец, бежит с гордым видом. Мы полагаем, что в ходе первых упражнений конь научается быстро набирать скорость, выходя из поворота. Когда лошадь освоила это, то если сдержать ее уздой и одновременно дать знак рвануться вперед, то она, принуждаемая и удилами, и указаниями всадника, приходит в возбуждение, выставляет грудь и поднимает ноги, но не свободно, а с яростью. Ведь очевидно, что лошади, если их не принуждать, двигаются свободно.

Х, 17. Если разгоряченному таким образом коню сразу же дать гладкий мундштук, то он, считая себя благодаря ему освобожденным от удил, довольный этим, принимает статный вид, держит голову высоко и легко ступает передними ногами — словом, ведет себя так, точно он красуется перед другими лошадьми.

Первое рассуждение Ксенофонта касается того, как добиться соответствующей постановки головы. Это, очевидно, происходит во время прогулки. К разговору о более быстрых движениях Ксенофонт переходит лишь после замечания о том, что лошадь, «наконец, бежит с гордым видом», и только после экскурса, в котором он доказывает, что лошади нравится быстрый бег.

Здесь снова стоит провести сравнение с методом Винмалена, хотя он стремится к большим результатам, нежели те, которых можно добиться при помощи грубых удил Ксенофонта; к ним последнее предложение следующего цитируемого отрывка не относится. «Я начинаю с выгуливания лошади вокруг школы обычным шагом со свободными поводьями; потом я поднимаю удила и сдерживаю ее немного, но в то же время сжимаю ее ногами, чтобы умерить ее пыл и помешать ей остановиться. Лошадь очень скоро поймет то, чего я хочу; она сбавит шаг и поднимет нос; затем я похлопаю ее и опущу поводья примерно на двадцать шагов; позже я снова поступлю таким же образом. Как правило, через очень короткое время лошадь, чувствуя помощь моих ног и поводьев, опустит нос и вскоре начнет жевать удила, потом расслабит челюсти, чего мне и надо, т. е. “прямого сгибания”»³³⁹.

Надлежащей постановки головы за вторую половину дня не добиться. Осанку всей лошади, а не только головы и шеи можно изменить, лишь постепенно приучая коня сохранять равновесие и подбирать мышцы крупа. Ксенофонт, по-видимому, не стал рассматривать этот процесс полностью. (Ср., однако, его замечания в начале 11-й главы

этой книги.) К сожалению, он ничего не говорит нам, сколько времени потребуется для различных стадий обучения.

Во всяком случае, добившись желаемой постановки головы при ходьбе, Ксенофонт переходит к прибавленному шагу. «Прыжки вперед при прибавленном шаге, когда лошадь повернула», рекомендуются в его трактате по верховой езде как часть обычного обучения (VII, 17), и не стоит воображать себе здесь пируэты или иные эффектные трюки высшей школы верховой езды. Ксенофонт предполагает, что лошадь привыкла ездить по кругу или полукругу шагом, рысью или медленным легким галопом, и в этом случае, поскольку она держит голову прямо, ее побуждают двигаться вперед прибавленным шагом (не обязательно галопом, хотя галоп часто бывал нужен в боевой обстановке, что учитывает Ксенофонт).

Итак, если лошадь, научившаяся вести себя, как того от нее требуют, двигается по полукругу и при выходе из поворота оказывается в сборе, она пойдет быстро, как ее тому научат. Если же одновременно побуждать лошадь идти вперед и удерживать, то она будет бороться против удил и, возможно, придет в бешенство, если эти средства применять слишком грубо. Однако я не думаю, что именно это подразумевает Ксенофонт, когда говорит «бросает вперед грудь и поднимает ноги», и это, конечно, не значит, что он хочет в конце концов поднять коня на дыбы. Скорее речь идет о лошади, совершающей прыжок, но удерживаемой от галопа удилами и в итоге бегущей энергичной рысью. Она высоко держит голову и энергично поднимает ноги, тем не менее в движениях чувствуется скованность и напряжение. Теперь же, сдав затылок, она продолжает бежать рысью, хотя уже свободно и красиво.

Продолжая заметки о пассаже, Ксенофонт советует тренировать лошадь «для смотра, состязаний по выездке и для того, чтобы она имела прекрасный вид». Он предупреждает, что «это можно сделать не со всякой лошастью. Для такой цели нужны возвышенный дух и крепкое тело».

В 11-й главе трактата Ксенофонт переходит от упражнений «на земле» к упражнениям «над землей», в ходе которой лошадь должна быть обучена поднимать переднюю часть тела. Это отличие видно в современной высшей школе верховой езды, и по-прежнему важными считаются те же природные качества — смелость и физическая крепость³⁴⁰.

Термины, которые использует Ксенофонт для описания коней, прошедших высшую школу верховой езды, сами по себе достаточно интересны, чтобы их прокомментировать.

«Для смотра»: *rompikos*, буквально «относящийся к процессии». Ксенофонт имеет в виду не обычные военные парады, когда кавалерийский командир созывает своих людей для тренировки, и даже не ежегодный смотр, проводимый Советом 500, а религиозную процессию, в которой конница играла заметную роль, как следует из изображений на фризе Парфенона.

«Высшая школа верховой езды»: *meteoros*, «вверх в воздух», термин, применяемый к коню, имеющему хорошее сложение; отсюда наше слово «метеор». Соответствующий глагол *meteorizein* используется Ксенофонтom (X, 4) при описании лошади, поднимающей ноги при высокой рыси (см. предыдущую главу), а также в тех случаях, когда она поднимает корпус при упражнениях, о которых сейчас пойдет речь (XI, 7; 9). *Meteoros* поэтому означает не просто «выполняемый в воздухе».

«Блеск»: *lampros hippos*, «блистательный конь», термин, который, по-видимому, в конце концов приобрел вполне определенное техническое значение, но его конкретного значения мы не знаем. В нашем распоряжении есть надписи, где названы победители на играх в честь Тесея в течение трех лет в первой половине II в. до н. э.³⁴¹ Награды вручались тем эскадронам, в которых люди и снаряжение находились в лучшем состоянии, за победы на соревнованиях (их получали офицеры, нижестоящие чины и другие), за метание дротика и за «блистательного коня». Некоторые соревнования специально предназначались для боевых скакунов, и поэтому кажется ясным, что не от всех коней, принимавших участие в играх, ожидалось использование на поле брани.

Во времена самого Ксенофонта термин «блистательный конь», возможно, еще не имел точного определения. Некий оратор Феопомп, ведший судебную тяжбу в Афинах в начале IV в. до н. э., перечисляет собственность умершего человека: ферма в Элевсине стоимостью в два таланта, 60 овец, 100 коз, мебель, «блистательный конь», на котором тот ездил, когда служил филархом (командиром эскадрона), и остальное его имущество общей стоимостью 2,5 таланта³⁴². Это небольшое состояние, но вполне достаточное для человека среднего класса; вряд ли общая стоимость его преуменьшена, поскольку Феопомп пытается поразить присяжных богатством своего оппонента Стратокла, чья дочь унаследовала оное, находясь под его опекою. Заметим, что после смерти Феофона, хотя он и был филархом, осталась только одна лошадь; его два стада, лошадь, а также все остальное — мебель и имущество были оценены лишь в 3000 драхм. Каждое стадо стоило предположительно 1000 драхм, и лошадь поэтому должна была стоить значительно дешевле 50 персидских золотых монет (1000 драхм) — цена, за которую Ксенофонт продал своего любимого коня после окончания похода Десяти тысяч.

Ксенофонт, вероятно, адресует упомянутую главу богатому всаднику, владеющему большой конюшней, в которой одна лошадь может быть предназначена для высшей школы верховой езды. Он продолжает:

XI, 2. Некоторые думают, что лошадь, у которой гибкие ноги, будет поднимать и весь свой корпус, но это далеко не так. Только лошадь с гибкими, короткими и сильными бедрами — мы говорим о тех, что находятся не со стороны хвоста, но между ребрами и задом вдоль паха, — такая лошадь будет легко подбирать задние ноги под передние.

XI, 3. Если осадить такую лошадь, она согнет задние ноги в суставах, а передние поднимет вверх, так что перед зрителем будет живот. В это время нужно отдать ей удила, дабы она по своей воле делала то, что особенно украшает лошадь в глазах зрителей.

Уже указывалось, что важной частью развития высокой постановки головы была постепенная тренировка задней части тела. Лошадь Ксенофонта сейчас сосредоточена — привыкшая к облегчению передней части тела и к тому, чтобы подводить ноги под корпус. Следующая стадия, и к ней не следует пытаться переходить раньше, — это поставить ее на задние ноги, в то время как передняя часть тела действительно находится над землей.

Полковник Подхайский описывает следующие упражнения³⁴³.

Левада или песада, при которых лошадь поднимает переднюю часть тела, а ее передние ноги сгибаются под туловищем более или менее высоко над землей. При песаде тело достигает угла в 45° по отношению к земле; при леваде оно так высоко не поднимается.

Данные движения развились в Вене из пиаффе; это — высокоритмичная рысь, как при пассаже, но выполняется без продвижения вперед.

Мезер — последовательная серия левад, в промежутках между которыми передняя часть тела касается земли на мгновение, в то время как задняя часть тела бросается вперед коротким прыжком. Лошадь таким образом постепенно движется вперед. Это упражнение недавно было «продемонстрировано в сокращенном объеме и поначалу воспринималось иначе».

Курбет — одно из сложнейших упражнений «над землей», представляющее собой непрерывную последовательность прыжков на задних ногах, при которых передняя часть тела не касается земли.

Курбет распадается на три движения — левада, развившаяся из пиаффе, прыжок в позиции левада и приземление на задние ноги в той же самой позиции. Можно ожидать от двух до пяти прыжков при отсутствии касаний земли передней частью тела, хотя полковник Подхайский упоминает исключительные случаи, когда выполнялось до десяти последовательных прыжков, Липпизанера Сиглави Брозовица.

Он замечает, что это движение, несмотря на его трудности, не является неестественным, и его можно наблюдать у дерущихся жеребцов. Ксенофонт позже поясняет, что его лошадь идет вперед, не выполняя обычного левада, и, судя по его замечанию о «прекраснейших действиях, свойственных лошади», можно предположить, что он знал о настоящем курбете, а не просто о мезере.

Ксенофонт, очевидно, не имеет в виду, что всаднику следует применять эти сложные трюки в бою, хотя художники действительно часто изображают всадников, атакующих врага таким образом. Геродот говорит, что Артибий, персидский наместник Кипра в 496 г.

до н. э., скакал на лошади, обученной становиться на дыбы, ударяя и поражая своими ногами. Греческий командир Онесил обсуждал эту тактику со своим щитоносцем, который советовал ему выбрать, вступить в бой или с человеком или с лошастью; он сам готов сразиться, с кем прикажут. Онесил выбрал человека как более подходящего противника для военачальника его ранга. Поэтому во время битвы сам он напал на Артибия, лишь тот приблизился, и когда лошадь последнего встала на дыбы и опустила ноги на щит Онесила, его оруженосец отрубил их серпом³⁴⁴.

Харон из Лампсака рассказывает историю, которая наглядно демонстрирует, насколько опасно, когда с боевыми конями слишком много занимаются высшей школой верховой езды. Жители Кардии обучали своих лошадей танцевать на задних ногах под звуки флейты в качестве развлечения на пирах. К сожалению, как раз перед войной с варварами-фракийцами к врагу перешел перебежчик и продал раба, обученного играть на флейте, который научил фракийцев соответствующей мелодии. Когда армии вступили в бой, фракийский отряд заиграл эту мелодию, кардийские лошади начали танцевать, их всадники упали на землю, и исход битвы был предрешен³⁴⁵.

Далее Ксенофонт дает следующие наставления.

XI, 4. Некоторые учат этим движениям с помощью ударов прутом под коленные сухожилия или приказывая кому-то бежать бок о бок с конем и ударять его палкой по бедрам.

XI, 5. Но и здесь самым лучшим уроком для коня, как мы всегда это говорим, дать лошади отдохнуть — и делать так всякий раз, когда она ведет себя в соответствии с желаниями всадника.

XI, 6. Когда лошадь делает что-либо по принуждению, она, как говорит и Симон, не понимает этого, и действия ее некрасивы. Это все равно как если бы кто-то стал стегать или прищипывать танцора. В подобных случаях и человек и лошадь представляют собой не прекрасное, а, напротив, безобразное зрелище. Прекрасное и блистательное должно делаться по знаку без всякого понуждения.

XI, 7. И если в езде гнать (умеренно?) [Я полагаю, что текст здесь испорчен; какое-то наречие должны быть добавлено.] коня до обильного пота, а после пути в гору скоро отпускать удила, то можно быть уверенным, что конь добровольно постарается подняться на дыбы.

XI, 8. На таких конях (в качестве седоков) изображают богов и героев; так обращаются с конями прекрасные мужи, которые кажутся нам величественными.

XI, 9. Поднявшийся на дыбы конь представляет собой нечто столь прекрасное и удивительное, что приковывает к себе взоры всех, молодых и старых, и всякий готов бесконечно любоваться им.

XI, 10. Но если владеющему таким конем придется быть филархом или гиппархом, он не должен думать о том, чтобы только самому красоваться: вся его свита должна быть достойна всеобщего восхищения.

XI, 11. Но если передняя лошадь особенно высоко и часто поднимает тело (за что больше всего хвалят коней, прошедших высшую школу верховой езды) и поэтому движется медленно, то очевидно, что все кони, идущие следом, будут вынуждены ступать коротким шагом. А что блистательного в таком зрелище?

XI, 12. Если же едущий впереди побуждает коня идти не слишком быстро и не слишком медленно, но тем шагом, который особенно воодушевляет лошадей и придает им особенно гордый вид, и они выглядят достойно, — так вот, если всадник ведет кавалькаду таким образом, топот копыт, фыркание и ржание лошадей зазвучат у него за спиной, так что не только он, но и все, кто следует за ним, будут являть собой подобающее зрелище.

Этот текст показывает, что описанные упражнения (XI, 2, 3) представляли собой не просто леваду, но включали в себя некоторое движение вперед — естественно, очень медленно, чтобы последующие лошади, из которых мало кто мог подражать передней, были доведены до монотонной ходьбы. Командиру поэтому следовало думать не о том, как ему покрасоваться, а ехать ровным шагом, хотя при этом он и не был в состоянии продемонстрировать, как хороша его лошадь.

Ксенофонт в завершение дает совет о покупке и обучении лошадей.

XI, 13. Если же кто разумно подходит к делу при покупке коней, кормит их так, чтобы они могли переносить труды, хорошо обращается с ними — как при военных упражнениях, так и во время торжественных шествий и на поле боя, то что мешает ему сделать так, чтобы приобретенная им лошадь стала цениться выше, чем до покупки, иметь отличных коней и самому отличаться в верховой езде, если божество этому не препятствует?

Сократ дает схожий совет Критобулу, чьи огромные расходы превышали его собственное имущество. Указав на разницу между дилетантами, которые теряют деньги, занимаясь лошадьми, и профессионалами, извлекающими из этого выгоду, Сократ продолжает: «Потому что ты смотришь на них, как на актеров в трагедии и комедии: на актеров ты смотришь не затем, думаю, чтобы стать поэтом, а чтобы усладить зрение и слух. Это,

пожалуй, правильно, потому что поэтом ты стать не хочешь; но если лошадей держать тебя заставляет необходимость, то не глупо ли с твоей стороны не стараться не быть невежественным в этом деле, тем более что одни и те же знания полезны для ведения дела и дают прибыль при продаже?»³⁴⁶

Однако совет Ксенофонта для кавалерийского командира более реалистичен. Последний должен сказать опекунам тех молодых людей, которых он желает набрать в армию, что в силу размеров их состояний им все равно придется самим содержать лошадей, но под его командованием они по крайней мере избегнут разорительных и безумных трат³⁴⁷.

Глава XI

ЭКОНОМИКА КОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Афинское государство, чьи финансы по современным меркам были организованы плохо, не заставляло своих граждан платить налоги, а возлагало на них дорогостоящие общественные обязанности (литургии). Одной из них являлась служба в коннице, для чего воин должен был приобретать за свой счет лошадь и вооружение. (С середины V в. до н. э. и далее существовал также отряд наемных конных лучников, снаряженных за счет государства³⁴⁸.) Древний принцип, согласно которому способность каждого человека к службе определялась размерами его земельных владений, был установлен в Афинах, по крайней мере, уже в начале VI в. до н. э.; когда законодатель Солон проводил реформу афинского государственного устройства, он разделил граждан на четыре класса. Членами первого класса считались те, чья земельная собственность приносила ежегодно не меньше 500 мер зерна (или эквивалентное количество в масле и вине), второго — 300, третьего — 200. (Стандартная мера, аттический медимн, равнялся приблизительно полутора бушелям.) Четвертый класс состоял из малоимущих.

Представители наиболее богатых слоев общества могли избираться на государственные должности, от которых бедняки были отстранены, и они же исполняли более дорогостоящие общественные повинности; от представителей второго класса (так называемых *hippeis* — «всадников») требовалось обеспечить себя лошадьми и служить в коннице³⁴⁹. Это деление граждан на классы продолжало существовать и в IV в. до н. э., но к данному времени оно уже давно стало анахронизмом, так как деятельность Солона и тех тиранов, которые пришли к власти в VI в. до н. э., привела к росту ремесла, торговли и распространению повсеместно принимаемой серебряной монеты. В V—IV вв. до н. э. поместья человека и его доход определялись ради практических целей в монете³⁵⁰. Афинское сельское хозяйство во многом утратило свою экономическую роль. Права владения, связанные с поместьями, были осложнены залогами и брачными контрактами;

и в конце IV в. до н. э. многие, будучи на деле богатейшими собственниками, формально оставались очень бедными³⁵¹. Старые должности (после 487 г. до н. э. они перестали быть выборными, поскольку распределялись теперь по жребию) все еще до некоторой степени ограничивались членами прежних высших классов, но это ограничение, видимо, больше не воспринималось всерьез³⁵², и с развитием демократии после 509 г. до н. э. сами эти должности утратили прежнее значение. И хотя не только от конницы, но и от тяжеловооруженной пехоты все еще требовалось снаряжать себя за свой счет, граждане больше не оценивались для службы просто по размеру их крестьянских хозяйств.

Возникает вопрос: а появилась ли при солоновской конституции достаточно боеспособная конница? В течение VI в. до н. э. военная мощь фессалийцев, лучших кавалеристов в Греции, ослабла в результате цепи поражений при Керессе в Беотии, в Фокиде и в 510 г. до н. э. у стен Афин, где спартанская тяжелая пехота разгромила тысячу фессалийских всадников, которые были наняты афинским тираном Гиппием. Эти поражения показали (если такая демонстрация вообще была необходима), что конница не в состоянии штурмовать укрепления, что ей можно нанести поражение, используя подготовленные волчьи ямы и рвы, наконец, что даже на благоприятной для нее местности конница не способна разбить большую массу пехоты. (Это не вызовет особого удивления, если мы примем во внимание неудачи средневековых рыцарей — с их тяжелыми конями, совершенными доспехами, седлами и стременами — при Беннокберне, Куртрэ и в других битвах.) Правда, этим поражениям можно противопоставить разгром маленького экспедиционного корпуса, который спартанцы вначале послали против Гиппия. И все же когда после изгнания тиранов афиняне реорганизовали свое государство и вооруженные силы, то конницу, очевидно, сочли излишней роскошью. Армия, которая разбила персов у Марафона в 490 г. до н. э., состояла из тяжелой пехоты без поддержки кавалерии.

Действительно, всадники различных типов часто изображаются на аттических вазах VI в. до н. э., тем не менее из источников не следует, что они играли важную роль. Тираны, как мы уже видели, по крайней мере в конце своего правления, доверяли фессалийцам, а не землевладельцам Аттики. Возможно, это делалось по политическим соображениям. Но их враги, среди которых были и некоторые представители влиятельных знатных фамилий, по всей видимости, и впрямь не располагали боеспособной конницей во время неудачного для них сражения при Паллене ок. 546 г. до н. э.³⁵³ Позднеантичные лексикографы говорят, что навкрии, чьи основные функции, похоже, состояли в сборе денег на постройку кораблей, кроме того, выставляли небольшой конный отряд³⁵⁴. Однако ни один писатель классической эпохи не упоминает подобные отряды; они, возможно, представляли собой береговую стражу, если вообще когда-либо существовали.

Впрочем, это не означает, что афинские аристократы больше не участвовали в колесничных состязаниях или что их сыновья не обучались искусству верховой езды — даже таким трюкам, как метание дротика с лошади, несущейся галопом, стоя³⁵⁵. И все же ко времени персидской агрессии у Афин больше не было боеспособной конницы.

Второе персидское вторжение 480-479 гг. до н. э. показало, что хотя тяжелая пехота и была способна одерживать победы, но если противник избегал сражений, она могла и проигрывать кампании. Поэтому афиняне (после очередного неудачного эксперимента с фессалийскими вспомогательными частями) приступили к серьезной реорганизации своей конницы — возможно, ок. 450 г. до н. э.³⁵⁶ Фессалийцы оказались ненадежными

союзниками, однако как враги они преподали афинянам один ценный урок, когда в 455 г. до н. э. последние вторглись в Фессалию. Хотя они и не встретили армии, способной противостоять в бою их тяжелой пехоте, но вражеская кавалерия смогла помешать им рассеяться по полям для грабежа, как это обычно делалось. Не сумев захватить укрепленные города, афиняне были вынуждены вернуться домой, не добившись успеха³⁵⁷.

Новая афинская кавалерия поначалу насчитывала лишь триста всадников, по-видимому, добровольцев из молодых аристократов. У нас есть одно свидетельство об их действиях. Это надпись, регистрирующая посвящение победных трофеев на Акрополе³⁷⁸. В ней упомянуты три командира, и поскольку все они, очевидно, имели одинаковый статус, то возможно, что конница состояла из трех эскадронов, по сто человек в каждом. Памятник представлял собою статуи двух юношей с лошадьми, поставленные с каждой стороны входа в Акрополь, и даже спустя 600 лет они все еще являлись символом Афин. Однако первоначальная причина их появления была забыта, и некоторые люди полагали, что эти молодые люди были сыновьями историка Ксенофонта³⁵⁹, вероятно, потому, что одного из этих трех командиров также звали Ксенофонт. Правда, мы не знаем ни об одной крупной победе конницы, в честь которой мог быть сооружен этот прекрасный памятник. Не исключено, что поводом для его возведения стало не только создание нового подразделения, но и его первые успехи.

Этот отряд был вскоре увеличен до 1 тыс. человек, возможно, в период мира между 445 и 431 гг. до н. э. Теперь он состоял из 10 эскадронов по 100 человек — по одному эскадрону от каждой из десяти фил, на которые были разделены граждане Афин и которые составляли основу гоплитской организации. Кроме того, набирали 200 конных лучников. Это были наемные отряды, и хотя, очевидно, они состояли из граждан, а не из иностранных наемников, к ним относились с некоторым пренебрежением³⁶⁰. Два кавалерийских командира равного ранга (это отражает обычное тактическое расположение, в соответствии с которым при построении в боевой порядок половина конницы ставилась на каждом фланге армии) и десять филархов (командиров эскадронов) избирались ежегодно народным собранием, и в обязанности Совета входила проверка списков воинов и инспектирование людей и их лошадей³⁶¹. В изображении на фризе Парфенона (ок. 440 г. до н. э.) сквозит гордость афинян за свою конницу.

Однако с Греко-персидских войн основой мощи Афин все больше становится флот, а не армия. Персидское вторжение 490 г. до н. э. было отражено на суше при Марафоне, но в 480 г. до н. э. решающей победой стала морская битва при Саламине. За несколько дней до нее, когда персы были у ворот Афин, Кимон, сын победителя при Марафоне, поднялся на Акрополь, чтобы посвятить богине Афине свою уздечку, и сказал, что сейчас нужны не всадники, а моряки³⁶². После этого мощь Афин покоилась не на знатных землевладельцах, из каковых состояла конница, не на свободном крестьянстве, которое служило в тяжеловооруженной пехоте, а на бедных гражданах, которые не могли экипировать себя для армейской службы и становились гребцами на боевых кораблях. Данные корабли предоставлялись государством, но снаряжались богатыми гражданами, получавшими за это почетное право командовать собственными судами — с помощью профессиональных кормчих или капитанов. Однократная триерархия (т. е. командование одним кораблем в течение сезона) могла обойтись от 4000 до 6000 драхм в начале IV в. до н. э.³⁶³, когда 1 драхма была обычной ежедневной платой для квалифицированного ремесленника. После 411 г. до н. э. эта литургия обычно делилась между двумя

гражданами, а в течение IV в. до н. э. между целой группой лиц и обычно не повторялась два года подряд. Так или иначе, но для большинства самых богатых граждан она стала самой важной военной повинностью. И поскольку один и тот же человек очевидно не мог служить одновременно во флоте и в кавалерии, то фактически конница не была идентична всей массе богатых граждан. Кто, спрашивает в комедии Аристофана колбасник, должен дать отпор демагогу Клеону? «Ибо богатые боятся его, и бедноте он отвратителен». Ответ на этот вопрос заключается в том, что есть всадники, тысяча славных и верных мужей, которые ненавидят его и которых поддерживают все честные люди в городе и, конечно, все добропорядочные зрители в театре³⁶⁴.

Обладатели крупных состояний, нажитых благодаря торговле, похоже, редко служили в коннице. По крайней мере, в ряде дошедших до нас речей IV в. до н. э., произнесенных от имени тяжущихся богатых дельцов, последние всегда пытаются произвести впечатление на суд присяжных, перечисляя оказанные ими государству услуги, но о службе в коннице они говорят редко³⁶⁵.

Наследники богатых состояний могли служить в коннице, тогда как их отцы все еще жили и активно выполняли общественные обязанности³⁶⁶. Эти молодые люди, вероятно, приносили большую пользу как кавалеристы, чем действительные владельцы крупных поместий, служившие в коннице лишь время от времени. Но точно не известно, какую часть от всего отряда составляли представители богатых семей, а какую — те, кто не мог сделать хоть какой-то взнос для участия в триерархии, если от них вообще требовались взносы. Это были, однако, самые богатые молодые люди, подававшие пример, за которыми следовали остальные, причем не только в моде (вроде ношения длинных волос на спартанский манер), но и в политике, где Спарта являла собой образец военной аристократии. Демократия была в безопасности, пока одерживала победы, тем не менее в 404 г. до н. э. война против спартанцев и их союзников, ведшаяся почти в течение целого поколения, закончилась полным разгромом Афин, и хунта Тридцати тиранов была поставлена управлять городом для удовлетворения спартанских интересов. С целью поддержки тиранов конница была сведена в отряд. В период недолгой олигархической революции 411 г. до н. э. этого не произошло, хотя многие всадники в данных событиях и принимали участие. Злодеяния тиранов побудили демократов взяться за оружие. Критий, глава Тридцати, потерпел поражение и погиб. Однако присутствие спартанской армии позволило его уцелевшим сторонникам, которые удалились в Афины, оставив демократам порт Пирей, капитулировать на благоприятных для себя условиях осенью 403 г. до н. э. «Воинам, которые остались в городе с тиранами», запретили заседать в Совете и произносить речи на народном собрании³⁶⁷, но им гарантировали жизнь и неприкосновенность имущества. Запрет на политическую деятельность, вероятно, был особенно жестко проведен в жизнь по отношению к всадникам, которые держались в Афинах до самого конца. Они располагались в Одеоне, ночью, как и пехота, охраняя стены, а на рассвете осуществляя конное патрулирование³⁶⁸. Не исключено, что Ксенофонт относился к их числу³⁶⁹. Если это так, то, возможно, из-за отсутствия карьерных перспектив в родном городе он и поступил на службу к персам и таким образом стал одним из наиболее знаменитых командиров и ведущим для своего времени специалистом по коннице.

В IV в. до н. э. кавалерия, очевидно, была не в таком блестящем состоянии, как в V в. до н. э. Почти в течение поколения афиняне поддерживали фиванцев против Спарты, и поскольку фиванцы имели хорошую конницу, а спартанцы полностью полагались на

пехоту, афинская конница совершала кампании в относительной безопасности. Для одного храброго молодого человека, возможно, перевод из кавалерии в пехоту был делом чести³⁷⁰. Другой же молодой аристократ, пытавшийся обеспечить себе прохождение службы в коннице, подвергся судебному преследованию за дезертирство³⁷¹. Кроме того, многие из старых семей были уничтожены или разорились в ходе войн 431—404 гг. до н. э., безжалостно опустошивших сельские районы Аттики. Так, в IV в. до н. э. число богатых людей в коннице, вероятно, было сравнительно невелико. Некий Феофон, умерший в начале IV в. до н. э., служил филархом, и поэтому маловероятно, чтобы он был беднее среднего воина. Однако все его состояние, включая боевого коня, оценивалось всего лишь в 2,5 таланта (15 000 драхм). В то время 15 талантов считались большим состоянием. Из этого имущества 2 таланта составляли стоимость имения в Элевсине, а поскольку в той же самой речи говорится, что другое имение стоимостью в 2,5 таланта давало 1200 драхм дохода, то Феофон мог получать со своего 960 драхм в год³⁷², что, кстати говоря, приблизительно равно предполагаемой нами оплате всадника в старом значении в те времена, когда зерно, кажется, стоило ок. 3 драхм за медимн³⁷³. В конце V в. до н. э. денежный доход от этого же самого поместья (если, конечно, война позволяла бы его возделывать) составлял бы самое большее всего лишь две трети от этой суммы. (Цена на зерно, похоже, поднялась с 1 драхмы за медимн во времена Солона до 2 драхм — при Сократе, 3 драхм — ок. 390 г. до н. э. и 5 или 6 драхм — в последние годы IV в. до н. э.³⁷⁴) Вместе с тем в V в. до н. э. многие богатые землевладельцы имели и другие источники дохода помимо их поместий в Аттике. Кимон на вершине своего могущества (ок. 465 г. до н. э.), мог позволить, чтобы его урожай собирали для себя бедняки³⁷⁵.

Позднее в том же V в. н. э. друг Сократа Критобул владел поместьем стоимостью в 8 талантов³⁷⁶ и помимо службы в коннице содержал лошадей для своих нужд. Однако ему приходилось также служить во флоте в качестве триерарха. И хотя, несомненно, были и другие, подобные ему³⁷⁷, вроде Алкивиада Старшего и его друзей, конница, бесспорно, была бы боеспособнее, если бы большинство кавалеристов принадлежало к менее зажиточным слоям и находилось бы в распоряжении государства каждый год³⁷⁸. Возможно, Критобул был исключением даже для V в. до н. э., а вот случай с Феофоном в IV в. до н. э. являлся довольно типичным³⁷⁹. Можно также предположить, что имение, приносящее 300 медимнов дохода, позволяло в лучшем случае прокормить всадника и его коня, а потому вряд ли кто-либо из всадников владел меньшим поместьем. Впрочем, в V-IV вв. до н. э. обладание им не обязывало служить в коннице, да и не давало на это права. Общий денежный доход тех, кто владел такими поместьями, составлял бы теоретически 300 драхм в начале VI в. до н. э., ок. 600 драхм — к концу V в. до н. э., 900 драхм — ок. 390 г. до н. э. и 1500-1800 драхм — в последние годы IV в. н. э. Конечно, не вся продукция хозяйства обращалась в монету, поскольку его владелец, его семья и рабы одну часть съедали, а другую оставляли на семена. Кроме того, жилье и орудия труда портились и нуждались в ремонте. Закладные и брачные контракты требовали оплаты. Неизвестно, какую часть розничной цены на зерно получал производитель, у которого большую часть урожая составлял овес, более дешевый, чем импортная пшеница (о цене на нее говорится у афинских ораторов). Сомнительно, всегда ли владелец усадьбы извлекал большую выгоду от подъема цен на импортное зерно, не раз менявшихся в конце IV в. до н. э. Главное свидетельство на этот счет весьма пристрастно; оно содержится в речи³⁸⁰ против землевладельца Фениппа, унаследовавшего большие поместья и обвиненного в уклонении от литургий, которые он обязан был выполнять в соответствии с размерами своего имущества. Склонные к роскоши молодые аристократы, возможно, считали, что их доходы будут расти не меньше, чем цены. Движимые амбициями богатые афиняне стекались в город, видимо, еще до того, как деревни были заброшены с началом войны в 431 г. до н. э. В IV в. до н. э. Ксенофонт предполагал, что знатный землевладелец живет в

городе. Но содержание двух домов всегда связано с дополнительными затратами, даже если лишь немногие молодые люди были такими же мотами, как Фидиппид в комедии Аристофана «Облака». Да и Критобул находит, что расходы превышают его доходы.

Наиболее затратной денежной операцией для кавалериста была покупка коня. В 421 г. до н. э. платить 1200 драхм за скаковую лошадь было расточительством, а каких-нибудь 30 лет спустя она послужила обеспечением долга на такую же сумму, и ее преждевременная смерть стала причиной судебной тяжбы. В 399 г. до н. э. Ксенофонт, испытывая сильные денежные трудности, продал любимого скакуна за 50 персидских золотых монет (1000 драхм) — ежегодное жалованье командира наемников, вчетверо превышающее плату для простого воина. Приблизительно в это же время 300 драхм стоила простая упряжная лошадь — возможно, впрочем, весьма полезное животное в своем роде, поскольку две пары мулов для сельских работ оценивались в 550 и 800 драхм³⁸¹. У Ксенофонта лошади были лучше, чем у большинства его товарищей. Тем не менее, как кажется, не слишком состоятельный кавалерист мог потратить, по крайней мере, половину своего годового дохода на скакуна. Конюх (обычно им был один из домашних рабов), который сопровождал всадника в походе и который носил пищу для своего господина и присматривал за животными, также должен был ехать верхом³⁸², хотя, видимо, не на коне, а на вьючном животном. Во всяком случае, кавалеристы, судя по всему, приводили лишь одну лошадь для инспекции в Совете. Феофон оставил только одну лошадь, которую, вероятно, оценили куда дешевле, чем Ксенофонтова скакуна. А позднее, в IV в. до н. э., про Фениппа сообщается, что при уходе со службы он продал своего коня, хотя, будучи человеком молодым, богатым и здоровым, он был большим любителем лошадей. Слуги иногда могли ехать в одном строю с всадниками, чтобы создать у неприятеля ложное представление о многочисленности кавалерии, или даже отправляться на рекогносцировку в труднодоступную местность. Но все это еще не означает, что они ехали на запасных конях. Цезарь, Марий и другие полководцы античности подобным образом использовали лагерных слуг, ехавших на обозных мулах³⁸³.

Можно только предполагать, какой была ежедневная стоимость фуража. В период республики каждой римской кавалерийской лошади выдавалось 3,5 аттических медимна³⁸⁴; это кажется вполне вероятным (немного более 5 бушелей), и мы способны представить афинского всадника, который весь год держал наготове свою лошадь (Ксенофонт не говорит ничего о том, чтобы ее выпускали на пастбище) и тратил на ее питание 40 медимнов ячменя. Подножный корм был, конечно, доступен, однако, очевидно, качество его было хуже.

Эти значительные затраты, по крайней мере в более позднее время, частично оплачивались государством. В одном источнике говорится о «доходе» — займе, предоставляемом полисом в обмен на стоимость скакуна и не подлежащем возврату, если животное будет потеряно во время активной службы³⁸⁵. Правда, эта оплата упоминается только один раз в связи с аристократической революцией 404—403 гг. до н. э. и при демократии, возможно, не имела места. С другой стороны, продовольственные пайки, по всей видимости, были регулярными — по крайней мере в военное время, и обеспечивались согласно военным договорам с другими государствами³⁸⁶, хотя в 424 г. до н. э. всадники все еще могли похвастаться, что не требуют компенсации³⁸⁷. В одной надписи, фиксирующей ежемесячные выплаты из афинской казны в 409–408 гг. до н. э., статья «зерно для лошадей» появляется через равные промежутки времени³⁸⁸, и потраченная таким образом общая сумма (ок. 16,5 таланта) была бы более чем

достаточной, чтобы прокормить 1000 лошадей так же, как и римских скакунов, если бы ячмень в то время стоил две драхмы за медимн³⁸⁹.

Ок. 365 г. до н. э. Ксенофонт считал, что конница обходилась Афинам в 40 талантов в год и что командиры эскадронов могли себя полностью экипировать из своего жалованья³⁹⁰. Антисфен намекает, что некоторые кавалеристы вполне преуспевали на службе:

Наши чепраки

Служат нам подстилками, а наши прекрасные

войлочные шляпы —

Великолепными охладителями вина.

Жизнь — сплошной рог изобилия³⁹¹.

Дисциплина в V в. до н. э. была также слаба. Аристофан описывает командира эскадрона, который сидел на своем скакуне на рынке и ел овсяную кашу из шлема, которую он только что купил в лавке у одной старухи³⁹². Более серьезные люди сокрушались о недостатке дисциплины среди всадников и гоплитов, которые, будучи представителями лучшей части населения, должны были подавать пример гребцам-беднякам во флоте³⁹³. Возможно, аналогичным образом обстояли дела и в армии, занятой лишь частично и состоявшей из обеспеченных граждан; ее командиры происходили из того же социального слоя и ежегодно выбирались народным голосованием.

О ценах на снаряжение мы почти ничего знаем. Аристофан рассказывает о 1000 драхм за пластинный панцирь великолепной работы, 100 драхм за шлем и 60 — за трубу (хотя не исключено, что это было допустимым для комедии преувеличением)³⁹⁴. Подержанные вещи из имущества молодых аристократов, изгнанных в 415 г. до н. э. по обвинению в оскорблении государственной религии, и приобретенные по сниженной цене, включали в себя копье без древка за 1 драхму и 4 обола плюс 1 обол налога (обол = 1/6 драхмы) и легкий дротик за 2 драхмы и 5 оболов плюс 1 обол налога. На острове Кеос в начале III в. до н. э. наконечник копья стоил 3,5 обولا, тяжелое копье — 2 драхмы, а щит — 20 драхм³⁹⁵.

Мы не в состоянии сделать какие-либо определенные выводы, но, возможно, более бедные воины были вынуждены тратить сумму, равную их годовому доходу, чтобы снарядить себя. Даже если государство действительно сужало им средства для

приобретения коней, то этот заем нужно было возвратить через несколько лет. Ценность же лошади, несмотря на бодрые рассуждения Ксенофонта о ее перепродаже, упала бы до нуля, когда она бы состарилась. Между тем если бы конь находился в состоянии готовности в течение года, то он мог съесть более 1/10 ежегодной продукции, производимой хозяйством ее владельца. Поэтому менее состоятельные всадники, видимо, пренебрегали заботой о своих лошадях в мирное время, хотя Совет ежегодно их инспектировал, признавая негодными плохо накормленных лошадей и штрафуя их владельцев³⁹⁶.

Пока тянулась долгая война, всадник

Кормил коня и сеном и овсом вволю

За то, что честно конь ему служил в битвах.

Но вот когда закончилась война миром

И перестали всаднику платить деньги,

Пришлось коню из дальнего возить леса

Большие брёвна на своей спине в город

И прочие тяжелые таскать клади,

А голод лишь мякиной утолять жесткой.

Ведь он уже не конскую служил службу.

Когда же снова зашумел у стен недруг

И бросились защитники щиты чистить,

Точить мечи и украшать коням сбрую,

Тогда и всадник своего коня вывел,

Взнуздал его и уж хотел вступить в стремя,

Но тут же подкосились у коня ноги,

И он упал, сказав: «Теперь воюй пешим!

Из лошади ты вьючного осла сделал,

Но из осла не сделаешь никак лошадь»³⁹⁷.

Глава XII

ВОИНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ И ТАКТИКА

В последней главе своего трактата о верховой езде Ксенофонт пишет, «как следует вооружаться тому, кто намерен встретить опасность верхом на лошади», и советует, чтобы и человек и лошадь были насколько возможно более закрыты металлическими доспехами. Это кажется удивительным, поскольку он предполагает, что всадники будут вооружены главным образом метательным оружием, и определенно не считает, что кавалерия способна решать исход крупных сражений путем нападения на тяжелую пехоту и ее разгрома. При изложении задач конницы он говорит о патрулировании, разведке, засадах, внезапных рейдах и нападениях на отставших воинов противника. Коннице следует учиться у волков, которые ищут неохраемые места для грабежа и нападают на собак лишь тогда, когда те уступают им по численности, и у ястребов, также хватающих то, что оказывается без присмотра, и улетающих еще до того, как их обнаружат³⁹⁸. Наглядный урок такой тактики преподали пятьдесят сицилийских всадников, посланных сиракузским тираном Дионисием на помощь Спарте, когда на ее территорию вторглись фиванцы после разгрома лакедемонян при Левктрах.

Поскольку их было мало, то они рассыпались в разные стороны и забрасывали неприятелей дротиками, скача параллельно с ними или же навстречу им, а когда кто-либо атаковал их самих, то они уклонялись и снова заходили с флангов и метали дротики. При этом они часто спешивались со своих лошадей и отдыхали. А если же кто-либо скакал на них в то время, когда они были спешены, то они садились на лошадей и отъезжали. Но

если преследователи нападали на них, сильно оторвавшись от главных сил, то сицилийцы атаковали их, когда противник отходил далеко, и наносили им урон.

В результате фиванская армия была вынуждена и наступать и отступать к удовольствию горстки сицилийских всадников, чьи действия Ксенофонт противопоставляет поведению более многочисленной афинской или коринфской конницы — ни та, ни другая не осмеливалась приближаться к фиванцам, видя, как те сильны и как их много³⁹⁹. Налицо разница между хорошо обученными профессионалами и дилетантами.

Ксенофонт ничего не говорит ни об экипировке сицилийцев, ни о том, как им удавалось пополнять запасы дротиков, — ведь они не всегда могли получить обратно те, которые метнули.

Вероятно, для такой тактики подвижность была важнее, чем защищенность, однако эти сицилийцы, по-видимому, носили по крайней мере защитное оружие. Так, их правитель Дионисий, готовясь к войне с Карфагеном, заготовил 140 000 щитов и кинжалов и более 14 000 замечательных и со вкусом украшенных панцирей для конницы, наемников из гвардии и офицеров пехоты⁴⁰⁰. (Соотношение пехоты и кавалерии 10:1, которое мы здесь наблюдаем, было нормой для античной эпохи.)

Пехотинцы, судя по всему, не имели защитного оружия кроме щитов, которые образовывали неразрывную линию, когда воины были выстроены в сомкнутом строю. В этом отношении армия Дионисия отличалась от тяжелой фаланги трехсотлетней давности, воины которой обычно носили панцири, состоявшие из грудной и спинной пластины⁴⁰¹. Однако не сицилийцы ввели такую моду. К концу V в. до н. э., если не раньше, спартанцы создали новый тип тяжелой пехоты, мобильной и гибкой, подготовленной к совершению длительных форсированных маршей; быстрому развертыванию из колонны в линию; изменению боевого порядка в соответствии с условиями местности; размыканию своих рядов и нападению на легковооруженных застрельщиков (необходимо признать, что обычно это не приносило эффекта); и совершению быстрых и точных маневров и контрмаршей. Для всего этого полный металлический доспех был слишком обременительным. Спартанскую тактику и снаряжение позаимствовали наемники, которых обучали спартанские офицеры, и в 401 г. до н. э. греческие пехотинцы, нанятые персидским царевичем Киром Младшим, имели только большой щит, шлем и поножи. Они носили красные туники, но у них не было защитного оружия для тела⁴⁰².

Система военной подготовки и тактики, которую знал Ксенофонт, возможно, появилась во время Пелопоннесской войны⁴⁰³, однако необходимость найти разумное соотношение между защищенностью и подвижностью ощущалась и гораздо раньше. Аргивские пехотинцы в тот период, когда их репутация была на высоте (VII в. до н. э.?)⁴⁰⁴, носили не пластинные кирасы, а льняные панцири, и к концу VI в. до н. э. пластинные панцири и прикрытия для бедер, которые иногда находят вместе с ними, исчезают из аттической вазовой живописи⁴⁰⁵. С этого времени обычными становятся мягкие латы из склеенного льна или кожи, хотя иногда изображается и чешуйчатое оружие, давно известное на Востоке. С этим более легким оружием афиняне смогли атаковать бегом в битве при Марафоне в 490 г. до н. э., но, по-видимому, к концу V в. до н. э. и его стали считать слишком тяжелым. В ходе Пелопоннесской войны 431—404 гг. до н. э. как спартанцы, так

и афиняне терпели поражения, когда их тяжелую пехоту настигали на неблагоприятной для нее местности легковооруженные воины.

Однако греческая конница этого периода щитов не имела и поэтому была вынуждена использовать защитное вооружение для тела, если она вообще использовала средства защиты. Поэтому когда наемники Ксенофонта по пути назад организовали маленький эскадрон, то людей в нем потребовалось обеспечить панцирями или кожаными куртками (spolades)⁴⁰⁶. Старшие офицеры тоже, по-видимому, часто ездили верхом, вследствие чего носили защитное вооружение. Когда они спешили, чтобы лично возглавить свою пехоту, то брали щиты от оставших воинов или дезертиров⁴⁰⁷, если только их не сопровождали щитоносцы⁴⁰⁸, и, таким образом, несли вооружение большего веса, чем их подчиненные, что представляло собой неудобство на неровной местности, как это произошло с Ксенофонтом в Курдистане.

По своему виду пластинный панцирь состоял из отдельных пластин, грудной и спинной, соединявшихся на плечах крючками. Даже на самых ранних образцах обозначались контуры грудных мышц, сосков и других частей тела, которые предполагалось защищать. Со временем эти детали изготавливались все более и более искусно, и к концу IV в. до н. э. весь панцирь изготовлялся рельефно, чтобы изобразить мышечный торс человека⁴⁰⁹.

Более значительным усовершенствованием было то, что на ранних панцирях (до последней четверти VI в. до н. э.) нижний край как грудной, так и спинной пластины выгнут резко вовне. Он образовывал широкий защитный обод панциря, который проходил вокруг тела воина как раз под талией (мы нередко видим его на вазах VII—VI вв. до н. э.)⁴¹⁰. Данный обод не давал нижнему краю панциря натирать верхнюю часть бедра воина и не сковывал его движений, а также помогал защищать пехотинца от ударов копий, наносимых книзу от плеча, которые в таком случае отводились от нижней части живота. Однако это не обеспечивало всаднику защиты от удара сверху от земли, поэтому нижние края панцирей IV в. до н. э. не выдаются вовне, а искривляются с обеих сторон вверх над бедрами воина (такая конструкция, очевидно, требовала более тщательной подгонки и большего мастерства изготовителя)⁴¹¹. «Крылья», как называли их Ксенофонт⁴¹², т. е. длинные узкие металлические полосы, висящие свободно, чтобы не мешать движениям, прикреплялись к нижнему краю панциря, чтобы защищать нижнюю часть живота и верхнюю часть бедер. Схожие «крылья» иногда прикреплялись к краям отверстий для рук, чтобы защищать плечо и верхнюю часть руки.

Ксенофонт рекомендует для защиты шеи также использовать латный воротник, поднимающийся от самого панциря и достаточно большой, чтобы прикрыть нижнюю часть лица воина. Такой образец показан на одной фессалийской монете времен Ксенофонта⁴¹³, но спустя поколение использовался другой тип, который крепился к шлему. В битве при Арбелах (331 г. до н. э.) Александр Великий носил железный шлем, так хорошо сделанный и отполированный, что он сиял как серебро высокой пробы. К шлему был присоединен латный воротник из того же металла, украшенный драгоценными камнями. Примечательно, что Александр носил не пластинный, а двойной льняной панцирь из числа трофеев, захваченных за два года до того при Иссе⁴¹⁴.

В самом деле, хотя пластинные панцири, судя по литературным источникам, продолжали использоваться в классический период⁴¹⁵, памятники материальной культуры позволяют считать, что больше были распространены льняные латы и *spolas*. Они шнуровались на правом боку и скреплялись широкими плечевыми полосами, которые шли со спины и завязывались внизу на груди. Нижние края доспеха представляли собой узкие полосы, которые подобно «крыльям», прикрепленным к пластинному панцирю, обеспечивали гибкое прикрытие бедер и поясницы. «Крылья» также иногда крепились к плечевым полосам (но, возможно, не раньше IV в. до н. э.).

Чтобы сделать эти доспехи более эффективными, иногда использовалось чешуйчатое защитное вооружение, уже давно известное на Востоке⁴¹⁶. Его носили персы⁴¹⁷ и скифы⁴¹⁸, но в воображении греческих вазописцев оно мало связывалось с кавалерией⁴¹⁹.

Доспехи и металлические шлемы есть у немногих всадников на фризе Парфенона (может быть, это офицеры?), однако у большинства из них нет защитного вооружения. Впрочем, они принимают участие в процессии, а не в битве, и мы не знаем точно, что они носили в боевых условиях. Другие памятники классического периода (особенно надгробный памятник Декселея, «одного из пяти всадников», который был убит под Коринфом в 394 г. до н. э.) показывают сражающуюся конницу без защитного вооружения. Хотя вполне возможно, что это результат художественной условности (противник Декселея, упавший на землю пехотинец, также обнажен). По-видимому, Ксенофонт считал вполне обычным использование кавалеристами защитного вооружения для тела, причем не только в Азии, но и во второстепенных областях Греции. Конница Флиунта, готовясь к рейду, «надела панцири и взнуздала лошадей»⁴²⁰, и вряд ли в их снаряжении было что-то необычное для той поры.

Однако памятники материальной культуры V в. до н. э. позволяют предположить, что в это время некоторые всадники сражались, одетые только в хламиду, хитон и петас — обычное облачение для верховой езды, охоты (будь то на лошади или пешком) или другого вида деятельности на свежем воздухе. Вместе с тем мы не знаем, насколько была распространена подобная практика.

Я не могу найти ни одного свидетельства, позволяющего предположить, что греки классического периода пытались создать из легкой и тяжелой конницы самостоятельные боевые единицы, как это произошло в эллинистический период. Правда, в конце VII—VI в. до н. э. (в период, в связи с которым у нас недостает надежных литературных свидетельств) в вазовой живописи появляются изображения всадников двух типов. Первые одеты так же, как и охотники того времени, в короткую тунику, без доспехов и обычно без головного убора, вооружены одним или двумя короткими копьями, которые использовались в ближнем бою или в качестве дротиков. Обычно это безбородые молодые люди. Однако всадники на вазе из афинского Акрополя, расписанной во второй четверти VI в. до н. э.⁴²¹, выделяются своими бородами и широкополыми шляпами. Они сражаются с конными лучниками, чьи шляпы и обувь выдают в них варваров. Один греческий дротометатель упал со стрелой в голове. Главное украшение этой вазы — сцена героического боя между воинами, едущими, подобно гомеровским, на колесницах. Один воин лежит на земле, и над его телом разгорается схватка. Не исключено, что эта ваза сделана в память о каком-либо подлинном эпизоде одной из войн, в ходе которых Афины

пытались завоевать плацдарм на берегах Геллеспонта. На меньшем бордюре показана смерть знатного афинянина, сражающегося с варваром, а центральная сцена навеяна воспоминаниями об одном из героев Троянской войны.

Конные лучники редко изображаются на афинских вазах. Обычно это варвары⁴²². Тем не менее, возможно, что конные лучники V—IV вв. до н. э. были афинянами, но они служили за плату, и потому «всадники» относились к ним с презрением.

У кавалеристов второго типа имеются шлемы, панцири, поножи, большой круглый щит гоплитов — ок. тридцати дюймов в диаметре, слишком обременительный в конном строю. Обычно это бородатые мужчины, которых часто сопровождают молодые оруженосцы, сидящие на запасных лошадях. Их задача, очевидно, заключалась в том, чтобы присматривать за конем всадника, после того как он спешится для боя, подвозить к полю битвы и увозить с него; во многом это напоминает колесничих героической эпохи⁴²³. На крышке аттической вазы, расписанной предположительно ок. 570 г. до н. э. и хранящейся в настоящее время в Неаполе⁴²⁴, мы видим схватку, в которой принимают участие все рода войск. Тема — осада Трои, но художник изобразил оружие и снаряжение своего времени. Греческая армия врывается в обреченный город. Впереди едут верхом рядом одетые только в короткие туники двое юношей, потрясающие копьями. За ними в плотном строю наступают бегом семь тяжеловооруженных пехотинцев со щитами, перекрывающими друг друга. Далее следует всадник, вооруженный как гоплит, со шлемом, щитом и поножами. Он только что спрыгнул с коня на левую сторону, оставив поводья оруженосцу, который одет так же, как и застрельщики авангарда, однако, судя по всему, не вооружен. Гоплиты, а также группа всадников и оруженосцев затем повторяются дважды. Не исключено, что всадники и оруженосцы в действительности не находились между рядовыми воинами и могли составлять левый фланг.

На других рисунках изображены оруженосцы противоборствующих сторон, стоящие с запасными лошадьми между участниками поединков, которые сражаются пешими. Один обращается в бегство и бросает своего господина в особо опасный момент (ропись на коринфской вазе начала VI в. до н. э.)⁴²⁵, но чаще они служат своего рода обрамлением для битвы, от которой их даже могут отделять женщины, наблюдающие за схваткой⁴²⁶. По этой причине лошадь (ее вели оруженосцы, для чего, собственно, и требовалось их присутствие) часто не изображалась⁴²⁷. И вскоре всадников (или амазонок) начинают рисовать по бокам мифологических сцен, в которых они смотрятся довольно неуместно⁴²⁸.

Процессии всадников без оруженосцев, иногда ведущих запасных коней, мы видим на некоторых чашах и больших сосудах для смешиваний, расписанных в Коринфе в начале VI в. до н. э.⁴²⁹; часто они появляются и на более поздних афинских вазах. Однако на немногих памятниках из материковой Греции показаны всадники, использующие в бою щиты⁴³⁰, и на аттических вазах конца VI в. до н. э. большой щит показан заброшенным за спину, когда воины в тяжелом вооружении нападают на врага верхом. (Их противниками часто выступают амазонки, которые в то время начинают изображаться конными. Поэтому данные вазы, возможно, не отображают реального состояния тогдашнего военного дела.) В отличие от своих соплеменников из южной Италии и большинства европейских соседей материковые греки так и не создали хороших кавалерийских щитов. Вероятно, всадники с большими щитами должны были действовать как пехота, только в

конном строю. Есть несколько изображений всадников VI в. до н. э. из Афин и Коринфа со шлемом, панцирем и поножами, но без щитов. Возможно, перед нами своего рода эксперименты с тяжелой конницей, предвосхищающие появление тяжеловооруженного воина, чье снаряжение описывает Ксенофонт⁴³¹. Вместе с тем до V в. до н. э. такие всадники — редкость, и даже позже они значительно уступали по численности легковооруженному типу.

Для кавалерийского шлема Ксенофонт рекомендует «беотийский тип, поскольку он не только обеспечивает самую лучшую защиту тому, что остается над панцирем, но и не препятствует хорошему обзору»⁴³². Этот шлем был идентифицирован⁴³³ с тем типом, который показан на памятниках из Феспий, Галиарта и Танагры в Беотии (все они, очевидно, относятся к эллинистическому периоду) и на аттических рельефах IV в. до н. э. Шлем имеет высокое куполообразное основание и широкий, идущий вокруг наклонный обод, который, по крайней мере на поздних образцах, согнут складками. Обод защищает шею сзади и выдается вперед, прикрывая лоб. При этом лицо, которое другие греческие шлемы защищали неподвижными или подвижными нащечниками и иногда длинной носовой пластиной, остается открытым, и обзору, как отмечает Ксенофонт, ничто не мешает. На таком шлеме иногда носили длинное перо⁴³⁴.

Беотийский шлем, похоже, стал стандартным кавалерийским шлемом в армии Александра Великого и его наследников. Один уцелевший образец (ныне в Эшмольском музее в Оксфорде) был найден в реке Тигр — след македонского завоевания Востока.

Для левой руки Ксенофонт рекомендует «изобретенную деталь вооружения, называемую “рукой”». Она «закрывает плечо, верхнюю часть руки, предплечье и кисть, держащую поводья, и при этом вытягивается и сгибается. Она также защищает и ту часть туловища, которая не прикрыта панцирем, под мышкой»⁴³⁵. Слова Ксенофонта означают, что в его время это было нововведением. Возможно, оно было слишком неудобным, чтобы часто использоваться на войне. Однако несколько памятников эллинистического периода позволяют считать, что полностью от него все-таки не отказывались. Это изобретение продолжало применяться и оказало влияние на тяжелое вооружение римских гладиаторов⁴³⁶. Изготовление таких подвижных соединений, судя по всему, в целом было не под силу греческим оружейникам, но левой руке с локтем, находящимся в стороне⁴³⁷, не приходилось много двигаться.

Для правой руки, которая сжимала оружие, свобода движения была необходима, и потому Ксенофонт советует, чтобы доспех для нее не соединялся с панцирем. Рекомендуемые им средства защиты руки, которые должны охватывать ее так, как поножи охватывали ноги, были найдены в Олимпии и в южной Италии⁴³⁸. Они датируются VI в. до н. э., т. е. именно тем периодом, когда пехотное вооружение было наиболее тяжелым и поэтому, возможно, не использовалось всадниками. Впрочем, «панцирь и пара наручей греческой работы V в. до н. э., найденных около Никополя в 1902 г.»⁴³⁹, почти наверняка являлись кавалерийским вооружением, хотя несомненно и то, что они были в ходу у скифов. Для защиты ног всадник надевал башмаки, которые прикрывали его голени и ступни, в то время как его бедра должны были быть защищены одной примечательной частью вооружения, которую нес конь. Она представляла собою вид фартука, передние края которого, похоже, присоединялись к хомуту, проходившему вокруг плеч лошади, откуда тянулись назад, чтобы прикрыть бока лошади и бедра всадника⁴⁴⁰. Это неуклюжее

средство (видимо, азиатского происхождения) можно увидеть на нескольких памятниках, сделанных во времена Ксенофонта по обеим сторонам Эгеиды⁴⁴¹. Однако азиаты также носили штаны, каковые могли быть прошиты дополнительными подкладками или усилены чешуйками для защиты бедер. Ксенофонт, описывая вооружение персидского принца, которого он видел собственными глазами, говорит, что тот носил панцирь и доспех для прикрытия бедер. Его лошадь имела доспехи для защиты бедер и головы⁴⁴². Когда, однако, он дает рекомендации для снаряжения греческой конницы⁴⁴³ или же приводит исторические примеры⁴⁴⁴, то советует, чтобы всадники имели панцири и шлемы, а лошади — бронзовые наголовники и нагрудники⁴⁴⁵ и бронзовые доспехи для защиты боков, которые также прикрывали бедра всадника. Их необходимо отличать как от покрывал или доспехов для бедер, которые использовались еще с Бронзового века, чтобы защитить колесничных лошадей⁴⁴⁶, так и от пластин, охватывающих верхнюю часть ноги, которые иногда надевали гоплиты в VI в. до н. э. У них была кромка, идущая вдоль внутренней поверхности бедра, и если бы их носили всадники, то они могли бы повредить как лошадь, так и седока.

Полное вооружение, описанное Ксенофонтom, вероятно, являлось тяжелым бременем для лошади — особенно потому, что греческая лошадь имела менее массивную комплекцию, чем персидская. Впрочем, существование различных элементов вооружения, о которых он говорит, подтверждается независимыми источниками (возможно, за исключением «руки»)⁴⁴⁷, да и сам Ксенофонт был практичным человеком и замечательным командиром. Поэтому нет нужды игнорировать его идеи, относя их к разряду чисто теоретических, хотя неудобные прикрытия для боков и бедер, похоже, использовались только в его время.

Следует отметить, что Ксенофонт, пусть и находившийся под сильным персидским влиянием, не предлагает снарядить греческую конницу на персидский манер. Персидское вооружение плохо представлено на памятниках, поскольку оно было обычно скрыто под верхней одеждой, цвета которой, как и геральдические символы средневековых рыцарей, могли служить как средство опознания⁴⁴⁸. Беотийский шлем и пластинные панцири с «крыльями» были определено греческими, хотя иногда их также носили и варвары⁴⁴⁹.

Для наступательного оружия Ксенофонт рекомендует *machaera*, тяжелый искривленный рубящий меч, напоминающий по форме *kukri* у гуркхов⁴⁵⁰, а не короткий прямой режуще-колющий, который, видимо, чаще использовался пехотой. Однако самым важным оружием всадника являлись дротики из кизила (по два на кавалериста). Длинное копье было «как непрочное, так и неудобно для ношения», а обученный человек мог бросить один дротик с большого расстояния, а потом использовать второй, чтобы ударить на близкой дистанции⁴⁵¹. Метание дротиков с лошади было нелегким делом. Ксенофонт призывал упражняться в нем, правда, очевидно, мало надеялся, что его советы будут приняты всеми афинскими всадниками, — он рекомендует, чтобы командиры эскадронов выставляли как можно больше дротометателей⁴⁵². На наградных амфорах начала IV в. до н. э. изображены состязания конных дротометателей⁴⁵³. Мишенью служил крепившийся к столбу круглый щит, а оружие металось с очень короткой дистанции, хотя это, возможно, потому, что художник хотел изобразить на картине как можно больше.

Сам Ксенофонт рекомендует бросать дротик с максимальной дистанции, чтобы метаящий успел отъехать назад или взять второй дротик⁴⁵⁴. Но несмотря на все то, что он говорит,

метание с максимальной дистанции не всегда было самым надежным. В битве при Кунаксе в 401 г. до н. э. Кир Младший во время атаки столкнулся с Артагерсом, знатным воином, одним из высших неприятельских командиров, который, выкрикнув оскорбления в адрес Кира, метнул в него свой дротик. Однако нагрудник спас Кира, хотя он и попал под удар, и так как Артагерс повернул коня, то Кир поразил его, пробив острием копья шею около ключицы⁴⁵⁵.

Что Ксенофонт предпочитал два дротика длинной пике, объясняется одним случаем во время восточной кампании спартанского царя Агесилая в 396 г. до н. э., в которой принимал участие и сам Ксенофонт. Греческая конница, откомандированная на разведку, натолкнулась на равный по численности отряд персов, причем из-за холма, который находился между ними, ни одна из сторон не догадывалась о присутствии другой до тех пор, пока они не сблизилась на сотню-другую метров. Обе группы остановились. Персы первыми оправившись от удивления и, напав, отогнали греков к их тяжелой пехоте, убив двенадцать человек и двух лошадей. Ксенофонт приписывает поражение греков: 1) лучшему строю персов, которые атаковали, построившись колонной, в то время как греки встретили их, выстроившись в линию; 2) лучшему вооружению персов — дротиками из кизила. У греков были копья, которые всякий раз ломались, когда ударяли врага⁴⁵⁶.

Теории Ксенофонта были отвергнуты поколение спустя после его смерти — македонская кавалерия предпочла длинные копья, да и у него самого, возможно, были впоследствии на сей счет другие мысли⁴⁵⁷.

Инструкции Ксенофонта для обучения лошадей и всадника предполагают перестрелки с применением метательных снарядов и уходом из-под вражеского удара после метания⁴⁵⁸. Отдельные всадники могут схватиться врукопашную, тем не менее конница не будет нападать на плотный строй пехоты неприятеля. Необходимость быстрого отхода и уклонения от близкого контакта с основными силами врага доказывается эпизодом из европейской кампании Агесилая. Конница фиванцев неожиданно напала на спартанскую армию на марше, застав кавалерию арьергарда спешенной и обратив ее в бегство. Однако беглецы вновь собрались и контратаковали при поддержке молодых пехотинцев. Фиванцы вели себя «как люди, которые в полдень подвыпили: правда, они стойко выдерживали натиск до тех пор, пока не выпустили всех дротиков, однако же ни один из них не попал в цель. После этого они повернули тыл, потеряв при отступлении двенадцать человек»⁴⁵⁹.

Неосторожность при отходе могла привести к тяжелым последствиям даже после того, как вражеская пехота оказывалась на безопасном расстоянии. Так, когда царь Агесилай привел свою армию назад из Азии в 394 г. до н. э., его продвижение через Фессалию было задержано атаками фессалийской конницы на арьергард, что вынудило его сконцентрировать кавалерию в тылу и подготовиться к битве. Вслед за этим фессалийцы, решив, что не могут успешно сражаться верхом против тяжелой пехоты, начали медленно отступать, а конница Агесилая следовала за ними с чрезвычайной осторожностью. Царь, поняв ошибку, совершенную обеими сторонами, послал на помощь отборных всадников с приказом подбодрить остальных и атаковать врага галопом, не давая ему другой возможности отойти. Это яростная атака застала фессалийцев врасплох, и они были обращены в бегство, потеряв в схватке своего командира⁴⁶⁰.

Легко порицать Ксенофонта за его чрезмерную осторожность во взглядах на тактику и вооружение, особенно когда мы знаем о победах Александра Великого, одержанных всего спустя поколение после его смерти. Однако исход битв Александра был решен поражением персидской конницы. Македонский царь не водил свою кавалерию в лобовые атаки против греческих наемников, которые столь верно и успешно служили Дарию почти до самого конца⁴⁶¹. Преемники Александра, хотя в состав их армий и входила лучшая тяжелая пехота в мире, поначалу также решали исход сражений кавалерийскими атаками. Возможно, во многом именно поэтому личности военачальников играли тогда особую роль; армии сражались за одного полководца против другого, и, таким образом, удача отдельного командующего могла склонить чашу весов на его сторону.

Эвмен из Кардии и Неоптолем, «несмотря на давнюю ненависть и наполнявшую их злобу, в двух столкновениях проглядели друг друга и лишь в третьем, с криком обнажив мечи, ринулись один другому навстречу. Когда кони их сшиблись со страшной силой, словно триеры, оба выпустили из рук поводья и, вцепившись друг в друга, стали стаскивать с противника шлем и ломать панцирь на плечах. Во время этой драки оба коня выскользнули из-под седоков и умчались, а всадники, упав на землю, лежа продолжали яростную борьбу». В конце концов Неоптолем был побежден и убит⁴⁶². Такой вид поединка напоминает об образе действий Кира Младшего и Александра. Примечательно, что когда границы царств преемников последнего стали более определенными, а войны их наследников приобрели характер межгосударственных, то значимость тяжелой пехоты, ставшей более тяжелой и неповоротливой, чем когда-либо, увеличилась за счет конницы.

Во второй главе уже указывалось, что в период поздней античности греческая порода легких лошадей пришла в упадок и были выведены кони более массивной комплекции, с примесью центральноазиатской крови, которые могли нести тяжеловооруженных седоков. Такие лошади, как показывают рельефы из Персеполя, использовались в Персии задолго до Ксенофонта. Судя по некоторым памятникам европейской Греции и Македонии, еще до завоевания Александром Востока там начали использоваться лошади более грузной и грубой породы, чем афинские V в. до н. э., хотя в Европе параллелей характерному «римскому носу» лошадей из Персеполя не обнаружено. Однако то, что использование тяжелого кавалерийского вооружения сыграет свою роль в упадке классической греческой конницы, трудно было предвидеть во времена Ксенофонта. Можно, конечно, упрекать его за надоедливые рассуждения о том, как избежать опасности, и за то, что он больше внимания уделял оборонительному, а не наступательному вооружению. Но следует помнить, что Ксенофонт не готовился лично идти в атаку, а писал как старый человек, дающий советы своим «молодым друзьям». Не исключено, что среди них были и два его сына, один из которых позднее погиб со славой, сражаясь в рядах афинской конницы на стороне спартанцев в битве при Мантинее, окончившейся вничью. Спустя двадцать пять лет македонское завоевание Греции, наконец, показало, что пылкие воины-дилетанты — а именно для них писал Ксенофонт — больше не равня обученным профессионалам, среди которых он в свое время был одним из самых знаменитых.

* Отаго — провинциальный округ в Новой Зеландии (Прим. пер.).

**** Данедин — город в Новой Зеландии (Прим. пер.).**

1 Ср.: Wiesner I. *Fahren und Reiten in Alteuropa und im alten Orient* // *Der Alte Orient*. Bd. XXXVIII. 1940. S. 15-16; кроме того: Haniar F. *Das Pferd in prdhistorischer und frher istorischer Zeit*. Wien, 1953. S. 1 ff., 18 ff.; также (о лошадях палеолитической Европы) см.: Laming A. *Lascaux*. Harmondsworth, 1959. P. 127 ff. Pl. 46 (со ссылками).

Я предпочитаю не обозначать термином «тарпан» диких лошадей западных степей (зафиксированных Гmeliном, но вымерших в XIX в.), поскольку, как полагал Риджвей, «лошадь Пржевальского не что иное, как тарпан древних писателей» (Ridgeway W. *The Origin and Influence of the Thoroughbred Horse*. Cambr., 1905. P. 31 ff., особенно: P. 34). Поэтому читатели могут впасть в ошибку, встретив термин, используемый для различных видов. Впрочем, выводы Риджвея, по общему мнению, основаны на информации, полученной из третьих рук.

Судя по всему, более поздние писатели не отличали ископаемую лошадь с красивыми ногами из Сивалыкских холмов, отмеченную Эвартом (см.: Curie J. *A Roman Frontier Post and its People of Newstead*. Glasgow, 1911. App. II. P. 364, 368), от европейских лошадей сходного типа. Деление Эвартом этой прекрасной породы (*Equus agilis*) на «кельтскую» и «ливийскую» разновидности (Ibid. P. 363; ср.: Ridgeway W. *Op. cit. Passim*) не подтверждается историческими свидетельствами для ливийской лошади, представленными нами далее, в Главе II. Два различных типа, один — до четырнадцати ладоней в высоту, а другой — значительно ниже, определенно сформировались к тому времени, когда был занят Ньюстед (во II в. н. э.). Однако возможно, что они произошли от близкородственных пород (ср. сходство мозолей на ногах арабских лошадей и кельтских пони, описанное Риджвеем: Ridgeway W. *Op. cit.*).

2 Mequenem R. *Foules de Suse, 1929—1933* // *Memoires de la Dйlegation en Perse*. T. XXV. 1934. P. 199. Pl. 38. № 23—25; Idem. *Outillage prйhistorique d'un nouveau sondage dans l'acropole de Suse* // *L'Anthropolie*. T. XL. 1930. P. 227. Pl. 1, 8; Hermes G. *Das gezdhmte Pferd im Alten Orient* // *Anthropos*. Bd. XXXI. 1936. S. 365—366; Ghirshman R. *Iran. Parthes et Sassanides*. P., 1962. P. 34—35; Haniar F. *Das Pferd...* S. 406. Однако неужели резьба по кости из Суз, изображающая не просто верховых, а оседланных лошадей, и впрямь столь древняя, как утверждают те, кто нашел ее?

3 Piggott S. *Prehistoric India to 1000 B. C.* Harmondsworth, 1950. P. 121; Haniar F. *Das Pferd...* S. 463 ff.

4 Hermes G. *Das gezdhmte Pferd...*; Haniar F. *Das Pferd...* S. 455 ff. На оттисках печатей из ассирийской торговой колонии в Кюльтепе в Анатолии изображены колесницы, запряженные четырьмя животными. Считается, что это лошади. См.: Hermes G. *Das gezdhmte Pferd...* S. 368 (со ссылками).

5 Valmin M. N. The Swedish Messenia Expedition. Lund, 1938. P. 38, 138; Blegen C W., Caskey J. L., Rawson M. Troy III (The Sixth Settlement). Princeton, 1950. P. 10. Из-за обилия материалов американских раскопок я не рассматриваю кости, найденные Шлиманом предположительно в Трое I и II. Что касается костей из Бухена, то о них см.: Emery W. B. Report on excavations at Buhen // Illustrated London News. Sept. 12. 1959. P. 250—251. Fig. 8.

6 Karo G. Schachtgräber von Mykenai. München, 1930. Pl. 24. № 240; ср.: Pl. 86.

7 Wiesner I. Fahren... S. 25; Lorimer H. L. Homer and the Monuments. L., 1950. P. 310—311 (со ссылками). Полный отчет о скелетах двух лошадей, недавно найденных профессором Пападимитриу возле Марафона (Papadimitriou // AJA. Vol. LXIII. 1959. P. 280. Pl. 74. Fig. 6), совершенно необходим. Профессор Притчетт, который совершил специальную поездку, чтобы взглянуть на останки этих лошадей, сказал мне, что они явно не больше пони. Однако бесполезно рассуждать об их породе, поскольку на все вопросы, несомненно, скоро будет получен ответ в полном научном отчете.

8 Милонас утверждал, что на стеле из шахтных гробниц изображены скачки колесниц во время погребальных игр (Mylonas G. E. The Figured Mycenaean Stelai // AJA. Vol. LV. 1951. P. 134—137; Idem. Ancient Mycenae: the Capital City of Agamemnon. Princeton, 1957. P. 110). Я не могу с этим согласиться. Поврежденная стела из нового Могильного круга, показывающая пастухов и собак, защищающих скот от львов, едва ли может изображать спортивное состязание.

9 Lefebvre des Noettes C. L'Attelage le cheval de selle a travers les ages. P., 1931. Passim; особенно: P. 12—16.

10 Evans A. J. Scripta Minoa. Vol. II. Oxf., 1952. № 217—266; ср.: Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambr., 1956. P. 361 ff.; прежде всего: P. 379—380. Эти таблички — просто бирки, а не точные изображения, и не следует придавать особого значения тому факту, что лошади, схематично на них нарисованные, обычно имеют римские носы. Сам факт, что некоторые таблички упоминают лошадей и доспехи, но не упоминают колесниц, еще не доказывает существование кавалерии.

11 Тексты на этих табличках выполнены с помощью линейного письма Б, которое в отличие от линейного письма А возникло позже, чем стала использоваться лошадь.

12 Ссылки см.: Hood M. S. F. A Mycenaean Cavalryman // BSA. Vol. XLVIII. 1953. P. 87. № 10—17; P. 88—89. № 30—32; Bamett R. D. The Nimrud Ivories in the British Museum. L., 1957. P. 53.

13 Meissner B. Babylonien und Assyrien. Bd. I. Heidelberg, 1920. S. 218; Haniar F. Das Pferd... S. 479.

14 Barnett R. D. The Nimrud Ivories... P. 54 (со ссылками).

15 I Царств, X: 28—29; цит. Риджвеем в поддержку его «ливийской» теории.

16 Hrozný B. L'entraonement de shavaux chez les anciens Indo-Européens d'après un texte Mitannien-Hettite provenant du XIVe siècle av. n. e. // Archiv Orientalni. T. III. 1931. P. 431—461. Очевидно, что лошади уже обьежены как для езды в упряжке, так и верхом, и в книге ничего не сказано об их «дрессировке» в смысле первоначального обучения.

17 См.: Gurney O. R. The Hittites. L., 1952. P. 46 ff.; Lorimer H. L. Homer and the Monuments. P. 322—323.

18 Hood M. S. F. A Mycenaean Cavalryman (с указаниями, иногда спорными, на другие ранние изображения всадников). Вентрис и Чедвик (Ventris M., Chadwick J. Documents... P. 260 (№ 147)) не решаются принимать заманчивое предположение, что Кретец из пилосских табличек (ок. 1200 г. до н. э.) был всадником.

19 Hood M. S. F. A Mycenaean Cavalryman. P. 90—91, особенно: п. 59. Ср.: Delebecque E. Le Cheval dans l'Iliade. P., 1951. P. 213 ss.

20 Упоминается как возможность у Лоример (Larimer H. L. Homer and the Monuments. P. 308; однако ср.: P. 309).

21 Ср.: Dawkins R. M. Unpublished Objects from the Palaikastro Excavations. L., 1923. P. 17; Evans A. J. Palace of Minos at Knossos. Vol. IV. Oxf., 1935. P. 807—809.

22 Hood M. S. F. A Mycenaean Cavalryman. О ранних псалях, сделанных из рога: HancarF. Das Pferd... S. 40.

23 О недавней дискуссии см.: Foltiny S. The Oldest Representations of Wheeled Whecicles in Central and Southeastern Europe // AJA. Vol. LXIII. 1959. P. 53 ff. (со ссылками).

24 Ridgeway W. The Origin... P. 151.

25 Hes. Op. et d., 174 sqq.

26 Hom. Il., IV, 239 sqq. Ср.: Lorimer H. L. Homer and the Monuments. P. 324.

27 Уэбстер полагает, что эти вазы действительно иллюстрируют старые легенды и не представляют тактику своего времени (Webster T. B. L. *Homer and Attic Geometric Vases* // BSA. Vol. L. 1955. P. 38 ff.). Но даже если сюжеты и легендарные (с чем я бы согласился), эти художники, как и художники VII в. до н. э. и более позднего времени, вероятно, изображали своих героев с современным снаряжением.

28 Hom. Il., XV, 679; Od., V, 371.

29 Hom. Il., X, 512 sqq.

30 Данбэбин упоминает возможное изображение Троила (ок. 650—640 гг. до н. э.) (Dunbabin T. D. *The Greeks and Their Eastern Neighbours. Studies to the Relations Between Greece and the Countries of the Near East in the Eighth and the Seventh Centuries B. C. L.*, 1957. P. 79. № 38), однако сюжет неясен. Ср.: Payne H. *Necrocorinthia*. Oxf., 1931. Cat. № 1072.

31 Lorimer H. L. *Homer and the Monuments*. P. 154. Fig. 10; о датировке: Desborough V. R. d'A. *Protogeometric Pottery*. Oxf., 1952. P. 260. О других ранних критских всадниках: Lorimer H. L. *Homer and the Monuments*. P. 504. № 2. О лучниках на колесницах: Brock J. K. *Fortetsa*. Cambr., 1957. Cat. № 1568, P. 134—135, 197—199.

32 О коннице в бою: Ohly D. *Griechische Goldbleche des 8. Jahrhunderts v. Chi. B.*, 1953. № A. 18; Натре R. *Frühgriechische Sagenbilder in Bootien*. Athens, 1936. S. 12, 52. Лоример отмечает пять аттических позднегеометрических всадников, один из которых носит шлем (Lorimer H. L. *Homer and the Monuments*. P. 504. № 2; ср.: Fig. 28. P. 231). Всадники на «протоаттических» вазах (с приблизительно 700 г. до н. э. и позднее) изображаются довольно часто; некоторые из них носят круглые щиты неопределенного типа, копья и шлемы (CVA Deutschland. Fasc. II. Pl. 87, 2; 88, 4; Robinson D. M., Harcum C. G., Iliffe J. H. *Greek Vases in Toronto*. Toronto, 1931. № 120), хотя большинство не вооружено.

33 Sen. Controv., III, Pref. 9.

34 II Царств, 1X:16 слл.; Иез., XXIII:12.

35 Ср.: Lefebvre des Noettes C. *L'Attelage...* P. 199; Наниар F. *Das Pferd...* S. 554.

36 Meissner B. *Babylonien und Assyrien...*; Waterman L. *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*. Vol. III. Ann Arbor, 1931. P. 32 (комментарий к № 60—61).

37 Woolley C. L. *A Forgotten Kingdom*. Harmondsworth, 1953. P. 172 ff.; Robertson M. *The Excavations at Al Mina Sueidia IV; the Early Greek Vases* // JHS. Vol. LX. 1940. P. 2 ff.

38 Lorimer H. L. The Hoplite Phalanx // BSA. Vol. LXII. 1947. P. 56 ff. Однако открытие бронзового панциря и шлема в могиле позднегеометрического периода в Аргосе (BSH. T. LXXXI. P. 322 ss. Pl. I—III) наводит на мысль, что новая тактика могла появиться раньше, чем это предполагала мисс Лоример.

39 London, British Museum 1927/4. 11/1; Athens, National Museum. № 894; Clochй P. Les Classes, Les Mйtiers, Le Traffic. P., 1931. Pl. 1.1.

40 Paus., V, 8,7—8. Поэма «Щит Геракла», приписываемая Гесиоду, где упоминаются скачки на верховых лошадях, возможно, была сочинена в конце VII в. до н. э.

41 Paus., VI, 13, 9—10 (здесь пер. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк и Э. Д. Фролова. — Прим. пер.). Эта история, если она действительно имела место, относится к VI в. до н. э., поскольку сыновья Фейдола одержали победу в 508 г. до н. э.

42 Ridgeway W. The Origin and Influence of the Thoroughbred Horse. Cambr., 1905. Хотя я не согласен с выводами, сделанными в этой работе, но я чрезвычайно признателен за многочисленные свидетельства, собранные в ней.

43 Ср. особенно: Xen. Eq., I.

* Hand (англ.) — ладонь, английская мера длины, равная 4 дюймам, используется применительно к лошадям и им подобным животным (Прим. пер.).

44 Hdt, V, 9; цит. Риджвеем: Ridgeway W. The Origin... P. 94.

45 Ridgeway W. The Origin... P. 108—111, 285 ff. Дион Кассий в свою очередь говорит, что каледонцы использовали колесницы, поскольку их лошади были маленькими (LXXVI 12). (Ср.: Hom. Il., X, 433 sqq.; XXIII, 454—455; V, 265 sqq. (о лошадях Реса и Энея); IX, 407 sqq.; XI, 680 sqq. (о xanthos как о традиционном прилагательном).) Профессор Эмикс указал мне, что имя Ксанф (Xanthos), которое, судя по всему, часто давали скакунам в Коринфе, вазописцы нередко использовали по отношению к животным белого цвета (Payne H. G. Necrocorinthia. Oxf., 1931. № 1072, 1187, 1296, 1412, 1447, 1448, 1449, 1474; также гидрия в Таренте: № 52.846). Можно, таким образом, предположить, что художники либо не связывали данное имя с внешностью изображаемого животного, либо же, если все-таки связывали, обозначали словом xanthos яркий, жизнерадостный, легкий цвет, чьи основные качества они пытались передать с помощью белого, поскольку в их распоряжении был крайне ограниченный набор красок, который не включал точных эквивалентов. Каштановый цвет, возможно, казался бы более подходящим, чем «унылый серо-коричневый».

46 Aristoph. Nub., 1225; Plut. Pelop., 20,2; Dem., XXI, 158; Aul. Gell. NA., III, 9,3.

47 Hom. Il., XVI, 149 sqq. Риджвей (Ridgeway W. The Origin... P. 110—111) признает, что «это та же самая порода, которая использовалась сигиннами в центральной Европе», но в то же время видит в данных лошадях свидетельство для «мнения, столь распространенного в классические времена, что самая быстрая лошадь пришла с Запада».

С Балием можно сравнить Фалия у Эксекиаса как имя для лошадей и мулов (Beazley J. D. Development of Attic Black-Figure. Berkeley; Los Angeles, 1951. P. 72; см. к тому же: Boardman J. Painted Funerary Plaques // BSA. Vol. L. 1955. P. 65, об имени Милий (погонщик мулов, а не мул?)): возможно, пегий, а не в яблоках.

48 Hom. Il., XX, 223 sqq.

49 Весь мир должен признать авторитет современных профессиональных коневодов в вопросах, связанных с арабскими лошадьми, но их взгляды на происхождение этой породы опровергаются свидетельствами, которые я попытаюсь изложить ясно и без предубеждений. Предположение, что финикийцы привезли арабских лошадей в Грецию, не имеет под собою каких-либо оснований. Иезекиль говорит, что из дома Фогарма торговали на рынках Тира лошадьми, всадниками и мулами (XXVII: 14). «Фогарма северных стран» ассоциируется (XXXVIII: 6, ср.: Быт., X:3) с «Гомером (Gomer) и всеми его отрядами», т. е. киммерийцами, которые вторглись в Малую Азию в VII в. до н. э., как раз перед скифами. «Аравия и все князья Кедара» приводят коз и овец, «торговцы из Саввы и Раамаха» — благовония, драгоценные камни и золото (Иез., XXVII: 21—22). (См. ниже прим. 15 о древних изображениях лошадей из Аравии.)

50 Ср.: Hall H. R. Babylonian and Assyrian Sculpture in the British Museum. P.; Brussels, 1928. Pl. XLVI. Барнетт подтверждает, что ассирийцы не получали лошадей из Аравии.

51 Ср.: Hdt., VII, 86.

52 Schmidt E. F. Persepolis. Vol. I. Chicago, 1953 (особенно: Pl. 42—46 и 52). Очевидная разница в размере между персидскими колесничными и верховыми лошадьми — это только одна шкала (Ibid. P. 82—83). Ср.: Hdt., VII, 40 и III, 106. Барнетт называет «сирийских» лошадей Шмидта лидийскими (Barnett R. D. // Iraq. Vol. XIX. 1957. P. 68). Его мнение разделяет Эмендри (Amandry P. Description of recently discovered Persian vases // Illustrated London News. Dec. 27.1958. P. 1140).

53 Ср.: Phillips E. D. New Light on the Ancient History of the Eurasian Steppe // AJA. Vol. LXI. 1957. P. 269 ff. (особенно: P. 275).

54 Schmidt E. F. Persepolis. Vol. I. P. 89. Pl. 46. Идентификация неопределенная; но см. также: Ibid. Vol. II. P. 52.

55 Strabo, XVI, 4 (особенно: 4, 2; 4, 26). Этот рассказ, во многом основанный на материалах Эратосфена (ок. 300 г. до н. э.) и дополненный сведениями из отчетов путешественников более позднего времени, к моменту написания, возможно, устарел во всех отношениях. Однако Страбон располагал также информацией из первых рук, полученной от римского полководца Галла, который в 25 г. до н. э. совершил неудачный поход в Йемен. См. для сравнения рассказ об арабах у Диодора Сицилийского (XIX, 94, 2—10), который упоминает их овец и верблюдов и не говорит о лошадях. В другом месте (II, 50, 5) он действительно пишет о всадниках, охотящихся на арабских страусов, но эта птица была хорошо известна жителям Месопотамии, и Ксенофонт (Anab., 1,5,3) видел, как всадники из армии Кира неудачно на них охотились в 401 г. до н. э.

56 Я чрезвычайно благодарен мистеру Барнетту, хранителю Западноазиатских древностей Британского музея за полученную информацию. Стела из южной Аравии (ее публикация: *Zeitschrift der Deutschen Morgenlndischen Gesellschaft*. Bd. XXX. 1876. S. 115) «вряд ли способна быть датирована раньше чем II в. до н. э., а возможно еще позднее». В Британском музее хранится «камень с грубым граффити, на котором изображен всадник на лошади с длинными ногами. На камне также есть сафаитическая надпись. Подобные надписи обычно датируются не раньше чем II в. до н. э. (или где-то около того) и встречаются лишь на севере аравийской пустыни». Кроме того, Британский музей располагает «маленькой бронзовой фигуркой, датировка которой не ясна, из Северной Аравии, изображающей всадника». Есть бронзовая лошадь из Йемена и в коллекции Думбартон Оукс, см.: Richter G. M. A. *Catalogue of the Greek and Roman Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Cambr, 1956. № 15. P. 26—28. Она датируется, на основании надписей, концом V — началом VI в. н. э. По мнению мисс Рихтер, этот стиль произошел от классической греческой модели, хотя «его негибкость и угловатость указывает на то, что это восточная работа (предположительно Южная Аравия)».

Боссерт перечисляет (со ссылками) некоторое количество других изображений лошадей из Аравии, правда, все они не старше вышеуказанных (Bossert H. T. *Altsyrien*. Tbingen, 1951. № 1302, 1303, 1348, 1349, 1258). При этом ни одно из них не может служить для иллюстрации идеального типа арабской лошади, хотя не исключено, что это неудача художников, а не их моделей. Боссерт в свою очередь указывает (Ibid. Mb 1229—1230) грубые наскальные изображения всадников на лошадях, сражающихся с всадниками на верблюдах из Кильвы в Трансиордании, но полагает, что они относятся к более позднему времени.

Граффити лошадей, объединенные с изображениями верблюдов и страусов, а также небольшими алфавитными надписями, были опубликованы леди Блант (Blunt A. A. *Pilgrimage to Nejd*. Vol. II. L, 1881. P. 285).

Арабская порода определенно была сохранена и выведена в Аравии, и я не думаю, что ее хорошая репутация может быть испорчена тем предположением, что ее первоначальные дикие предки жили где-либо еще.

57 Grattius Faliscus. *Cyneg.*, I, 496 sqq.; Nemesianus. *Cyneg.*, 204 sqq.; Oppian. *Cyneg.*, 1,170 sqq., 270 sqq., 324 sqq.

58 Ранняя дата лошади подтверждается Бушором: Buschor E. Die Plastik der Griechen. В., 1936. S. 70, 74 (лошадь); S. 105, 107 (всадник). Однако см.: Schuchhardt W. Die Kunst der Griechen. В., 1940. S. 429—430. Fig. 397—400; von Rogues de Maumont. Antike Reiterstandbilder. В., 1958. S. 34—35.

59 CHG, I, 5 и 372—374.

60 Ср. особенно рельефы Накш-и-Рустам (Pope A. U. A Survey of Persian Art. Vol. IV. L; N. Y., 1938. Pl. 154—156).

61 Ridgeway W. The Origin... P. 192—193. Strabo, XI, 13,7.

62 Xen. Anab., IV, 5,36.

63 Plin. Nat. hist., VIII, 166; Colum., VI, 27; Varro. De г. г., II, 1.

64 Plin. Nat. hist., VIII, 166 и 144; Silius Italicus, III, 336; Mart., XIV, 199.

65 Ridgeway W. The Origin... P. 312 (с указанием CIL, VI, 10053, 10054, 33943). Но Вегетий (Mulomed., III, 5, 4) говорит, что хотя Африка рождает быстрее лошадей, в них течет испанская кровь.

66 Amm. Marc, XXXI, 2, 6; Veget. Mulomed., III, 6,5.

67 Talbot-Rice T. The Scythians. L, 1957. P. 70—71 (со ссылками). Руденко отмечает, что останки в этом захоронении включали в себя пять темно-коричневых лошадей, одну черную, одну «серо-коричневую» (Rudenko S. I. Der Zweite Kurgan von Pazyryk. В., 1951. S. 16). В Первом кургане были найдены «десять желтых кобыл» (Griaznov M. P., Golomshtok E. A. The Pazirik Burial of Altai // AJA. Vol. XXXVII. 1933. P. 32).

68 CHG, I, 183—185. О галльских боевых лошадях в ранний императорский период см.: Hor. Od., I, 6, 6; Tac. Ann., II, 5. Важность галльской конницы во времена Юлия Цезаря слишком хорошо известна, чтобы нуждаться в особом рассказе.

* Robustus (лат.) — «сильный, крепкий, прочный» (Прим. отв. ред.).

69 CHG, II, 121 sqq. Свида говорит, что он жил в правление Анастасия, предположительно при Анастасии I (491—518 гг. н. э.).

70 Verg. Georg., III, 87: «А между ребер хребта ложбина глубокая» (здесь пер. С. В. Шервинского. — Прим. пер.); ср.: Xen. Eq., 1,11.

71 CHG, II, 121 sqq. Чтобы сгруппировать лошадей Азии, Европы и Северной Африки, я изменил этот порядок (который идет строго по алфавиту) и немного сократил текст.

72 Gibbon E. Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. V. Boston. 1856. P. 209.

73 Strabo, III, 4,15; CIL, II, 2660 (Aymard J. Essai sur les chasses Romaines. P., 1951. P. 184); Veget. Mulomed., 1,56,37—39; III, 6,2—4. Плиний Старший (Nat. hist., VIII, 166) говорит, что испанские лошади, называемые theldones, как и меньшие по размерам asturcones, передвигаются не обычной походкой, а «плавной рысью, поочередно выпрямляя ноги, после чего коня искусно приучают бежать, высоко поднимая ноги» (mollis alterno crurum explicatu glomeratio, unde equus tolutum capere incursum traditur arte). Слова alterno crurum explicatu означают, что обе ноги с одной стороны тела передвигались одновременно (т. е. иноходь), но это кажется необязательным и несущественным, если нужно подчеркнуть, что речь идет о прыжках. Слово glomerare (букв. «свиваться») означает короткие шаги; это же слово используется и Вергилием (Georg., III, 117), когда он пишет о лошади, демонстрирующей свое искусство (т. е. в высокоритмичной рыси, см. ниже, Гл. X). См. также: Mart., XIV, 199; Silius Italicus, III, 335—336.

74 Aelian. Var. hist., II, 24; Plin. Nat. hist., III, 2.

75 Arr. Cynege., 1,4,23—24 (однако см.: Xen. Anab., 1, 5, 2—3).

* Борисфен — древнее название Днепра (Прим. отв. ред.).

76 CIL, XII, 122; Dio Cass., LXIX, 10; SHA. Ael. Spart. Hadr., 25, 11; см.: Aymard J. Essai... P. 176.

77 Xen. Hipparch., 1,13.

78 Lhote H. Le Cheval et le Chameau dans les Peintures et Gravures Rupestres du Sahara // Bulletin de l'Institut Français de l'Afrique Noire. T. XV. 1953. № 3. P. 1138 ss. Ср.: Lhote H. The Search for the Tassili Frescoes. N. Y., 1959. P. 122 ff.

79 Reinach S. La Représentation du gallop dans l'art ancien et moderne // Revue Archéologique. 1900. Pt. I. P. 216 ss., 441 ss. (с продолжением в последующих номерах того же периодического издания); Contenau G. Everyday Life in Babylon and Assyria. L., 1954. P. 238—239.

80 Page D. L. History and the Homeric Iliad. Berkeley; Los Angeles, 1959. P. 21—22.

81 Frankfort H. The Birth of Civilization in the Near East. N. Y., 1956. P. 28; Borchardt L. Das Grabdenkmal des Konigs Sahure. Bd. II. S. 10, PL I; Edgerton W., Wilson J. Historical Records of Ramses III. Chicago, 1936. P. 67 ff.

82 Lhote H. Le Cheval et le Chameau... P. 1171.

83 Ср.: Xen. Hell., III, 1,22; VIII, 4,22.

84 См. обсуждение этого вопроса в кн.: Lefebvre des Noettes C. L'Attelage le shaval de selle a travers les age. P., 1931. P. 66 ss.

85 Xen. Cyrop., VI, 1,50 sqq.; Lefebvre des Noettes C L'Attelage... P. 76—79.

86 Diod., XVII, 19; Lefebvre des Noettes C L'Attelage... P. 69—70.

87 Hdt., IV, 183,189; Ridgeway W. The Origin... P. 251.

88 Lhote H. Le Cheval et le Chameau... P. 1167 ss.

89 Diod., XX, 38,1.

90 Liv., XXXV, 11, 4—13. (Рассказ, на который ссылается автор, описывает встречу нумидийцев не с римлянами, а с лигурами, причем сами нумидийцы находились под командованием римлян. Изложенный эпизод относится к началу II в. до н. э., когда уже несколько лет как завершилась II Пуническая война (Прим. отв. ред.).)

91 Lhote H. Le Cheval et le Chameau... P. 1203 ss. См. также: Ridgeway W. The Origin... P. 248—249.

92 См.: Lhote H. Le Cheval et le Chameau... P. 1212 ss.; Ridgeway W. The Origin... P. 200; дальнейшую дискуссию и ссылки см.: Bovill E. W. The Camell and the Garamantes // Antiquity. Vol. XXX. 1956. P. 19 ff.

93 Как это делает Риджвей (Ridgeway W. The Origin... P. 215 ff.).

94 Dunbabin. T. D. Bellerophon, Herakles and Chimaera // Studies presented to David M. Robinson. Vol. II. St. Louis, 1953. P. 1164 ff. (особенно: P. 1171—1173).

95 Hes. Theog., 274—277. Для ливийских горгон в V в. до н. э.: Hdt, II, 91; Eurip. Bacch., 990—991.

96 Об Арионе см.: Hom. Il., XXIII, 346; Paus., VIII, 25, 5 sqq.; 37, 1 sqq., с цитатой из утраченной «Фиваиды» Антимаха.

97 Ср.: Schachermeyer F. Poseidon und die Entstehung des griechischen Götterglaubens. Bern, 1950. Passim.

98 Pind. Pyth., IV, 17 (здесь пер. М. Л. Гаспарова с небольшими изменениями. — Прим. пер.).

99 Alcman. Partheneion (ed. Page), стк. 50 sqq., с комментариями Пейджа (P. 47—51; доп. прим.: P. 87—88,90).

100 Strabo, V, 1, 9.

101 Aelian. Nat. hist., XVI, 24; Callim., fr. 488 (ed. Pfeiffer); Plut. Sympos., II, 642 b (здесь текст Плутарха в пер. Я. М. Боровского. — Прим. пер.). Виды удил будут рассмотрены в следующей главе. Фотий в IX в. н. э. утверждал, что *lycospad.es* — это «венетские лошади» (возможно, ошибка в связи с *lycophori*).

102 Xen. Сугор., VII, 5, 62.

103 Ср.: Hom. Il., XI, 676 sqq.

104 Theogn., 183—186 (здесь пер. В. В. Вересаева. — Прим. пер.).

105 Lefebvre des Noettes C. L'Attelage le shaval de selle a travers les age. P., 1931. P. 216 ss. (особенно: P. 217—218). Для того чтобы быть действительно эффективной, веревка должна быть надета у верхней части шеи, как раз за головой — я проверил это экспериментальным путем. Однако мистер Винмален сказал мне, что он сомневается, так ли это, поскольку давление будет пережимать крупные артерии, поставляющие кровь к мозгу, как утверждает Левевр де Нозтт.

106 Lhote H. Le Cheval et le Chameau dans les Peintures et Gravures Rupestres du Sahara // Bulletin de l'Institut Français de l'Afrique Noire. T. XV. 1953. P. 1182 ss., 1172. Fig. 8. № 3—4. Он добавляет Силия Италика (1,215—217) к уже приведенным ссылкам. Обратим внимание на его справедливые замечания к Страбону (XVII, 3, 7), где он отвергает попытки Курьера исправить текст и отнести то, что говорится там, к нахрапникам.

107 Xen. Eq., VI, 9.

108 Hrozný B. L'entraînement de chevaux chez les anciens Indo-Européens d'après un texte Mitannien-Hittite provenant du XIVe siècle av. n. e. // Archiv Orientalní. Bd. III. 1931. S. 445—447. Ср.: Hermes G. Das gezähmte Pferd im Alten Orient // Anthropos. Bd. XXXI. 1936. S. 383.

109 Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxf., 1956. P. 82 (Nearchos, № 1).

110 Xen. Eq., V, 3.

111 Pal. Anth., VI, 233,1.

112 О подобных вазах см.: Beazley J. D. Development of Attic Black-Figure. Berkeley; Los Angeles, 1951. P. 39—40; также: Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. P. 15—17.

113 Xen. Eq., V, 1.

114 Aristot. Pol., VII, 1324 b 16.

115 Aristoph. Vesp., 582; ср.: Aves, 682.

116 Strabo, XV, 1,52.

117 Yalouris N. Athena als Herrin der Pferde // Museum Helveticum. T. VII. 1950. P. 44. Fig. 7.

118 Я обсуждал использование rhytogogeus (Xen. Eq., VII, 1; VIII, 3) в JHS. (Здесь и далее автор ссылается таким образом на свою статью, которая на момент сдачи им рукописи настоящей книги в издание еще не была опубликована в указанном журнале. — Прим. пер.)

119 Payne H. Protokorinthische Vasenmalerei. Oxf., 1931. Pl. 10.1; Hatpe R. Frühgriechische Sagenbilder in Boiotien. Athens, 1936. Pl. 40.

120 CVA France. Fasc. XIV. Pl. 609,3; 611,1; ср.: Pl. 613,1; 614,1. Ялурис (Yalouris N. Athena... P. 44) ошибочно интерпретирует повод как кольцевой трензель.

121 Carter H., Newberry P. E. The Tomb of Thoutmosis IV (Musée du Caire, Catalogue Général, XV). Westminster, 1904. P. 25. В гробнице Тутанхамона ни одного экземпляра удила среди массы сгнившей кожаной упряжи не было обнаружено (Carter H. Tomb of Tutankhamen. Vol. I. N. Y., 1923. P. 232).

122 Hermes G. Das gezeichnete Pferd... S. 379 ff.

123 Arr. Ind., XVI, 10 sqq.; Strabo, XV, 1, 66 (возможно, Эратосфен служил источником для обоих). Ссылки на египетские удила с прутьями см.: Yalouris N. Athena... P. 31. Ns 83—84; ср.: Наниар F. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien, 1953. P. 496. Fig. 19.

124 Rodenwaldt G. Tiryns. Vol. II. Athens, 1912. Pl. XIV. P. 110; Fig. 47. P. 103—104; Evans A. J. Palace of Minos. Vol. IV. Pt. II. Oxf., 1935. Fig. 811. P. 827.

125 Относительно бронзовых изделий из Луристана я следую за: Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondsworth, 1954. P. 207 ff.; Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. P., 1962. P. 99 ff.; Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L., 1941. P. 210. Другие иллюстрации приведены в книге: Godard A. Bronzes du Luristan. P., 1931.

126 Athens, National Museum. Inv. № 2553; Reichel W. Homerische Waffen. Wien, 1894. S. 142. Fig. 90; Potratz H. A. Die Pferdegebisse des zweistromländischen Raumes // Archiv für Orientforschung. Bd. XIV. 1941. Fig. 11. S. 9; Lorimer H. L. Homer and the Monuments. L., 1950. P. 327, n. 1; Yalouris N. Athena... S. 30—31.

127 Я не могу понять, почему Потратц (Potratz H. A. Die Pferdegebisse... S. 1—39) считает, что ассирийцы использовали заброшенные нахрапники египетского типа. Его же собственные иллюстрации опровергают это. Точка зрения данного ученого поддержана в работе: Наниар F. Das Pferd... S. 495, 533.

128 Я рад, что моя точка зрения совпадает с точкой зрения Визнера (Wiesner I. Fahren und Reiten in Alteuropa und in alten Orient // Der Alte Orient. Bd. XXXVIII. 1940. S. 30—31). Он также отмечает сходство между удилами из Луристана и «гиксосскими» удилами (Ibid. S. 76—77). По его мнению, последние сопровождали умерших в загробный мир, а не служили предметом практического использования.

129 Это устройство с небольшими вариациями показано на большинстве иллюстраций в данной книге. Современные реконструкции, в которых удила подвешиваются только с

одного конца псалиев (например: Flinders Petrie W. Tools and Weapons. L., 1917 (текст к Pl. LXX, LXXI) — с подгубным ремнем; Delebecque Й. Хйнофон, De l'Art Йquestre. P., 1950. P. 173 ss. — без подгубного ремня), сделаны без учета имеющихся свидетельств.

130 Flinders Petrie W. Tools... PL LXXI. № 40.

131 Wiesner I. Fahren... Pl. II, 4; Yalouris N. Athena... S. 31. № 83—84.

132 Xen. Eq., VII, 10.

133 Xen. Eq., X, 1—2, 12. Я особенно благодарен мистеру Винмалену за его анализ этого отрывка; надеюсь, что я не исказил его точку зрения.

134 САН. Vol. III. Plates. P. 83 с. Примерно к тому же времени относятся подгубноременные удила с высоко прикрепленными псалиями в захоронении командира наемников из Каносы (Jacobsthal P. Early Celtic Art. Oxf., 1944. Pl. 258 d; P. 150 ff.). О более мягких поздних образцах см.: Schille, Forrer. Die Pferdetrense in ihrer Formen-Entwicklung. S. 19. Pl. VII (из Алезии); Curie A. A Roman Frontier Post and Its People (The Fort of Newstead). Glasgow, 1911. Pl. LXXI. № 1—2; Gozzadini J. Mors de cheval Italiques. Bologne, 1875. Pl. III, 2; P. 24 (из Помпеи). Ср. также мои комментарии к Xen. Eq., VI, 1 (в JHS).

135 Помимо примеров, более подробно описанных ниже, отмечу три экземпляра удила «грубого подвижного» типа с валиками вокруг их псалий (Bidder A. de. Les Bronzes Antiques du Louvre. P., 1896. №. 1524, 1525; Flinders Petrie W. Tools and Weapons. L., 1917. Pl. LXXI. № 41). Этот тип вызывает особое подозрение. Однако три остроконечных валика на псалиях, должно быть, представляют собой triboli, о которых сообщают лексикографы (Pollux, 1, 148).

Полные бронзовые валики, усеянные острыми шипами, были найдены в Коринфе и его Перахоре и представлены в музейных коллекциях. Ни один из примеров, известных мне, не может быть точно датирован. Для ссылок см.: Yalouris N. Athena als Herrin der Pferde // Museum Helveticum. T. VII. 1950. P. 32; Davidson D. R. Corinth, XII (The Minor Objects). Princeton, 1952. № 2887—2889.

136 Xen. Eq., X, 6 sqq.

137 Это предложение я разбирал в JHS. Оно вызывало большие затруднения, поскольку Поллукс в конце II в. н. э., не представляя удила Ксенофонта или не понимая, о чем он говорит, переписал это так: «Возможно сделать грубые удила мягкими также, обмотав их вокруг и покрыв их воском (I, 208).

138 Эмendaция Вейске (Weiske) — «Какими бы ни были твои удила», весьма соблазнительна.

139 Xen. Eq., VI, 9.

140 Pernice E. Griechisches Pferdegeschirr. B., 1896. Pl. II. S. 17 f.; Yalouris N. Athena... S. 33—34 (тип В, № 2).

141 British Museum, Guide to the Exhibition Illustrating Greek and Roman Life. Fig. 206 (№ 508).

142 Kunze E., Schleif H. Olympiabericht III // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. LVI. 1941. S. 133 ff.

143 Xen. Eq., VI, 9.

144 Stephani L. Erklärung einiger im Jahre 1875 im südlichen Russland gefundenen Gegenstände // C. R. de la Commission Archéologique de Saint Pétersbourg, 1876. P. 125. № 56 (= Lafaye G. Frenum // DA. Fig. 3293); Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 214. Fig. 115 (наверху слева).

145 Фон Ботмер уже привлек внимание к этим «усложненным» удилам в своей работе: Bothmer D. von. Amazons in Greek Art. Oxf., 1957. Ch. X. № 7,80. P. 183). Лафайе (Lafaye G. Frenum. P. 1337) полагал, что усыпанный точками прямоугольник — это декоративный значок с внешним орнаментом, подобно круглым дискам, которые носились в этих же местах на кельтских кольцевых трензелях (ср.: Jacobsthal P. Early Celtic Art. Pl. 251 ff. P. 121—122). Я привел в JHS несколько примеров, взятых наугад из книги: Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923. Они довольно распространены на аттических красно-фигурных вазах.

146 О настоящих образцах металлических украшений для уздечек см.: Lamb W. Greek and Roman Bronzes. L., 1929. P. 181—182; также: Marshall F. H. Some British Acquisitions of the British Museum // JHS. Vol. XXIX. 1909. P. 157—159. Fig. 9—12. Я благодарен за последнюю ссылку мистеру Хейнсу.

147 Pernice E. Griechisches Pferdegeschirr. S. 27; Carapanos C. Dodone et ses Ruines. P., 1878. P. 52. № 18—19. Walters H. B. British Museum Catalogue of Bronzes. № 357—358 (о двух италийских удилах, датированных приблизительно VII в. до н. э., у которых металлические части полностью сохранились).

148 Я глубоко благодарен мистеру Хейнсу за то, что он привлек мое внимание к следующим образцам из Британского музея.

(1) BM 1907/12.2/19. Козел из слоновой кости, найденный в Эфесе. Hogarth D. G. *Excavations at Ephesus*. L., 1908. Pl. XXI.5; Ms 23 a. P. 163. Возможно, не греческий, ср.: Bamett R. D. *Early Greek and Oriental Ivories* // *JHS*. Vol. LXVIII. 1948. P. 18. Pl. XI a-b.

(2) BM 88/5.12/12. Каменный козел из бронзы (Троада). Hogarth D. G. *Op. cit.* P. 177. Fig. 33.

(3) BM 91/5.13/12. Бронзовый кабан. Источник неизвестен. Hogarth D. G. *Ibid.*

Эти последние два образца трудно датировать, но, возможно, они не позднее архаического периода, и, как и первый, скорее азиатского происхождения, чем греческого.

Скифский орнамент в виде клювов см.: Bamett R.D., Watson W. *Russian Ezcavation in Armenia* // *Iraq*. Vol. XIV. 1952. P. 143.

О персидских образцах и скульптурных изображениях см.: Herzfeld E. *Iran in the Ancient East*. N. Y., 1941. P. 271. Fig. 374 a.

149 Кожаные уздечки, найденные в Пазырыке (Hancar F. *Das Pferd...* S. 531. Fig. 20), имеют соединения различных сшитых ремней. Подбородный ремень и суголовный ремень были скреплены узлами на левой стороне, которые могли быть развязаны, когда уздечку снимали.

О «до-Иродовых» пряжках из Самарии см.: Reisner G. A., Fisher C. S., Lyon D. G. *Harvard Excavations at Samaria*. Vol. I. Cambr. (Mass.), 1924. P. 357. Несколько более поздние образцы из Пальмиры и Хальмы см.: Mackay D. *The Jewellery of Palmyra and Its Significance* // *Iraq*. Vol. XI. 1949. P. 182.

150 CVA Great Britain. Fasc. VIII. Pl. 375,1. Возможно, что это phimos Эсхила (Sept. in Theb., 463), так как Страбон использует это слово для индийских нахрапников.

151 Я рассматривал значение этого слова в *JHS*. Самые важные отрывки, возможно: Aristoph. *Pax*, 154—155 (из металла); Paus., V, 20, 8 (отдельно от удила); Pollux, I, 148; V, 99; X, 54 (в форме кольца); ср. схолии к Eurip. *Phoen.*, 733; Aeschyl. *Prometh.*, 54.

152 *Anatolian Studies*. Vol. IV. 1954. Pl. VIII. Fig. 4.

153 Curie J. *A Roman Frontier Post...* Pl. LXXI.4 (со ссылками: P. 297). Гоццадини отмечает использование похожих кавессонов у итальянских повозочных лошадей в XIX в. (*Gozzadini J. Mors de cheval Italiques...* P. 25).

154 Ср.: Xen. Eq., VII, 1. Кавессон из Ньюстеда (Curie A. *A Roman Frontier Post...*) был найден вместе с удилами.

155 Pal. Anth., VI, 233.

156 Xen. Eq., VII, 1.

157 Ср.: Hanzar F. *Das Pferd...* S. 531 (об удилах из Пазырыка).

158 Xen. Eq., VII, 9.

159 Ср.: Xen. Eq., IX, 8; X, 3.

160 Я обязан моему отцу, сэру Джеймсу Андерсону, за эту информацию.

161 Dio Chrys., LXIII, 5.

162 Ormeaux A. L. des. *Observations sur le mode d'emploi du mors de bronze de Moeringen* // *Revue Archéologique*. Pt. 1. 1888. P. 55; ср.: Richter G. M. A. *Archaic Greek Art*. N. Y., 1949. Fig. 126.

163 Conteneau G. *Everyday life in Babylon and Assyria*. L., 1954. Pl. I. P. 144—145, 237.

164 Псалии в форме трех колец, прикрепленных к вершинам равнобедренного треугольника — два для разделенного суголовного ремня и один для конца мундштука, — обнаружены в Италии (*Gozzadini J. Mors de Cheval Italiques*. Bologne, 1875. P. 25; Wiesner I. *Fahren und Reiten in Alteuropa und in alten Orient* // *Der Alte Orient*. Bd. XXXVIII. 1940. S. 50) и в Венгрии (*Ashmolean Museum. Inv. № 1939.54*) и являются импортными для Греции, хотя один возможный экземпляр изображен на беотийской вазе второй половины VII в. до н. э. (*Yalouris N. Athena als Herrin der Pferde* // *Museum Helveticum*. T. VII. 1950. S. 38. Fig. 5 (со ссылками); *Lefebvre des Noettes C. L'Attelage le shaval de selle a travers les age*. P., 1931. Fig. 234). Они относятся, как и хорошо известные зооморфные псалии (известные также в Центральной Европе), к гладким составным трензелям, обычно находимым в парах; возможно, они использовались для колесничной, а не для верховой езды. (Ср.: *Gozzadini J. Op. cit. Pl. II. № 11*; *Walters H. B. British Museum Catalogue of Bronzes*. L., 1899. № 357—358; *Randall-Maclver D. Villanovans and Early Etruscans*. Oxf., 1924. Pl. 4, 1). Любопытный образец с одностаканым грызлом, псалии которого имели кольца, связанные

фигурками людей с вытянутыми руками, см.: Hanfmann G. M. A. Origin of Etruscan Sculpture // *Critica d'Arte*. 1937. Pl. 122. Fig. 10).

165 Blinkenberg A. Fouilles de Lindos. B., 1931. P. 199. Pl. 24. Fig. 613 (VII в. до н. э.; Италия?); Homolle J. T. Fouilles de Delphes. T. V. P., 1908. P. 118. № 627—628 (ср. с образцами из Луристана: Pope A. U. A Survey of Persian Art. Vol. IV. N. Y., 1931. Pl. 38 d, h; Godard A. Bronzes du Luristan. P., 1931. Pl. XLV. № 175).

166 Gadd C. J. The Stones of Assyria. L., 1936. P. 165. Fig. 16; Potratz J. Die Pferdgebisse des zweistricmladndischen Raumes // *Archiv für Orientforschung*. Bd. XIV. 1941. Fig. 50. S. 32. Образец, сделанный из электрона, был найден в Нимруде: Mallowan M. L. Excavations at Nimrud (Kalhu), 1952 // *Iraq*. Vol. XV. 1953. P. 22 f.

167 Yalouris N. Athena... S. 36 ff.; Hermes G. Das gezahnte Pferd im Alten Orient // *Anthropos*. Bd. XXXI. 1936. S. 379 ff.

168 Barnett R. D. Catalogue of the Nimrud Ivories. Pl. XVIII. Ср. поводья колесничных лошадей Аполлона на мелийской амфоре: Pfuhl E. *Malerei und Zeichnung der Griechen*. München, 1923. Fig. 108. Ваза из Мегар Гиблейских на Сицилии, датированная началом VII в. до н. э., показывает пересекающиеся суголовные ремни, которые, возможно, были предназначены, чтобы изобразить уздечку ассирийского типа (ср. Илл. 6), но я не уверен, что художник намеревался показать удила. См.: *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institute*. Bd. LXIX. 1954. S. 259. Fig. 35; S. 531.

169 Horn. Il., XIX, 393; ср.: Lorimer H. L. *Homer and the Monuments*. L., 1950. P. 327.

170 Beazley J. D. *Development of Attic Black-Figure*. Berkeley; Los Angeles, 1951. P. 88—89: о Бургонской панафинейской амфоре, где допускается, что эта ваза может быть датирована раньше, чем 566 г. до н. э.; но, «судя по стилю, вряд ли она намного древнее» (CVA Great Britain. Fasc. I. Pl. 25,1; ср.: Ibid. № 2,3: о колесницах для гонок, управляемых поводьями). Ср. также: Lorimer H. L. *The Country Cart of Ancient Greece* // *JHS*. Vol. XXIII. 1903. P. 132 ff.

Относительно даты первого «соревнования под названием *synoris*» в Олимпии ср.: Paus., V, 8,10. Кроме того, в Олимпии проводились эксперименты с состязаниями на мулах, однако они вскоре прекратились, поскольку их сочли не слишком почетными.

171 Potratz J. *Die Pferdgebisse...* S. 2 ff. Fig. 2; HaniarF. *Das Pferd in prdhistorischer und fr̃her istorischer Zeit*. Wien, 1953. Fig. 18. S. 495. Отверстия на концах псалиев были, как я полагаю, предназначены для крепления ветвей суголовного ремня уздечки, а не для носового и подбородного ремня; ср.: Илл. 3 а, 4 а, 38 а.

172 Yalouris N. *Athena...* S. 41; цитирует Смита (Smith S. *Assyrian Sculpture in the British Museum*. L., 1938. Pl. 17).

173 Псалии, сделанные из рога, все еще продолжали использоваться в Британии ок. 800—600 гг. до н. э. (Brailsford J. W. *Later Prehistoric Antiquities of the British Isles*. L., 1953. P. 22. Pl. VI, 4) и, возможно, даже в начале римской эры, хотя металлические удила, особенно кольцевые трензели, были к тому времени вещью распространенной (Wheeler R. E. M. *Maiden Castle, Dorset*. Oxf., 1943. P. 308. Fig. 105. № 4). Образцы из Центральной Европы, на которые указывает Чайлд (Childe V. G. *The Danube in Prehistory*. Oxf., 1929. Ch. I), предположительно много старше. Еще ни одного образца не было найдено в Греции или Египте, но кносские таблички (ок. 1400 г. до н. э.) перечисляют удила (?) из рога среди колесничной упряжи, и поскольку, кажется, было два экземпляра для каждой лошади, то это, возможно, были отдельные псалии, а не полные удила. К тому же зафиксирован один экземпляр удила (?) из бронзы (Ventris M., Chadwick J. *Documents in Mycenaean Greek*. Cambr., 1956. P. 365 ff.).

174 Rudenko S. I. *Der zweite Kurgan von Pazyryk*. B., 1951. Pl. I.

175 Haniar F. *Das Pferd...* S. 135; также с Алтая (ок. 700—600 гг. до н. э.): Ibid. S. 141, где показан метод объединения грызла и псалии при помощи ремней уздечки. Ср.: Ghirshman R. *Iran*. Harmondsworth, 1954. P. 81 (Fig. 31, внизу), из некрополя В в Сиялке.

176 В каком-то смысле это подтверждает мнение Потраца, который считает удила с рельефов Ашшурбанапала более примитивными, чем удила с рельефов Салманасара или Асархаддона (Potratz J. *Die Pferdgebisse...* S. 28 ff.), особенно если верно его предположение, что их грызла были сделаны из непрочного материала, а не из металла. Однако последнее не может быть доказано.

177 Woolley C. L. *A North Syrian Cemetery of the Persian Period* // *Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology*. Vol. VII. 1914. P. 122. Pl. XXIV.

178 Это наблюдение я сделал благодаря клейму на удилах из Персеполя в Музее искусств Метрополитен, Нью-Йорк (Inv. № 48.98.19).

179 Haniar F. *Das Pferd...* S. 183—184; он следует за Потрацем (Potratz J. *Die Pferdgebisse...* S. 23 ff.). Ср.: Flinders Petrie W. *Tools and Weapons*. L., 1917. Pl. LXX. № 38; Ormeaux A. L. *des. Observations sur le mode d'emploi du mors de bronze de Moeringen* // *Revue Archéologique*. Pt. 1. 1888. P. 59. Fig. 7.

180 Schmidt E. F. *Persepolis*. Vol. II. Chicago, 1957. Pl. 78. P. 100. (Здесь дата по крайней мере некоторых кавказских удила значительно занижена. Я не достаточно владею информацией, чтобы выразить независимое суждение.) См также: Barmett R. D. *Oriental Influences on Archaic Greece* // *The Aegean and the Near East. Studies Presented to H. Goldman*. N. Y., 1956. P. 226 ff.: о контактах между Грецией и Урарту.

181 Bidder A. de. Catalogue des Bronzes de l'Acropole d'Athènes. P., 1896. N° 506: часто публикуется; ср.: Schmidt E. F. Persepolis. Vol. II. P. 100.

182 Robinson D. M. Excavations at Olynthus. Pt. X. Baltimore, 1929. № 2554.

183 Potratz J. Die Pferdgebisse... S. 18, в Британском музее и Лувре (Pettier E. Musée du Louvre: Cat. des Antiquités Assyriennes. P., 1917. № 165; Lefebvre des Noettes C. L'Attelage... Fig. 34).

184 Perdrizet P. Bronzes Grecques de la Collection Fouquet. P., 1911. Pl. XXXIX.

185 Schmidt E. F. Persepolis. Vol. II. Pl. 78. P. 100; Ghirshman R. Iran. Fig. 71. P. 180.

186 Edgar C. C. Greek Bronzes. Musée du Caire, Catalogue Génér. T. XIX. P., 1904. № 27901. Pl. XIX.

187 Potratz J. Die Pferdgebisse... Fig. 36—37, 41, 44—46.

188 Yalouris N. Athena... Passim.

189 Ibid. S. 38 ff.; ср.: Payne H. Necrocorinthia. Oxf., 1931. P. 53 ff.

190 Kunze E., Schleif H. Olympische Forschungen. Bd. I. B., 1944. S. 169. Pl. 75 a, b, c, d. Я благодарен доктору Германну за то, что он мне послал фотографии, а Германский археологический институт позволил мне опубликовать их. На этих фотографиях видны дополнительные детали.

191 Thureau-Dangin F. Arslan-Tash. P., 1931. Pl. VII; Potratz J. Die Pferdgebisse... S. 50, Anm. 1.

192 Rudenko S. I. Der zweite Kurgan von Pazyryk. Pl. 2. S. 17.

193 Ссылки см.: Yalouris N. Athena... S. 25.

194 См. выше: Гл. IV, прим. 4.

195 Yalouris N. *Athena...* S. 19 ff., 30 ff.; цитирует XIII Олимпийскую оду Пиндара.

196 Tac. *Agric*, 37, 6.

197 Plut. *Artax.*, 11.

198 Hom. *Π.*, V, 226—228.

* «Панч» — название английского юмористического журнала (Прим. пер.).

199 Layard H. *Nineveh and Its Remains*. Vol. II. P., 1850. P. 274.

200 Plato. *Rep.*, V, 467 e.

201 Стеганные или прошитые покрывала для защиты колесничных лошадей были обычным делом в Бронзовом веке и позднее (например, см.: Lorimer H. L. *Homer and the Monuments*. L., 1950. Pl. XI, 1; Barnett R. D. *The Nimrud Ivories*. L., 1957. Pl. XVIII, XXXIV, etc.). Ср.: Xen. *Cyrop.*, VI, 4,1.

202 CVA Great Britain. Fasc. XIII. Pl. 613—614.

203 К примеру: CVA Great Britain. Fasc. VIII. Pl. 375, 3.

* «Как чепрак, покрывала / Львиная шкура его и сверкала когтей позолотой» (Verg. *Aen.*, VIII, 552—553; здесь пер. С. А. Ошерова. — Прим. пер.).

204 CVA France. Fasc. VIII. Pl. 384,3.

205 Xen. *Eq.*, VI, 7—8; VII, 5; Hell, VII, 2,21; *Anab.*, III, 4,35; *Cyrop.*, VIII, 8,19.

206 Xen. *Eq.*, XII, 9.

207 Minns E. *The Art of the Northern Nomads* // *Proceedings of the British Academy*. Vol. XXVI. 1942. P. 62. Pl. V; Talbot-Rice T. *The Scythians*. L., 1957. P. 129 ff.; Rudenko S. I. *Der zweite Kurgan von Pazyryk*. B., 1951. S. 22.

208 О происхождении стремян см.: Bivar A. D. H. *Stirrup and Its Origins* // *Oriental Art*. N. S. Vol. I. 1955. P. 3 ff. Я признателен мисс Бентон за сообщение об этой важной статье.

209 Xen. Eq., VI, 12; Hipparch., 1,17.

210 Plut. C. Gracch., 7.

211 Pollux, 1,213.

212 Xen. Eq., VI, 16.

213 Arr. Tact., 43,3—4; Dessau. ILS, I, 2487.

214 Beazley J. D. *Attic Red-Figure Vase-Painters*. Oxf., 1942. P. 220. № 2 (Онесим).

215 См.: Lafaye G. *Equitatio* // DA, где иллюстрация № 2713 основана на старом и ненадежном рисунке. Я не считаю, что «эфесские амазонки» садились на своих лошадей при помощи копий.

216 British Museum Cat. № E 485. Действия всадника, готовящегося сесть на лошадь, показаны на западном фризе Парфенона и более отчетливо — на одной вазе, датируемой V в. до н. э., хранящейся в Берлине (Pfuhl E. *Malerei und Zeichnung der Griechen*. München, 1923. Fig. 577).

217 Многочисленные примеры см.: Haspels C. H. E. *Attic Black-Figured Lekythoi*. P., 1936. P. 52, n. 2.

218 Возможно: CVA USA. Fasc. XI. Pl. X, 12 b.

219 Pal. Anth., VI, 246, 2.

220 Xen. Hell., IV, 1,39.

221 Свидетельства древних авторов о конских чепраках см.: Stephani L. *Erklärung einiger im Jahre 1864 im südlichen Russland gefundenen Gegenstände* // C R. de la Commission Archéologique de St.-Petersbourg, 1865. P. 164 ss.

222 «Платье для верховой езды» упоминается Аристофаном (*Eccles.*, 846), но можно предположить, что древние меняли свою одежду для внедомашних занятий; и изображения на памятниках не предполагают, что одежда, надеваемая для верховой езды (не считая иноземных нарядов, в которые, как уже упоминалось, иногда облачались молодые щеголи), отличалась от одежды для другой деятельности на открытом воздухе. У Геродота (I, 80) говорится о «кавалерийском снаряжении», а не о платье, и, кроме того, в этом отрывке речь идет о варварах.

223 Северном Причерноморье — другое дело; ср.: *Dio Chrys.*, XXXVI, 7.

224 *Xen. Eq.*, VII, 2 и 8.

225 Я не согласен с точкой зрения Михэлиса (*Keil J. Anonymous Argentinensis. Strassburg, 1902. P. 141, n. 1; Zimmern A. E. Greek Commonwealth. 4th ed. Oxf., 1924. P. 176, n. 1*), который считает, что одеяния всадников на фризах Парфенона являются униформой различных эскадронов.

* Гиматий — род плаща, агора — рыночная площадь (Прим. отв. ред.).

226 *Theophr. Char.*, 21, 8.

227 *Lammert F. Sporn // RE. 2. Reiche. Hbbd. 6. Sp. 1876.*

228 Предназначался ли ремень, который мы видим на левой лодыжке «эфесских» амазонок (их скульптурные изображения — копии с оригиналов V в. до н. э.), для крепления шпоры? (Ср.: *Richter G. M. A. Sculpture and Sculptors of the Greeks. New Haven, 1950. Fig. 620, 655; Bothmer D. von. Amazons in Greek Art. Oxf., 1957. P. 216 ff.*) Меня не убеждает роспись на аттической краснофигурной вазе V в. до н. э., где запечатлена схватка спешенной амазонки с двумя греками; на левой лодыжке воительницы различим некий предмет, который может быть шпорой (*Bulletin de l'Académie Royale de Belgique. T. XI. 1. 1844, лицевая сторона: P. 76; фрагмент приведен: Saglio E. Calcar // DA.*

229 *Pollux, X, 53—54.* Возможно, что греки изобрели шпору. Дешелет отмечает шпоры периода латена (*La Tène*) из Северной Европы (*Dechelette E. Manuel d'Archéologie. T. III. P., 1914. P. 1202—1203*), но все они позднее, чем самые ранние греческие свидетельства. Шортт приводит список шпор, найденных на территории Римской империи, включая недатированные экземпляры из Додоны и Олимпии (*Shortt H. de S. A Provincial Roman Spur from Longstock, Hants., and Other Spurs from Roman Britain // Antiquaries Journal. Vol. XXXIX. 1959. P. 61 ff.*). Также можно отметить шпоры, которые мы видим на бронзовом изображении жокея с мыса Артемисий (II в. до н. э.). Частое использование слова *calcar* авторами классического периода предполагает, что шпоры не были чем-то необычным в римский период, хотя сохранилось относительно мало их экземпляров.

230 Xen. Eq., VIII, 5. Об «оводах» во множественном числе в таком контексте, где эти слова могут означать только шпоры, см.: Theophr. Char., 21. Об «оводе» как стрекале у колесничего см.: Pollux, 1. с. Я полагаю, что инструмент, показанный на Илл. 16 и сходных в сценах запряжки, представляет собой стрекало, хотя оно, возможно, часто использовалась, чтобы ударять лошадей, а не покалывать их (ср.: Ном. II., XXIII, 384—390, где Диомед бросает хлыст и его лошади плохо бегут без стрекала до тех пор, пока Афина не возвращает ему хлыст). Хлыст уместнее смотрелся бы в руках колесничего, но это свидетельство, я полагаю, вполне доказывает, что древние действительно подгоняли своих лошадей стрекалом, а также хлестали их. Делебек считает, что стрекалом пользовались лишь пастухи, объезжавшие свои стада; там, где сообщается, что колесничие ударяли своих лошадей «стрекалом», это надо понимать так, что возницы хлестали животных — просто это слово пришло еще из более ранней пастушеской эпохи (Delebecque Й. Le Cheval dans Iliade. P., 1951. P. 232). Я не согласен с данной точкой зрения. Ср.: Xen. Cyrop., VII, 1,29.

231 Scott W. Tales of a Grandfather. L, 1893. P. 122.

232 На панафинейской амфоре художника Эфхариды (или другого художника, близкого ему по стилю) (CVA Great Britain. Fasc. I. Pl. 27; Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxf., 1956. P. 395. №1—2).

233 Что такое положение дел было обычным и в V в. до н. э., показывает удаление на небеса Тригея верхом на огромном жуке в начале комедии Аристофана «Мир».

234 Xen. Eq., IV, 1 sqq. Деревянные ясли шли по удивительно высокой цене — в 10 драхм и 1 обол — во время продажи имущества обвиненных в профанации мистерий (Pritchett W. K. The Attic Stelae II // Hesperia. Vol. XXII. 1953. P. 225 ff. № II, 39—40).

123 Xen. Eq., IV, 4. Я согласен с Делебеком, который следует рукописи, а не эмендации Поллукса. Размер камней достаточно указан их весом; необходимы некоторые указания об их форме.

236 Xen. Eq., V, 9.

237 Ср.: Xen. Hipparch., 1,16.

238 Вегеций (I, 26) говорит о подрезании копыт сзади в случае ламинита (воспаления хрящей в копытах. — Прим. пер.), но не об обычном подрезании их формы. Я могу здесь исправить свою ошибку, допущенную в JHS: Krithiasis (Xen. Eq., IV, 2) — не колики, как я тогда полагал, а ламинит. Согласно поздним писателям-специалистам по ветеринарии — Вегецию (I, 25 sqq.), автору Mulomedicina Chironis (655), Апсирту (CHG, I, 48—50) и Гиероклу (CHG, I, 50—51), после непосредственного приступа этой болезни, когда первые тяжелые симптомы уже прошли, воспаление переходит на ноги, изменяя форму копыт, делая стрелки мягкими и т. д.

239 Xen. Eq., I, 2.

240 Xen. Anab., IV, 5,36.

241 Aristot. Hist, anim., II, 499 a 30; Colum., VI, 12,2; VI, 15,1.

242 Lefebvre des Nolttes C. L'Attelage le shaval de selle a travers les age. P., 1931. P. 142 ss.

243 Catull., XVII, 25—26.

244 Suet. Vesp., 22,2. Также рассказывали, что Нерон подковал своих мулов серебряными подковами, а его жена Поппея своих — золотыми (Suet. Nero, 30; Plin. Nat. hist., XXXIII, 140).

245 Cp.: Lefebvre des Nolttes C. L'Attelage... P. 136 ss.

246 Wheeler R. E. M. Maiden Castle, Dorset. Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries. Vol. XII. Oxf., 1943. P. 77, 120, 290—291; Hawkes C F. C, Hull M. R. Camulodunum. Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries. Vol. XIV. Oxf., 1946. P. 342.

247 Фукидид (VII, 27) не дает прямых указаний насчет ног.

248 Ward Perkins J. B. The Iron Age Horseshoe // Antiquaries Journal. Vol. XXI. 1942. P. 144—149.

249 Xen. Oecon., XII, 20.

250 Xen. Eq., IV, 4. О том, как надевают уздечки на лошадь, см.: Ibid., VI, 7—11.

251 Plut. Timol., 22,3; Veget. Mulomed., 1, 56, 10.

252 Hdt., 1, 78.

253 Aristoph. Eq., 606; Plin. Nat. hist., XVIII, 144.

254 Polyb., VI, 39, 12 sqq. (Бушель — мера емкости, равная 36,3 л. — Прим. пер.).

255 Pollux, I, 183.

256 Xen. Eq., IV, 3; Сугор., VIII, 1, 38 (здесь пер. Э. Д. Фролова. — Прим. пер.).

257 Plut. Eum., 11, 4; Diod., XVIII, 42, 3. По мнению Подхайского, эта история показывает, что древние понимали под «работой между столбами» то, что практиковалось в Вене (Podhajsky A. Die Spanische Hofreitschule. Wien, 1948. S. 19). Причина этого, как я полагаю, состояла в том, что применять суровые методы, описанные Плутархом, они не считали необходимым. Диодор называет метод Эвмена «упражнением странным и необычным».

258 Veget, I, 56, 11—13.

259 Aristot. Hist, anim., VIII, 595 b 23 sqq.; наблюдение о мутной воде повторено: Ibid., 605 a 9.

260 Xen. Eq., V, 2.

261 Cp.: Swindler M. H. Ancient Painting. New Haven, 1929. Fig. 302.

262 Pollux, I, 185.

263 Pernice E. Griechisches Pferdegeschirr. B., 1896. S. 15.

264 Pal. Anth., VI, 233, 6; 246, 5.

265 Xen. Eq., V, 6.

266 Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambr., 1956. P. 48.

267 Hom. Il., XXIII, 283.

268 Semonid., fr. 7 (ed. Diehl), 57 sqq.

269 Aelian. Nat. hist., XI, 36 (cp.: XVI, 24).

270 Xen. Eq., V, 8.

271 Colum., VI, 35.

272 Hdt., IX, 24; Plut. Pelop., 33,2—3; 34,2 (здесь пер. С. П. Маркиша. — Прим. пер.).

273 Propert., IV, 8,15.

274 Xen. Eq., III, 1.

275 Aristot. Hist, anim., VI, 5764 b.

276 Xen. Eq., II.

277 Xen. Oecon., XIII, 7; ср.: Eq., VIII, 13—14.

278 Xen. Eq., II, 3.

279 Plut. Alex., 6.

280 Xen. Oecon., V, 5 sqq. (здесь пер. С. И. Соболевского. — Прим. пер.). Ср.: Soph. Trachin., 31—33 (об отлучающемся землевладельце V в. до н. э.).

281 Ср.: CVA Pologne. Fasc. II. Pl. 80, 6; CVA France. Fasc. IV. Pl. 163, 3 (Аттика, конец VI в. до н. э.). Об охоте см.: Trendall A. D. Paestan Pottery. Rome, 1936. PL XXVIII a (Южная Италия, IV в. дон. э.).

282 Xen. Eq., VIII, 10.

283 Однако в эпиграмме (Pal. Anth., VI, 112), датируемой приблизительно 300 г. до н. э., говорится об убийстве в горах Аркадии трех оленей дротиками, брошенными рукой всадника. Поэтому Ксенофонт, возможно, чаще видел подобную охоту во время изгнания в Скиллунте, чем на родине, в Аттике.

284 Илл. 16,30 Б, 31 с.

285 Xen. Cyrop., 1, 4, 4—14 (здесь пер. В. Г. Боруховича. — Прим. пер.).

286 Richter G. M. A. Unpublished Gems in Various Collections // AJA. Vol. LXI. 1957. P. 264; Pl. 81. Fig. 6; Plut. Alex, 23,4.

287 Xen. Eq., VIII, 10—11.

288 Theophr. Char., 27,10.

289 Xen. Oecon., XI, 14 sqq.

290 Xen. Hipparch., 1,18.

291 Xen. Mem., III, 3, 6.

292 См.: Lafaye G. Equitatio // DA. Fig. 2717.

293 Xen. Eq., VII, 5—6.

294 Ibid., VII, 11—12. Как указывает Делебек, исправления Германна в начале VII, 12 должны быть отвергнуты.

295 Ср.: Hom. Il., XXIII, 334; Soph. Electra, 745.

296 Xen. Eq., XII, 13.

297 Wynmalen H. Equitation. L, 1938. P. 138.

298 Xen. Eq., VII, 13—19.

299 Xen. Hipparch., 1,26.

300 [Dem.,] LXI, 29.

301 Xen. Anab., IV, 8,28 (здесь пер. М. И. Максимовой. — Прим. пер.).

302 Xen. Eq., VIII, 8.

303 Ibid., 1,8.

304 Xen. Eq., X, 3—5.

305 Ср. суждения Подхайского о постепенном обучении жеребцов Липпизанера (Podhajsky A. Die Spanische Hofreitschule. Wien, 1948). В этой связи см. в его книге Pl. XLVIII—L и его замечания к Ксенофону (S. 14—16).

306 Pollux, I, 206.

307 Oppian. Cyneget., 1,83.

308 См.: Polyb., XI, 18; Plut. Philop., 10 (здесь пер. С. И. Соболевского. — Прим. пер.).

309 Xen. Oecon., XI, 17.

310 Xen. Eq., III, 7; Hipparch., VIII, 3.

311 Xen. Symp., IX.

312 Aristoph. Acharn., 1165 sqq.

313 Xen. Hipparch., VIII, 6; Cyrop., IV, 3,13 sqq.

314 Xen. Hell., V, 3,20.

315 Plut. Ages., 25, 5 (здесь пер. К. П. Лампсакова. — Прим. пер.).

316 Xen. Mem., III, 13,5—6.

317 Aesch., III, 76 и 255.

318 Lys., XXIV (особенно: 12).

319 О седле в виде кресла ср.: CVA USA. Fasc. VI. Pl. 281, 1 а; CVA France. Fasc. II. Pl. 82,8; British Museum. Guide to Exhibition Illustrating Greek and Roman Life. L., 1908. P. 54. Fig. 45 а (ср.: P. 194. Fig. 233). Ср. также с изображением галльской богини Эпоны (ценное собрание ссылок: Magnen R. Epona. Bordeaux, 1953).

320 Lucian. Lexiph., 2; Schol. in Aristoph. Vesp., 191.

321 Рельеф из Даскилия в персидской сатрапии Фригия: Pope A. U. Survey of Persian Art. Vol. IV. L.; N. Y., 1938. Pl. 104 а; но персидские женщины обычно путешествовали в полностью закрытых паланкинах (Plut. Them., 26, 4).

322 Soph. Oed. Col., 311—313.

323 Xen. Oecon., X, 11—12.

324 Ср.: Aristoph. Lys., 1—3.

325 Dem., XXI, 158.

326 Plut. Sol, 25.

327 CVA Danemark. Fasc. IV. Pl. 171 (ср.: CVA Deutschland. Fasc. I. Pl. 28. Fig. 2. S. 30).

328 Athen., IV, 139; Xen. Ages., VIII, 7; ср.: Hom. Od., VI, 49 sqq.; Sappho. Fr. 44 (ed. Page).

329 Propert, III, 14, 11 (но это не подтверждается ни одним из греческих авторов классического периода).

330 Xen. Synege., XIII, 18. Ср.: Tibull., III, 9, где Сульпиция объясняет, что она не интересуется спортом ради него самого.

2331 Xen. Ages., IX, 6; ср.: Paus., III, 17, 6; V, 8,11; при этом множество женщин упомянуто в надписях как владелицы собственных беговых лошадей.

332 Береника II; Гигин (Astron., II, 24) называет ее опытной наездницей и, кроме того, упоминает ее бегового скакуна.

333 Aristoph. Lys, 676 sqq. (ср.: Lys., 1,4).

334 Hdt., IV, 117. Самое древнее изображение амазонки верхом (Bothmer D. von. *Amazons in Greek Art*. Oxf., 1957. P. 9. № 34; P. 103) относится не ранее чем ко второй четверти VI в. до н. э.; однако подобные изображения не были распространены в течение другого поколения. Некоторые восточногреческие фрагменты (например, см.: Илл. 17а) интерпретировались просто как изображения обнаженных девушек верхом на лошадях, но я считаю это ошибочным. (Ср.: CVA Great Britain. Fasc. XIII. Pl. 585; 593 (текст).)

335 Xen. Eq., X, 3—5.

336 Wynmalen H. *Dressage*. L., 1953. P. 190.

337 Ср.: Podhajsky A. *Die Spanische Hofreitschule*. Wien, 1948. S. 16.

338 Xen. Eq., X, 12—16.

339 Wynmalen H. *Equitation*. L., 1938. P. 54.

340 Podhajsky A. *Die Spanische Hofreitschule*. S. 43.

341 CIA, II, 1, 444—445.

342 Isaeus. XI, 40.

343 Podhajsky A. *Die Spanische Hofreitschule*. S. 44 ff.

344 Hdt, V, 3 sqq.

345 Charon ap. Athen., XII, 520 d. Харон, возможно, писал в начале V в. до н. э., и Лампсак не так далеко расположен от Кардии. Я не вижу причины сомневаться в этой истории, хотя она была вплетена в рассказ, состоящий из легенд о безрассудной роскоши города Сибариса, разрушенного в 509 г. до н. э. (Aelian. *Nat. hist.*, XVI, 23; Athen. *loc. cit.* где цитируется «Сибаритская политая» Аристотеля, к настоящему времени утраченная.)

346 Xen. *Oecon.*, III, 8 sqq. (здесь пер. С. И. Соболевского. — Прим. пер.).

347 Xen. Hipparch., I, 11—12.

348 Ср. ниже, прим. 13.

349 Aristot. Ath. pol., 6—7, где приведены свидетельства, что от держателей «земельного надела всадника» изначально требовалось содержать лошадей, чего уже не было при жизни писателя (конец IV в. до н. э.).

350 Но античное свидетельство не показывает, что денежный доход в 300 драхм считался эквивалентом сельскохозяйственной продукции в 300 медимнов, как иногда предполагают.

351 Aristot. Ath. pol., 47, 1.

352 Ibid., 7,4.

353 Как можно заключить из Геродота (I, 63).

354 Pollux, VIII, 108; Cleidemus ap. Photius. Lex., s. v. Naucraria.

355 Plato. Menon, 93 d; Plut. Them., 32.

356 Этот смутный и предвзятый рассказ, приведенный Андокидом (III, 5—7) и повторенный Эхином (II, 173), предполагает, что конница, возможно, была организована во время перемирия со Спартой после 451 г. до н. э. Но некоторые афиняне, видимо, сражались как кавалеристы при Танагре в 457 г. до н. э., когда фессалийцы предали их (вероятно, так как они ожидали, что их друзья-аристократы перейдут на сторону спартанцев) (Paus., 1,29, 6; ср. точку зрения Хельбига, который считал, что афинская кавалерия была организована между 477 и 472 г. до н. э. (Helbig W. Les Ippéistes Athéniens. P., 1904)).

357 Thuc., I, 111.

358 Raubitschek A. E. Dedications from the Athenian Acropolis. Cambr., 1949. № 135 (с комментариями). По-видимому, датируется временем вскоре после 457 г. до н. э.; вероятно, мы можем сделать поправку на 5 или 6 лет, чтобы перенести эту дату как раз на время после начала перемирия со Спартой.

359 Paus., I, 22, 4.

360 Lys., XV, 6; Xen. Mem., III, 3.

361 Подробный рассказ об организации кавалерии ок. 330 г. до н. э. приведен в «Афинской политике» Аристотеля (49,61), а в «Гиппархике» Ксенофонт сообщает информацию о ситуации, происходившей поколением раньше. Впрочем, видимо, не все, о чем говорится в этих произведениях, возможно отнести к V в. до н. э.

362 Однако сам Кимон, вероятно, был одним из первых среди афинян, кто осознал важность конницы. Союз с Фессалией был возобновлен, когда афиняне осаждали Эйон под его командованием (ср.: Dem., XXIII, 199; XIII, 23; Raubitschek A. E. Menon Son of Menecleides // Hesperia. Vol. XXIV. 1955. P. 286 ff.), и его сын Лакедемоний был одним из первых кавалерийских офицеров.

363 Lys., XXI, 2; XXXII, 26—27.

364 Aristoph. Eq., 223 sqq.

365 Ср.: Lys., XXXII, 4 (о человеке, который сделал себе состояние благодаря торговле, служа в пехоте).

366 Ср. рассказ о семье Полистрата, приведенный Лисием (Lys., XX).

367 Ср.: Andoc, I, 75; Lys., XVI.

368 Xen. Hell., II, 4.

369 Если Ксенофонт находился в Афинах в 404—403 гг. до н. э. (а у нас нет причин предполагать обратное), то едва ли он избежал службы при тиранах, возможно, в кавалерии. Как друг Сократа он, должно быть, лично знал многих из Тридцати. Его повествование об этих событиях в «Греческой истории» отличается полнотой и живостью и, вероятно, основано на собственных переживаниях автора.

370 Мантифей (Lys., XVI, 13).

371 Lys., XIV, 5—6.

372 Isaeus, XI, 40 sqq. Ср.: Lys., XXXII (о состоянии приблизительно в 50 талантов, главным образом в торговых вложениях, и, таким образом, приносящем крупный, но и гораздо более рискованный доход).

373 Aristoph. Eccles., 547.

374 Plut. Sol., 23, 3—4; De tranquill. an., 470 (с наставлением о разнице в цене между ввозимыми предметами роскоши и местными продуктами первой необходимости); Aristoph. Eccles., 547; Dem., XXXIV, 39; XLII, 20; 31.

375 Plut. Cim., 10.

376 Xen. Oecon., II, 3.

377 Ср.: Lys., XIX, 62—63.

378 В момент крайней необходимости перед битвой при Аргинусских островах в 406 г. до н. э. многие кавалеристы погрузились на корабли в качестве морских пехотинцев (Xen. Hell., I, 6). Очевидно, это было совершенно исключительным случаем.

379 Мы можем по крайней мере предположить, что он являл собой более типичный пример, чем Мидий, богатый противник Демосфена.

380 Dem., XLII.

381 Aristoph. Nub., 1—21; Lys., VIII, 10 sqq.; Xen. Anab., VII, 8, 6; Isaeus, V, 43; VI, 33. Говорили, будто Букефал Александра Великого стоил 13 талантов (Plut. Alex., 6,1; Gell. NA., V, 2,2).

382 Ср.: Xen. Hipparch., IV, 4; V, 6; Polyaeus, II, 1, 1; Thuc., VII, 75, 5.

383 Dem., XLII, 24. О лагерных слугах, выдаваемых за кавалеристов, см.: Xen. Hipparch., V, 6; Liv., VII, 14,6—10; Caes. BG., VII, 45, 2; Front. Strat., II, 4, 5—6.

384 Polyb., VI, 39,12 sqq.

385 Lys., XVI 6 sqq. Объяснение этому мы находим у схолиастов. Деньги, заплаченные сторонникам Тридцати тиранов, были возвращены после восстановления демократии.

386 Thuc, V, 4,9.

387 Aristoph. Eq., 578.

388 Tod2,1, № 83 (с комментариями).

389 См. выше, прим. 27.

390 Xen. Hipparch., I, 2.

391 Athen., XI, 503.

392 Aristoph. Lys., 562.

393 Xen. Mem., III, 5,18—19.

394 Aristoph. Pax, 1224 sqq.

395 Pritchett W. K. The Attic Stelae II // Hesperia. Vol. XXII. 1953. P. 253 (комментарии см.: Hesperia. Vol. XXV. 1956. P. 307).

396Aristot. Ath. pol., 49, 1.

397 Babr., 76 (здесь пер. М. Л. Гаспарова. — Прим. пер.). Фенипп (Dem., XLII) получает основную часть своего дохода от доставки в город древесины на ослах. Очевидно, большая часть его земельных владений была низкого качества и не использовалась под пашню.

398 Xen. Hipparch., IV, 18 sqq. Относительно недавней дискуссии о задачах античной конницы см.: Adcock F. E. The Greek and Macedonian Art of War. Berkeley; Los Angeles, 1957. P. 47—53.

399 Xen. Hell., VII, 1, 20—22.

400 Diod., XIV, 43, 2—3.

401 См.: Lorimer H. L. The Hoplite Phalanx // BSA. Vol. XLII. 1947. P. 79 (о появлении пластинного панциря в вазовой живописи (VII—VI вв. до н. э.).

402 Xen. Anth., I, 2, 16.

403 Десять тысяч, несомненно, могли выполнить маневр, который не получился у армии Агиса при Мантинее в 418 г. до н. э. (Thuc. V, 71—72).

404 Palat. Anth., XIV, 73. Ср.: Lorimer H. L. The Hoplite Phalanx. P. 132; а также: Lorimer H. L. Homer and the Monuments. L., 1950. P. 210. Однако лучший пластинный панцирь, имеющийся в нашем распоряжении (конец VIII в. до н. э.), происходит из Аргоса: JHS. Vol. LXXIV. 1954. P. 153. Pl. VIII, 6.

405 О набедренниках см.: Larimer H. L. The Hoplite Phalanx. P. 88—89, 133, 135.

406 Xen. Anab., III, 3, 20.

407 Xen. Anab., III, 4, 36 sqq.; ср.: Xen. Hell., IV, 4, 10.

408 Xen. Anab., IV, 2, 20; ср.: Plut. Pelop., 32, 3.

409 Sprockhoff. Panzer // Reallexicon der Vorgeschichte. S. 33. Pl. 13 a; Jacobsthal P. Early Celtic Art. Oxf., 1944. Pl. 258 b-c.

410 Lorimer H. L. The Hoplite Phalanx. P. 79.

411 Ср.: Xen. Mem., III, 10, 9—15.

412 Xen. Eq., XII, 4.

413 Xen. Eq., XII, 2. Ср.: Lefebvre des Noettes C. L'Attelage: le Cheval de Selle a travers les Ages. P., 1931. Fig. 241.

414 Plut. Alex., 32, 8 sqq.

415 В особенности: Aristoph. Pax, 1224 sqq., где испытание, которому подвергся панцирь, доказывает его жесткую конструкцию.

416 Lorimer H. L. *Homer and the Monuments*. P. 197—199.

417 Hdt., IX, 22; ср.: Hdt., VII, 61; VIII, 113.

418 Rostovtzeff M. I. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxf., 1922. Pl. XIX. Ср.: Minns E. *Scythians and Greeks*. Cambr., 1913. P. 73—74; Talbot-Rice T. *The Scythians*. L., 1957. P. 127.

419 Особенно см. аттические образцы. См.: Pfuhl E. *Malerei und Zeichnung der Griechen*. München, 1923. Fig. 418, 463.

420 Xen. *Hell.*, VII, 2, 21.

421 Beazley J. D. *Attic Black-Figure Vase-Painters*. Oxf., 1956. P. 81. № 1.

422 Изображение на одной вазе (CVA France. Fasc. XIV. Pl. 621) может быть исключением, однако современные реставрации и перерисовки сделали невозможным полагаться на его детали.

423 Это было установлено в работе: Helbig W. *Les ippeis Athiniens*. P., 1904. P. 18, 107, где высказывается интересное предположение, что «всадники» в Спарте, возможно, когда-то были подобным отрядом посаженной на лошадей тяжелой пехоты. Не исключено, что езда на лошади в вооружении менее трудна, чем предполагает автор. Данные всадники иногда носили поножи, но, насколько мне известно, никогда не имели прикрытия для бедер. Перечень «всадников» и «оруженосцев», приведенный в указанной работе, может быть теперь дополнен; см. в особенности: Kunze E., Schleif H. *Olympische Forschungen*. Bd. II. B., 1950. S. 183—184.

424 Beazley J. D. *Attic Black-Figure Vase-Painters*. P. 58. № 119.

425 Payne H. *Necrocorinthia*. Oxf., 1931. № 986.

426 CVA Great Britain. Fasc. II. Pl. 66, 2 с.

427 Например, см.: Payne H. *Necrocorinthia*. № 495—503.

428 Например, см.: Payne H. *Necrocorinthia*. № 1437; CVA Danemark. Fasc. III. Pl. 139—140; CVA France. Fasc. XIV. Pl. 617, 3—4; 618, 2.

429 Payne H. *Necrocorinthia*. №. 1169, 1181 с, 1184; Benson J. L. *Some Notes on Corinthian Vase-Painters* // *AJA*. Vol. LX. 1956. Pl. 74. Fig. 33; Pl. 75. Fig. 34; Pl. 76. Fig. 39.

430 Например, см.: Helbig W. *Les ippeis Atheniens*. P. 103. Fig. 37 (интерпретировано как изображение двух сидящих верхом пехотинцев, подвергшихся внезапному нападению, прежде чем они смогли спешиться). Кроме того, см.: CVA USA. Fasc. XI. Pl. XX, 32 с (очень грубый набросок); CVA France. Fasc. XIV. Pl. 621, где также показан греческий конный лучник — другой редкий пример. Очень неумело перерисовано и отреставрировано: детали совсем не ясны. На двух этих последних вазах (аттические чаши, расписанные приблизительно в середине VI в. до н. э.) тип щитов определить невозможно.

Я исключаю изображения амазонок. Скачущие галопом мальчики с легкими (в виде полумесяца) щитами появляются на архаических рельефах с острова Фасос (Richter G. M. *A. Archaic Greek Art*. N. Y., 1949. Fig. 161).

431 Всадники со щитами, подвешенными за спиной: CVA Great Britain. Fasc. V. Pl. 206; CVA Pologne. Fasc. II. Pl. 59. Защитное вооружение, но без щитов: CVA Danemark. Fasc. II. Pl. 93,4 а; CVA France. Fasc. IV. Pl. 158 (Аттика, VI в. до н. э.); также на вазах из Коринфа: Payne H. *Necrocorinthia*. № 1090, 1474; и на саркофаге из Малой Азии, датированном самым концом VI — началом V в. до н. э. (CVA Great Britain. Fasc. XIII. Pl. 610).

Я не могу согласиться с точкой зрения Хельбига, что эти изображения показывают посаженную верхом пехоту, которая забросила свои щиты для преследования или бегства.

432 Xen. Eq., XII, 3.

433 Rumpf A. КсѢнпт ВпйфйпхсгЭт // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften; Phil.-hist. Klasse*. 1943. № 8.

434 Ibid. S. 15 (монеты Пирра Эпирского и Евкратиды Бактрийского; кроме того, ранняя фессалийская монета, в связи с которой см. прим. 16 выше).

435 Xen. Eq., XII, 5.

436 Rumpf A. КсѢнпт ВпйфйпхсгЭт. S. 6 (со ссылками в прим. 3—4).

437 Ср.: Xen. Eq., VII, 8.

438 Lorimer H. L. *The Hoplite Phalanx*. P. 132; Rumpf A. КсѢнпт ВпйфйпхсгЭт. S. 6.

439 Minns E. *Scythians and Greeks*. P. 72.

440 Ср.: Xen. Eq., XII, 8 (текст здесь не следует исправлять).

441 В JHS я предположил, что это был греческий ответ на защитные штаны варваров. Я упустил из виду персидский рельеф с «ногами, защищенными седлами», опубликованный в работе: Munro J. A. R. *Dascylium* // JHS. Vol. XXXII. 1912. P. 66.

442 Xen. Anab., I, 8, 6—7. Ср.: Arr. Tact., 4, 1 (о вооружении сарматов).

443 Xen. Eq., XII.

444 Xen. Cyrop., VII, 1,1—2.

445 Оба они известны по изображениям и сохранившимся образцам. Ср.: Lafaye G. *Frontale* // DA. P. 1342 a—1343 b.

446 Ср.: Xen. Cyrop., VI, 4, 1; также ср. обсуждение мной вопроса в JHS.

447 См. выше, прим. 28.

448 Plut. Artax., 11, 9 (ср.: Hdt., IX, 22).

449 Например, всадник на гребне из кургана Солоха (см. выше, прим. 21), который носит греческих шлем (правда, не беотийского типа), однако держит скифский более толстый щит.

450 Этот тип, возможно, принесенный из Азии в Грецию в архаический период, стал широко распространенным. В Британском музее хранится превосходный образец из Испании (*Guide to the Exhibition Illustrating Greek and Roman Life*. P. 100).

451 Xen. Eq., XII, 11—12.

452 Xen. Hipparch., I, 21.

453 Beazley J. D. *Development of Attic Black-Figure*. Cambr., 1951. P. 96—97.

454 Xen. Eq., XII, 13.

455 Plut. Artax., 9,1—3.

456 Xen. Hell., III, 4,13 sqq.

457 Xen. Cyrop., VI, 2,16.

458 Ср. с тактикой персидской конницы в 479 г. до н. э.: Hdt., IX, 20 sqq.

459 Xen. Hell., V, 4, 39—40 (здесь пер. С. Я. Лурье. — Прим. пер.). О подготовке к этому виду боевых действий ср.: Xen. Eq., VIII, 10—12.

460 Xen. Hell., IV, 3,5; Ages., II, 2—5.

461 Иногда предполагается, что македонская кавалерия врубилась в строй греческой пехоты в битве при Херонее в 338 г. до н. э. Но это подтверждается наиболее ненадежными рассказами древних об этой битве; по крайней мере, воины фиванского «священного отряда» погибли на своих местах, а потому не могли быть разгромлены в ходе кавалерийской атаки.

462 Plut. Eum., 7, 7 sqq. (здесь пер. Л. А. Фрейберг. — Прим. пер.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AJA — American Journal of Archaeology. Boston

BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris

BSA — Annual of the British School at Athens. Athens; London

CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge

CHG—Corpus Hippiatricorum Graecorum / Ed. E. Oder, C. Hoppe. Leipzig, 1924—1927

CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum / Ed. A. Boeckh. Berlin

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum / Ed. Th. Mommsen.

Berlin CVA — Corpus Vasorum Antiquorum:

Danemark. Fasc. II, III, IV (Copenhagen: Musée National)

Deutschland. Fasc. I (Bonn: Akademisches Kunstmuseum)

Deutschland. Fasc. II (Berlin: Antiquarium)

Deutschland. Fasc. IX (München: Museum Antiker Kleinkunst)

France. Fasc. II, IV, VIII, XIV (Paris: Musée du Louvre)

Great Britain. Fasc. I, II, V, VIII, XIII (London: British Museum)

Pologne. Fasc. II (Collections de Cracovie)

USA. Fasc. VI (Baltimore: Robinson Collection)

USA. Fasc. XI (New York: Metropolitan Museum of Art)

DA — Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris, 1877—1919

JHS — Journal of Hellenic Studies. London

RE — Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart; München, 1894

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Глава I. Лошади в доисторической Греции

Глава II. Породы лошадей

Глава III. Поводья и первые удила

Глава IV. Поздние удила и уздечки

Глава V. Развитие конструкции удил

Глава VI. Чепраки, одежда и другие принадлежности

Глава VII. Управление конюшнями

Глава VIII. Обучение и верховая езда

Глава IX. Использование лошади в других случаях

Глава X. Высший класс верховой езды

Глава XI. Экономика конного хозяйства

Глава XII. Воинское снаряжение и тактика